

ISSN 2306-417X

Век информации

Серия основана в 2012 году

ЖУРНАЛИСТИКА И ВОЙНЫ

К 100-летию Первой мировой войны

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ВЫСШАЯ ШКОЛА
ЖУРНАЛИСТИКИ
И МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ

Век информации

Журналистика и войны
к 100-летию
Первой мировой войны

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЖУРНАЛИСТИКИ
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ»

ISSN 2306-417X

Век информации

Журналистика и войны

К 100-летию

Первой мировой войны

Материалы 53-й международной
научной конференции
«Средства массовой информации
в современном мире. Петербургские чтения»
С.-Петербургский государственный университет,
23–25 апреля 2014 г.

Отв. редактор *Л. П. Громова*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2015

ББК 76.01

В26

Редакционная коллегия: Л. П. Громова (отв. редактор),
Г. В. Жирков, О. С. Кругликова

Рецензенты: д-р филол. наук А. И. Акопов (Южный федерал. ун-т),
д-р филол. наук Е. И. Орлова (Моск. гос. ун-т)

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»
Санкт-Петербургского государственного университета

Век информации. Журналистика и войны : к 100-летию
В26 Первой мировой войны : матер. 53-й междунар. науч. конф.
«Средства массовой информации в современном мире. Петер-
бургские чтения». С.-Петерб. гос. ун-т, 23–25 апр. 2014 г. / ред.
коллегия: Л. П. Громова (отв. ред), Г. В. Жирков, О. С. Круглико-
ва. — СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. ком-
муникаций», 2015. — 274 с.

В сборнике публикуются статьи участников панельной дискуссии «Жур-
налистика и войны». Тематика докладов о роли журналистики в освещении
войны была разнообразной и не ограничивалась временными рамками пе-
риода Первой мировой войны — представлены статьи о разных войнах XIX–
XX столетий. Рассматриваются этапы формирования института военных
корреспондентов, специфика работы журналистов в «горячих точках», мето-
ды информационных войн в вооруженных конфликтах, творческий арсенал
журналистов, пишущих о войне, характер освещения военных событий в
различных периодических изданиях России.

ББК 76.01

Серийное издание «Век информации» зарегистрировано
в Международном центре ISSN 19 декабря 2012 г.

Издатель Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»
Санкт-Петербургского государственного университета

ISSN 2306-417X

9 772306 417783 >

© С.-Петерб. гос ун-т,
Ин-т «Высш. шк. журн.
и мас. коммуникаций», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Алексеев К. А.</i> Мобилизация спорта и ее освещение в прессе в 1914–1915 годах	7
<i>Авдонина Н. С.</i> Понятие коллективной ответственности в дискурсе оправдания войны	19
<i>Бабкина Е. С.</i> Японский оккупационный режим в Маньчжурии и его отражение в детской периодике русской эмиграции	30
<i>Байбатурова Н. М.</i> Гражданская журналистика и публицистика авторов русского зарубежья периода окончания «холодной войны»	37
<i>Волковский Н. Л.</i> Свобода слова и военная тайна: исторический аспект	48
<i>Гордеева Е. Ю.</i> Читающая Россия в годы Первой мировой войны (по материалам книговедческих журналов)	57
<i>Жиликова Н. В.</i> Новые газеты и журналы Томска периода Первой мировой войны ...	68
<i>Жирков Г. В.</i> Первая мировая война и трансформация парадигмы журналистики	77
<i>Ильченко С. Н.</i> Первая мировая война на российском телеэкране: иллюзия достоверности?	97
<i>Киселева А. А., Щербаклова Г. И.</i> Фотография как летопись Первой мировой войны	104
<i>Кругликова О. С.</i> Русско-турецкая война 1877–1878 годов на страницах «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского	112
<i>Кулагина А. А.</i> Публицистика В. И. Немировича-Данченко в Русско-турецкую войну 1877–1878 годов	125
<i>Куличкина Г. В.</i> Боевые действия в Чечне и проблема факта и правды журналистского текста (на примере материалов пермской региональной прессы 1995 года)	137
<i>Лыткина Л. В.</i> Очерк К. Симонова «Дни и ночи» (1942)	147
<i>Патрушева Н. Г.</i> Первая мировая война и цензурные учреждения России	155
<i>Первалова Е. В.</i> Русско-турецкая война на Балканах 1877–1878 годов в освещении «Московских ведомостей» М. Н. Каткова	164
<i>Позднякова Е. Г.</i> Тема Великой Отечественной войны на страницах районной печати: история и современность («Колхозная правда», Курганская область)	174
<i>Семёнова Г. П.</i> «За Россию мыслимую, желаемую и возможную» (публицистика Л. Н. Андреева в годы войны и революций 1917 года)	183
<i>Сляднева О. В.</i> Визуальное отражение событий Крымской войны в «Русском художественном листке»	194
<i>Соколова Д. В.</i> Отношения СМИ и правительства США в годы Вьетнамской войны	204

<i>Харук О. В.</i> Современная журналистика об Отечественной войне 1812 года: проблемы и творческие решения	215
<i>Якимова С. И.</i> Журналистика Дальнего Востока России в годы Гражданской войны	230
ПРИЛОЖЕНИЕ	
<i>Л. П. Громова.</i> Блокадный дневник школьного учителя	239

К. А. Алексеев

С.-Петербургский государственный университет

МОБИЛИЗАЦИЯ СПОРТА И ЕЕ ОСВЕЩЕНИЕ В ПРЕССЕ В 1914–1915 ГОДАХ

Статья посвящена отражению в журналистике первого опыта масштабного использования спорта и физического развития в интересах государственной и национальной безопасности. Программа мобилизации спорта вызывалась необходимостью повышения обороноспособности страны и была инициирована спортивной общественностью и спортивной прессой.

Ключевые слова: спорт, физическое развитие, спортивная печать, военизация спорта, допризывная подготовка

К 1914 г. в России была выстроена эффективная система организации спортивного движения во главе с Канцелярией главнонаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской империи, которой подчинялись Российский олимпийский комитет, всероссийские лиги и союзы по различным видам спорта, спортивные организации меньшего ранга — общества, клубы, кружки спорта. Российские спортсмены на соревнованиях показывали результаты, сопоставимые с лучшими зарубежными образцами. Нужды спортивного сообщества обслуживала разветвленная сеть специальных периодических изданий по спорту и спортивные отделы общественно-политической

прессе. Первая мировая война стала первым в истории России опытом использования спорта в военных целях, когда сфера физического воспитания подверглась усиленной милитаризации в интересах государственной безопасности.

Соприкосновение двух областей происходило и ранее, поскольку традиционно из всех представителей российского общества более других в развитии спорта — как средства улучшения физической подготовки армии — были заинтересованы именно военные структуры. Не случайно в дореволюционный период наиболее популярным из всех видов спорта в России был конный спорт, развитию которого способствовали постоянные войны, требовавшие улучшения подготовки кавалерии, роста уровня мастерства наездников и совершенствования качеств верховой и ездовой лошади, что и достигалось при помощи скаковых и беговых состязаний.

Историк спорта А. Б. Суник пишет: «С огромным интересом спорт восприняло русское офицерство — составная часть аристократии и дворянства. Этот интерес формировался уже в стенах кадетских корпусов, где телесному воспитанию придавали приоритетное значение. Красноречивым примером отношения офицерства к спорту является деятельность Главной гимнастическо-фехтовальной школы в Петербурге, открытой в 1909 году. Главная школа внесла большой вклад в развитие российского спорта. Офицеры были сильнейшими спортсменами в фехтовании, конном спорте, стрельбе, гимнастике. <...> В военных округах функционировали региональные гимнастическо-фехтовальные школы, деятельность которых способствовала приобщению офицеров к спорту, пропаганде спорта»¹.

В такие школы, где готовили инструкторов гимнастики и фехтования для армии, командировались офицеры всех родов оружия. Они обучались гимнастике, легкой атлетике, спортивным упражнениям и играм, всем видам фехтования — от эскадрона до штыка — и рубке шашкой. Теоретически в школе изучали анатомию, физиологию, гигиену. Главную военную гимнастическо-фехтовальную школу можно назвать крупнейшим методическим и кадровым спортивным центром России начала XX в. И в целом

внимание со стороны военных оказывало положительное влияние на стимулирование спортивного движения и на формирование его организационной структуры.

Особым явлением дореволюционной спортивной жизни следует признать «сокольство» — военно-патриотическое движение, в котором спортивная сторона — сокольская гимнастика — была тесно переплетена с идеологической составляющей. После поражения в Русско-японской войне именно сокольское движение сумело выработать и проводить в жизнь необходимые русскому обществу в тот период идеи укрепления нации, гармоничного совершенствования тела и духа. Своими задачами «соколы» ставили воспитание молодого поколения в патриотических традициях и совершенствование его спортивной подготовки.

Можно также вспомнить и создание из учащихся средних учебных заведений «потешных» отрядов, идею которых поддерживал сам Николай II, и первые опыты организации обществ бойскаутов, которые предпринимались в России перед самой войной. Эти и другие возможности использования спорта в военном деле (велосипедный спорт, лыжный спорт, автомобильный и т. д.) традиционно встречали пристальное внимание со стороны спортивной прессы. То есть к 1914 г. между спортивной и военной сферами сложилась прочная структура взаимоотношений. Но с началом войны речь зашла о более широком явлении — об опыте всеобщей военизации спорта.

Уже накануне войны спортивные публицисты задумывались о необходимости и неизбежности военизации спорта. Например, известный журналист Г. А. Дюперрон писал в 1914 г.: «Совершенно понятно, какую огромную роль в военной подготовке играет спорт. Легкая атлетика, игры, все это способствует тому, чтобы в армию попал... человек уже вполне подготовленный к военной науке, человек сильный телом, и в физических упражнениях укрепивший свой дух»².

Первым замыслом введения допризывной подготовки можно считать идею «Знака нормального атлета» (идея была заимствованной: так, в Швеции подобный знак существовал с 1908 г.). Начиная с 1913 г. в Российском олимпийском комитете и в спор-

тивной прессе довольно активно обсуждался проект введения испытаний по различным отраслям спорта и учреждения «Российского спортивного знака нормального атлета» как правительственной награды, присуждаемой с целью поощрения занятий спортом и улучшения общего физического развития населения. Его должны были получать русские спортсмены, выполнявшие за год и затем в течение 8 лет подтверждавшие необходимые нормы из 5 групп упражнений (гимнастика, футбол, лаун-теннис, легкая атлетика, фехтование, бег на коньках, плавание, ходьба пешком, езда на велосипеде, гребля, тяжелая атлетика и т. д.). Правда проект введения в программу «Знака нормального атлета» специальных военных упражнений так и не прошел обсуждения на заседании Российского олимпийского комитета, о чем уже довольно скоро — в 1914 г. — пришлось пожалеть.

С началом войны в публицистике многих спортивных журналистов, особенно из числа спортсменов, связанных с военной средой, на первый план вышла тема необходимости введения допризывной подготовки. По примеру других стран, прежде всего Франции, где правительство активно покровительствовало спортивным организациям с целью улучшения физической подготовки призывов 1915, 1916 и 1917 гг., русские спортсмены задумались о выработке программы физического воспитания для молодежи, чтобы восполнить тяжелые потери новыми силами, более подготовленными.

«Вся молодежь наша, оставшаяся дома, не должна сидеть, сложа руки, а еще с сугубым рвением заняться физическими упражнениями и спортом, дабы в наикратчайший срок превратить себя в сильных, здоровых и крепких и телом, и духом граждан», — призывал летом 1914 г. журнал «Русский спорт», безусловный лидер среди спортивной периодики (Рус. спорт. 1914. № 30. С. 1). Людвиг Чаплинский в статье «Что делать спортсменам?», опубликованной тем же журналом в начале сентября 1914 г., писал: «Мы смотрим на спорт, как на великое средство к возрождению могучего народа, к созданию той „крепкой, как скала гранитная армии“ — золотые слова нашего Государя, — которая теперь проливает за нас свою кровь» (Там же. № 31. С. 3).

Очевидно, что инициатива исходила снизу — от спортивных обществ и активных деятелей спорта, выступавших в прессе. Один из известнейших спортсменов поручик Николай Тарасов предлагал ввести военизированные физические упражнения в учебных заведениях: «В настоящее время в войсках и военных училищах нет времени для занятия спортом; но в кадетских корпусах и гражданских учебных заведениях надо использовать все свободное время на гимнастику, спорт, обучение строю, стрельбе и т. п., т. е. на физическое развитие и подготовку к военной службе. <...> Надо воспользоваться наступающим зимним сезоном для обучения лыжному спорту, а также бегу на коньках, окопному делу с производством атак снежных укреплений. Старшие классы кроме обычной гимнастики должны заниматься стрельбой из револьверов и ружей, рубкой шашкой, фехтованием, приобретением навыка к движению ползком» (Там же. № 46. С. 2).

Во многих спортивных организациях эти призывы уже начинали воплощаться в жизнь, о чем сообщала спортивная пресса. То есть явление, которое в 1915 г. получило название «мобилизация спорта», фактически началось раньше — с осени 1914 г.

Наконец в сентябре 1915 года «Русский спорт» объявил, что мобилизация спорта обрела статус официально одобренной государственной программы: «7-го сентября в зале Совета Министров в Мариинском дворце, — пишет Н. Тарасов, — состоялось заседание временного совета при главнонаблюдающем за физическим развитием народонаселения Российской империи. На заседание были приглашены представители всех ведомств, все-русских спортивных организаций, Императорского пожарного общества и сведущие лица в области физического развития. Председательствовал В. И. Срезневский... открыл заседание речью, в которой указал на горячее желание спортивных организаций придти на помощь родине. Спорт решил мобилизовать свои силы для содействия военному министерству в предварительной общей подготовке будущей призывной молодежи (курсив мой. — К. А.). Идея мобилизации спортивных сил встретила всеобщее одобрение. Признано единогласно, что устройством предварительных занятий для будущей призывной молодежи и доброволь-

цев спортивные организации с честью выполняют свой долг перед родиной и дадут армии контингент вполне обученных солдат. <...> Общая инструкция для осуществления этой цели будет составлена военным ведомством, представитель которого, генерал Лазаревич, отметил в своей речи выдающееся значение мобилизации спорта. Полковник А. П. Галкин, как представитель главной офицерской гимнастическо-фехтовальной школы, заявил о полной готовности своей организовать первое учреждение по мобилизации спорта на 400–500 человек в обширном и вполне приспособленном манеже школы» (Там же. 1925. С. 3).

В следующих номерах «Русский спорт» сообщал, что на призыв откликнулись все спортивные общества, у большинства уже состоялись собрания для обсуждения программы деятельности. Было намечено обучение стрельбе, военному строю, плаванию, управлению моторами, подаче медицинской помощи. Особенное внимание обращалось на стрельбу, поскольку штатских стрелковых обществ в России существовало крайне мало.

Осенью 1915 г. практически в каждом номере «Русского спорта» появлялись публикации, как правило, озаглавленные просто — «Мобилизация спорта». Иногда это сообщения об очередном заседании, как в 40-м номере от 4 октября: «29-го сентября в Мариинском дворце, в зале Совета Министров, под председательством главнонаблюдающего за физическим развитием народонаселения российской империи ген. В. Н. Воейкова, состоялось заседание временного совета по делам физического развития. Присутствовали представители всероссийских спортивных союзов и многих спортивных организаций Петрограда и Москвы. <...>

Собрание приступило к выработке порядка осуществления мобилизации спорта. По этому вопросу вынесены следующие постановления: 1) допризывные физические занятия (вольные движения и гимнастика без снарядов, полевая гимнастика, тренировка в ходьбе и беге, строевая подготовка, разведка и приготовительные к стрельбе упражнения) организуются спортивными обществами и учреждениями по утвержденной программе и осуществляются под руководством инструкторов; 2) государство

возмещает спортивным организациям расходы на это дело, уплачивая примерно по 50 рублей за каждого подготовленного инструктора; 3) так как организация занятий требует специальных расходов на оборудование и т. п., признать желательным выдачу авансов спортивным обществам в размере 30% будущих уплат им за ожидаемый выпуск инструкторов; 4) с текущего учебного года признать желательным, чтобы вышеупомянутая программа допризывной подготовки была введена в старших классах учебных заведений всех ведомств» (Там же. № 40. С. 3).

В других случаях определялись наиболее приоритетные направления допризывной подготовки, говорилось о содержании и значении мобилизации спорта, приводились мнения руководителей движения, сообщалось о ходе осуществляемых мероприятий, первых результатах и актуальных задачах. При участии печати разрабатывался порядок создания и функционирования специальных организаций, которые должны были принять на себя основную нагрузку по воплощению мобилизации спорта — военно-спортивных комитетов: «Во всех центрах, где имеется несколько обществ, образуются военно-спортивные комитеты, в состав которых входят представители военного ведомства, министерства внутренних дел и лица, стоящие во главе местных учебных заведений. Функции этих комитетов заключаются в объединенной работе данного района по мобилизации спорта, выяснении числа лиц, желающих принять участие в допризывной подготовке, образовании групп для прохождения курса, работах о помещениях, о финансовой стороне дела, о преподавателях и т. д. Все военно-спортивные комитеты должны находиться в ведении военного министерства и действовать по особой инструкции» (Там же. № 41. С. 5).

Особое внимание уделялось обучению инструкторов допризывной подготовки, для которых были созданы специальные курсы: «Весь курс определяется продолжительностью не более 150 учебных часов, каковые должны быть пройдены <...> не более как в три месяца. Успешно выдержавшие затем экзамен получают звание „Инструктора для подготовки к военной службе“ и будут иметь право носить особый значок. Все инструктора чис-

ляются на учете того общества, к которому приписаны и вносятся в списки, представляемые главнонаблюдающему. Эти инструктора готовят затем молодых людей к военной службе, причем во время занятий дается военная форма» (Там же. С. 4).

В начале ноября были избраны военно-спортивные комитеты в Москве, Петрограде и других крупных городах. Спортивная пресса освещала процесс их создания, а также — вполне традиционные проблемы, возникшие в связи с их утверждением: бюрократическую волокиту, несогласованность действий разных ведомств, отсутствие четкого руководства, непонимание со стороны представителей иных, неспортивных организаций. Судя по журнальным публикациям, процесс сопровождался значительным числом больших и мелких скандалов, как в центре, так и на местах. Тем не менее осенью 1915 г. последовало Высочайшее одобрение мобилизации спорта, а совет министров в конце октября постановил отпустить 100 тыс. рублей на связанные с ней расходы.

Мобилизация спорта затрагивала не только молодежь, она также относилась и к людям, вышедшим за призывной возраст. Они должны были работать в тылу — прежде всего, инструкторами и организаторами, но не только. Спортсмены шли на службу в лазареты, благотворительные комитеты и в другие учреждения, у которых начались с началом войны проблемы с кадровым составом. Так, А. Д. Макферсон, крупнейшая фигура в спортивном сообществе, председатель всероссийских союзов по футболу, теннису и гребле, сам предложил свои услуги цензурному ведомству.

Особая роль в мобилизации спорта отводилась печати. Задачи, встающие перед спортивной прессой, заключались в публикации воззваний к участию в мобилизации спорта с разъяснением ее значения и указанием путей к наиболее успешному осуществлению. «Признано, что мобилизация спорта только и возможна в тесном единении с печатью», — подчеркивал журнал «Русский спорт» (Там же. 1915. № 42, С. 4).

В печати появлялись не только статьи о сути мобилизации спорта и отчеты о деятельности военно-спортивных комитетов, но и интервью, и публицистика. Одним из излюбленных при-

емов прессы были постоянные апелляции к зарубежному опыту: как поставлено допризывное воспитание в других странах Европы, какое пополнение приходит в западные армии.

Из изданий общей прессы наиболее часто к теме мобилизации спорта обращалось «Вечернее время», которое под руководством Б. А. Суворина традиционно уделяло постоянное внимание спортивным событиям, особенно если они имели патриотический окрас. В газете было опубликовано несколько интервью с видными деятелями спорта о сущности и задачах мобилизации спорта.

Председатель Российского олимпийского комитета В. И. Срезневский: «Большая часть нужных (для службы в армии. — К. А.) качеств воспитывается в юношах спортом, гимнастикой, подвижными играми. Спортивные и гимнастические учреждения должны руководить дальнейшим развитием молодых людей в духе дисциплины и усовершенствования; тогда ко времени призыва Россия будет иметь хорошо подготовленных людей, способных быстро усвоить дело» (Вечернее время. 1915. № 1258. С. 4).

Председатель Петроградского олимпийского комитета А. И. Шутков: «Прекрасная мысль, которая принесла бы большой практический результат, будь она проведена в жизнь 2–3 года до войны. Трудность ее осуществления в настоящее время в том, что лучшие, самые подходящие люди уже призваны на войну» (Там же).

Директор гимнастического института общества «Богатырь» доктор В. Н. Песков: «Каждое гимнастическое общество или учреждение должно помнить, что теперь — „всё для войны“. Поэтому сейчас спортсмены должны оставить свои обычные упражнения и занятия „для удовольствия“. Вместо этого необходимо заниматься лишь упражнениями, увеличивающими силу и выносливость, необходимо заниматься строем и ружейной стрельбой, чтобы к моменту призыва под знамена каждый спортсмен мог дать максимум своей силы и сноровки» (Там же. № 1259. С. 5).

Маститый спортивный журналист Г. А. Дюперрон, который активно выступал за введение военных упражнений в программу «Знака нормального атлета» еще в 1913 г., вел отдел спорта в журнале «Весь мир». В нем он с удовлетворением отмечал: «Вопрос о мобилизации спорта вышел из стадии робких попыток приучить

молодежь призывного возраста к маршировке. В заседании своем от 2-го ноября совет министров рассмотрел и утвердил проект положения о мобилизации спорта или, вернее, о допризывной подготовке лиц, подлежащих приему в войска. <...> Лица, прошедшие курс допризывной подготовки, имеют преимущественное право на поступление в школы прапорщиков и на зачисление в учебные команды»³.

Одним из изданий, наиболее последовательно поддерживавших идею мобилизации спорта и способствовавших ее осуществлению, был двухнедельный иллюстрированный журнал «Стадион», который начал выходить в ноябре 1915 г. Его редактором стал спортсмен и журналист Л. А. Чаплинский, чье имя было широко известно в спортивном сообществе не только России, но и Европы. Он являлся секретарем Всемирного союза тяжелой атлетики, председателем Всероссийского союза тяжелой атлетики, председателем Петроградской лиги тяжелой атлетики, основателем и руководителем нескольких спортивных обществ.

Самым крупным отделом в журнале являлся «Спорт в армии и школе», а основным направлением в деятельности издания как раз и стало освещение мобилизации спорта. Это объяснялось и близостью его редактора к В. Н. Воейкову, и присутствием в составе редакции Г. А. Дюперрона и В. И. Срезневского, занимавших должности помощника главнонаблюдающего. Складывается впечатление, что журнал во многом был создан именно для продвижения идей мобилизации спорта. На страницах «Стадиона» был опубликован целый ряд статей с соответствующими названиями: «Мобилизация спорта (общие соображения)», «Деятельность обществ по мобилизации спорта», «Положение о мобилизации спорта», «Ближайшие задачи мобилизации спорта», «Известия по мобилизации спорта» и т. д. Раскрывая в них сущность вопроса, редакция всячески подчеркивала, что спорт «призван равным деятелем в ряду интересов государства и ему поручено важное ответственное дело — быть активным сотрудником по предварительной подготовке молодежи, призываемой в ряды армии»⁴.

Издание журнала прекратилось весной 1916 г., когда в действующую армию отправилась часть сотрудников редакции, в

числе которых был и сам Л. А. Чаплинский. В том же году он был убит, и на его смерть спортивные издания откликнулись целым рядом публикаций, где он был назван «рыцарем спорта» и «просвещеннейшим русским спортсменом».

Именно весна 1916 г. стала временем угасания интереса спортивной общественности к мобилизации спорта. Наиболее активные деятели спортивных организаций, ратовавшие за ее введение, к тому моменту уже сами отправились на фронт, многие погибли или получили ранения. Это был самый тяжелый этап войны для русской армии, когда воодушевление первых месяцев сменилось усталостью и раздражением от многочисленных жертв. К тому же военно-спортивные комитеты чаще всего вели свою работу вяло, без энтузиазма, повсюду отмечалось отсутствие грамотного руководства и согласованности действий. Канцелярия главнонаблюдающего за физическим развитием явно не справилась со своими задачами в данном направлении. Охладела к идее мобилизации спорта и пресса, которая чаще стала обращаться к обыденной жизни спортивных обществ, продолжавших тренировки и выступления.

Поэтому первый опыт массового использования спорта и физического развития в деле повышения обороноспособности страны нельзя признать ни завершенным, ни успешным. Но важно отметить другое: очевидна преемственность дореволюционного спорта и советской физкультурно-спортивной традиции. Например, в идее «Знака нормального атлета», хотя его окончательные правила так и не были выработаны, виден прообраз массового комплекса ГТО («Готов к труду и обороне!»), введенного в СССР в 1931 г. Смысл его был тот же: создание единой государственной системы программно-оценочных нормативов и требований по физическому развитию и подготовленности населения, которая способствовала решению общенациональных задач.

При создании же системы всеобщего воинского обучения во время Гражданской войны большевиками был использован опыт именно дореволюционной мобилизации спорта. Главное отличие заключалось в том, что во время Первой мировой войны спортивная журналистика не была только инструментом,

с помощью которого реализовывались транслируемые властью задачи повышения обороноспособности страны. В 1914–1916 гг. идея активного участия спортсменов в защите Родины и переориентации спортивной деятельности в сторону усиления ее военно-прикладного значения была выдвинута через печать самими спортсменами, спортивными организациями и ведущими спортивными публицистами.

Примечания

¹ Суник А. Б. Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX–XX вв. М., 2004. С. 679–680.

² Дюперрон Г. А. Военная подготовка // Весь мир. 1914. № 17. С. 25.

³ Дюперрон Г. А. Мобилизация спорта // Весь мир. 1915. № 51. С. 27.

⁴ Ближайшие задачи мобилизации спорта // Стадион. 1915. № 2. С. 1.

K. A. Alekseev

St Petersburg State University

SPORT MOBILIZATION AND ITS PRESS EXPOSURE IN 1914–1915 YEARS

The article is dedicated to the media exposure of first experience of sport's and sportsmanship's widespread usage in the interests of state security. The program of Sport mobilization was determine by the necessity of rising national defense capability and was initiated by sport society and sport press.

Keywords: sport, sportsmanship, sport press, sport militarization, preliminary military training.

Н. С. Авдони́на

Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова

ПОНЯТИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ДИСКУРСЕ ОПРАВДАНИЯ ВОЙНЫ

В статье проводится сравнительный контент-анализ газет за период Первой мировой войны и войны в Афганистане (1979–1989). Основное внимание автор уделяет понятию «ответственность», которое приобретает различные оттенки и интерпретации в зависимости от этапа войны — *до, во время и после*.

Ключевые слова: Первая мировая война, война в Афганистане, историческая память, Архангельск, журналистика.

Николай Бердяев писал, что война — это рефлекс на зло, внутреннюю болезнь человечества, так как «все материальное есть лишь символ и знак духовной действительности, все внешнее есть лишь манифестация внутреннего»¹. Природу войны он понимает не с позиций военной политологии, а философской, полагая, что природа войны — рефлексивная, знаковая, симптоматическая и, наконец, символическая. Начавшуюся в июле 1914 г. мировую войну он воспринимает как признак окончательной болезни человечества, в которой ответственны все без остатка. «Война есть вина, но она также есть и искупление вины»². Это — коллективная ответственность как готовность расплачиваться за несправедную и грешную жизнь, как было написано в архангельской газете «Северное утро»: «наш народ искони смотрит на войну как на кару, ниспосланную за грехи, и эти взгляды сказываются в народных легендах»³.

Цель данной статьи — проанализировать, как интерпретировалось понятие «ответственности» в региональных газетах в начале (до), во время и после войны. Для контент-анализа выбраны три издания: «Архангельск» (94 выпуска с июня 1914 по декабрь 1915 г.), «Северное утро» (108 выпусков с июня 1914 по июль

1917 г.) и «Правда Севера» (66 номеров с ноября 1979 по февраль 1993 г.).

Довоенная риторика. Если Николай Бердяев философски размышляет о коллективной вине, искупаемой в «ужасах войны», то политики обычно зывают к чувству коллективной ответственности: страна либо не может оставаться в стороне от конфликта, который представляет собой угрозу или для ее собственной безопасности, или для конкретного региона, либо считает необходимым предотвратить еще большее насилие. Современная военная история дает немало примеров именно такого истолкования ответственности — прежде всего война в Ираке (2003–2011 гг.) или Грузино-Осетинский конфликт 08.08.2008.

Первая мировая война началась для Российской империи 1 августа 1914 г. с объявления войны Германией. За неделю до этого, 20 июля, Николай II выступил с манифестом о поддержке Сербии и переводе армии и флота на военное положение: «Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови с славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особою силою пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлемые для Державного государства требования»⁴. «Братский народ в беде», «Россия-защитница» — обычные образы для прессы первых лет той войны.

Иная риторика звучала в СМИ в период войны в Афганистане (1979–1989): «Введение ограниченного контингента советских войск в Афганистане было совершено в ответ на неоднократную просьбу революционного правительства и находится в полном соответствии с уставом ООН и статьей 4 афганско-советского Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве»⁵. Основными причинами оказания всесторонней помощи Демократической Республике Афганистан (ДРА) были: 1) защита и поддержка завоевания Апрельской революции 1978 г.; 2) стратегическое значение Афганистана: на его территории США могут разместить станции слежения за СССР; 3) давние дипломатические отношения между двумя странами. Если Афганистан выбрал путь революции — свержения монархии и строительства нового комму-

нистического государства, для правительства естественно было обратиться за помощью к Советскому Союзу.

Слова об ответственности в советской прессе не звучали так категорично, как это было в российской печати за месяц до Первой мировой войны. Советские лидеры ограничились внешней ответственностью — государственной, сделав упор на идеологическую родственность стран, но не на культурную.

Есть еще важные замечания. Российской империи была объявлена война, поэтому из защитницы она логично превратилась в освободительницу: «Война, которую мы ведем, есть столько же отечественная, сколько и освободительная. Великая Россия освобождается от немцев»⁶. Это была в равной степени как мировая, так и «великая народная война». Чего нельзя сказать о войне в Афганистане: ни Советскому Союзу, ни Афганистану никто войну не объявлял, напротив, это была «необъявленная война» — частое явление в мировой политике после 1945 г. Несмотря на отсутствие ультиматума, всеобщей мобилизации или официального объявления войны, враг был, что выражалось в обычной для того времени риторике — расширяющееся вмешательство, провокации внешних врагов Афганистана, планы империализма, мировой жандарм, шовинисты, гегемонисты. Эти эпитеты относились к внешней угрозе, которую, как следовало из СМИ, представляли собой США, Китай, ряд европейских и азиатских стран для Советского Союза и Афганистана.

Политика ответственности и война. В 1960 г. американский социолог Чарльз Райт Миллс писал: «...наша политика должна быть политикой ответственности. Наше основное обвинение против США и СССР состоит в том, что при различных условиях политика обеих стран — безответственна...»⁷. Гонка вооружений, политика сдерживания, взаимное гарантированное уничтожение, недоверие и тревога — всё это порождало страх за безопасность собственной страны, гипертрофированное чувство ответственности: теория домино справедлива не только для США — защищать Азию от скатывания в коммунистический лагерь, но и СССР — предотвратить распространение западной идеологии в дружественных странах.

Традиционно ответственность воспринимается как обязанность отвечать перед кем-то или чем-то за кого-то или что-то. Объектом коллективной или индивидуальной ответственности могут быть животные, окружающая среда, ценности и люди. Ответственность может быть как перед кем-то или чем-то, так и за кого-то или что-то. Первое состояние близко к обязательству, второе — к признанию вины.

Ответственность распространяется на политические и социальные институты, которые отвечают перед обществом и государством в целом. Приведу несколько вариантов проявления политической ответственности.

1) Ответственность перед собственным народом предполагает заботу о благополучии нации, защиту от внешних и внутренних врагов и пр.

2) Ответственность защищать в контексте «права на гуманитарную интервенцию». Цель такой ответственности — обеспечить безопасность людей, находящихся под угрозой в собственной стране. Угрозами могут быть репрессии, гражданская война, любые преступления против человечности и т. п. Понятие «ответственность защищать» введено в 2005 г. после терактов 9/11 на международном саммите ООН и предполагает коллективную ответственность всего мирового сообщества: если государство не в состоянии обеспечить безопасность собственного народа или делает всё, чтобы этой безопасности не было, международные политические институты имеют право вмешаться в ситуацию. Ответственность защищать включает в себя ответственность предотвратить, ответственность реагировать и ответственность восстановить.

3) «Право на гуманитарную интервенцию (ответственность защищать)» может перейти в «право наказать»: «17 июля Австро-Венгрия объявила Сербии войну. Карательную экспедицию в целях собственной защиты и чтобы наказать Сербию за убийство престолонаследника» 8. В таком контексте государство выступает в роли «полицейского», разыскивающего преступника, которого необходимо привлечь к ответственности. Современные войны в Афганистане (с 2001 г. по настоящее время) и Ираке не-

которыми исследователями рассматриваются именно как полицейские войны.

4) Ответственность защищать, что для страны значит быть «кредитором» (не только финансовым). В такой ситуации страна может сама на себя брать ответственность перед отдельными государствами, поддерживать мир и порядок в конкретном регионе (даже при отсутствии военных действий или явных преступлений против человечности), но это не предполагает обязательно интервенции или права наказать, это — самоощущение.

Понятие политики ответственности заслуживает отдельного исследования, в настоящей статье я остановлюсь на этом термине в контексте оправдания и объяснения причин вступления и участия в войне.

Первая мировая война и война в Афганистане в архангельских СМИ. В Архангельске в период Первой мировой войны выходили газеты «Архангельские губернские ведомости», «Северное утро», «Архангельск», «Архангельские епархиальные ведомости». Почти все издания были закрыты в первые месяцы после февральской революции. В советское время в Архангельске выпускались газеты «Правда Севера» и «Северный комсомолец».

Газета «Архангельск» имела объем четыре полосы, которые в 1914 г. были полностью заняты военной хроникой. Обычные рубрики: «В России», «За границей», «Военные действия», «Война и Архангельская провинция». Тон статей — подчеркнуто уверенный в победе. С октября 1914 г. на первой полосе печатаются объявления, репортажей становится меньше, увеличивается количество телеграмм. С ноября 1914 г. газета начинает выходить с купюрами, а с марта 1915 г. — первую, вторую и половину четвертой полосы занимают объявления. Купюры становятся обычным явлением. Летом 1915 г. газета становится более критичной, прежде всего в отношении военной цензуры. В номере от 31 июля был опубликован анекдот времен Крымской войны. Архиепископ херсонский Иннокентий, переживший осаду Севастополя, в проповеди провел параллель между пятью девами, которым не хватило масла, и бюрократами, по вине которых русская армия проиграла сражение на Альме: «Забытый анекдот крымской во-

йны не представил ли некоторой поучительности и для нашего дня? Не наступил ли и для нынешней войны „послеальминский“ период, когда можно уже не в притчах, а прямо говорить о том, что у нас слабо и требует починки»⁹.

Еще до начала Первой мировой войны Российская империя взяла на себя роль «кредитора», которому «ближайшая судьба Сербии не безразлична»¹⁰. С июня по октябрь 1914 г. архангельские газеты писали об ответственности России перед славянскими народами, именно поэтому страна вступилась за Сербию, начала мобилизацию и оказалась втянутой в войну: «России объявлена война. Больше нет места ни сомнениям, ни надеждам. Мирный исход из создавшегося конфликта оказался невозможным. Совершилось страшное дело. По вине Германии миллионы русских людей оторваны от своих мирных занятий и должны теперь принести искупительную жертву за честь и свободу России»¹¹.

Тема ответственности (десять материалов) за братские славянские народы поднимается в июле — октябре 1914 г., как раз в тот период до и начала войны, когда нужно сформировать максимально лояльное общественное мнение. В номере 151 газеты «Северное утро» говорилось об исключительной роли русского народа, который не только «обретет право всему славянству», но и защищает «свою родную землю»¹².

Враг «общеευропейской войны», как ее называли российские СМИ, был известен точно — Австро-Венгрия и Германия, или германизм: «...час столкновения германизма и славянства близок»¹³. Подобные фразы характеризовали войну как конфликт не между конкретными странами, а как между культурами и цивилизациями: «...грозная опасность германской гегемонии с перспективами бесконечного, всепоглощающего милитаризма, анархизм подал руку буржуазии, в этой мировой борьбе Россия выступила за права угнетаемых народов бок о бок с Англией и Францией»¹⁴.

В одном из номеров «Архангельск» напечатал статью Сергея Булгакова. «Русская государственность пропитана бюрократизмом с его национализмом немецкого образца... Русская культура

иссушилась европейской рациональностью», — писал он. Всё, что «made in Germany» имеет печать «чуждого и враждебного для нас духа», философ призывает искать истоки русской культуры в религии¹⁵. В этом ключе можно рассматривать войну как освободительную — когда «великая Россия освобождается от немцев»¹⁶. В октябрьском номере «Архангельска» появилась статья Владимира Соловьева «Оправдание войны», где философ приводит причины, почему Россия вступила в войну и почему война вообще имеет место быть: «Та война, которую сейчас ведут Германия и Австрия — война за торжество милитаризма и за порабощение мира немецкой казармой»¹⁷.

Газета «Архангельск» регулярно печатала обзоры международной печати, что было хорошим инструментом формирования внутреннего общественного мнения по определенным вопросам. Этим же методом активно будут пользоваться и советские газеты, цитируя прежде всего симпатизирующие коммунистические СМИ. В номере за 17 июля 1914 г. появился фрагмент из статьи газеты «Journal de Debats»: «Вне всяких сомнений Россия не допустит, чтобы Сербия осталась одна в неравной борьбе с Австрией. Франция и Великобритания также не останутся безучастными зрительницами конфликта. На карту поставлены честь Европы и интересы цивилизации. В Лондоне и Париже прекрасно понимают, что австро-сербский конфликт — дело всей Европы. Разгром Сербии на глазах Европы приведет к гегемонии Германии и к разгрому политическому, экономическому и торговому западной Европы и славянских земель»¹⁸.

На протяжении зимы 1914 и в течение 1915 г. СМИ взывали к чувству коллективной ответственности граждан через объявления о пожертвованиях, благотворительной помощи, призрении детей-сирот — всё это можно обозначить одним словом, часто встречающимся в газетах, «Жертвуйте!»: «Россия теперь должна только защищаться и уже не от нее зависит мирный исход. Высоко ответственное дело. От граждан России потребуются тысячи жертв и горе отдельных семей скроется в глубине общенационального горя»¹⁹. Эта тема развивается вплоть до апреля 1915 г. в 22 материалах.

Другой поворот темы ответственности — это ответственность солдат и всех, кто может быть мобилизован: «Русский народ всегда горячо откликался на призыв о помощи всем славянским народам, своей кровью защищал их жизнь и свободу. Он ли забудет теперь свою страну!!!»²⁰ Регулярно эти предложения сопровождались словами «за Царя, веру и Родину готовы отдать жизнь».

Газета «Северное утро» с первых же номеров взяла победный тон и регулярно описывала жестокости немцев и ужасы войны, характеризуя словами освобожденного из плена русского солдата, что это — «не война, а варварство». Журналисты издания создавали образ освободительной войны, лозунг которой — свобода, «свобода народов Европы от германского милитаризма»²¹. Газета не проводила такого четкого разделения ролей, как это делал «Архангельск». Российская империя в представлении «Северного утра» борется наравне с другими странами: «Война титанов, побоище Голиафов, Голиафы духа борются с Голиафами кулака, солнце правды померкнет над землею, если одолеют страшные, с косматыми душами, ублюдки тьмы»²². В этом же номере говорилось об исключительном положении России — еще и потому, что за спиной Англии стоят США, Франция тоже имеет союзников в лице Испании, Италии и Португалии, в то время как Россия — одна.

Резкая перемена происходит в газете после февраля 1917 г.; прекращаются недельные военные обозрения, понятия свободы и ответственности приобретают новый смысл: «Прекрасную жизнь принесла моей родине великая свобода»²³. Временное правительство взывает не столько к коллективной ответственности солдат, сколько к чувству вины: «Спасайте свободу! Спасайте родину!»²⁴ Повернуть назад, сдаться или воевать не в полную силу означало поступить безответственно по отношению к только что освободившемуся от царизма народу.

Советские лидеры сознавали, что никакими культурными традициями невозможно объяснить помощь братскому народу Афганистана, единственный выход — усилить риторику холодной войны и политической преемственности. Для воплощения первого нужны были образы врага и угрозы, в чем региональ-

ные СМИ следовали за центральными изданиями: краски были контрастными, никаких оттенков. Об участии ОКСВ в военных операциях «Правда Севера» не сообщала вплоть до 1987 г., что на два года позже центральных газет. Воспоминания, интервью, очерки о военных буднях советских солдат появлялись примерно раз в год. В отличие от центральных газет, региональная «Правда Севера» не публиковала разоблачений, обвинительных статей против политиков, принимавших единолично решение о вводе войск в Афганистан. Архангельская газета подняла вопрос иного вида ответственности — общественной и государственной перед ветеранами. Статьи на эту тему стали появляться в 1990 г.: «Полмиллиарда для „афганцев“», «В долгу неоплаченном», «Отдалим ли долги „Долгу“?», «Кто не служил в ВДВ, пусть радуется». Содержание этих материалов сводилось к перечислению проблем, с которыми ежедневно сталкивалась региональная ветеранская организация «Долг», и взыванию к ответственности властей. Одна из статей проводит прямое сравнение между СССР и США: «Жаль, конечно, что в нашей стране — не в Америке, где помнят не только славные страницы своей истории, но и бесславные, горькие»²⁵.

Крылатой фразой времен перестройки стали слова «Я в Афганистан не посылал» — красноречивое свидетельство отсутствия реальной ответственности перед солдатами и ветеранами. Ответственность, которую пытаются навязать, но обосновывая ее не глубинными культурными традициями и связями, а внешней, иногда зыбкой, политической преемственностью, не воспринимается обществом как коллективная ответственность, которую нужно разделять. Тому есть несколько причин: цензура, отсутствие информации о боях, поражениях, победах, что уже говорит о неуверенности властей в возможности адекватно донести причины участия в гражданской войне в Афганистане; смена политического курса при подчеркнутом отстранении от политики прежней власти.

Ответственность в послевоенной риторике. Формирование исторической памяти о событии начинается еще до начала самого события. Когда страна только готовится к войне, одной из

задач государственной власти является сформировать лояльное общественное мнение, заручиться поддержкой общества в решении вступить в войну или начать войну. Первая мировая война и война в Афганистане имеют общее — переломный момент. В 1917 г. произошла революция, сменилась власть, некогда союзники превратились во врагов, и Первая мировая война, в затягивании которой, жертвах в русской армии виноват империализм, должна быть завершена как можно скорее. Это была «освободительная» война не столько от «германского милитаризма», сколько от прежней царской власти.

Восприятие войны в Афганистане в период перестройки также отличалось от «эпохи застоя» — ответственность за участие СССР в гражданской войне в ДРА полностью лежала на единолично принявших решение отправить ОКСВ в декабре 1979 г., а время освещать конфликт было уже упущено.

В обоих случаях рассогласование источников и механизмов формирования исторической памяти привело к фрагментарному знанию о реальной войне, цензура и государственная политика привели даже к отрицанию истории и нежеланию знать прошлое.

В 2001 г. Социологический центр Российской академии государственной службы провел опрос почти 2,5 тыс. респондентов. Им задавали вопрос, какие события истории России вызывают гордость, а какие — горечь и стыд. Символами гордости были названы развитие космонавтики, победа над фашизмом, научные достижения, культура и искусство, создание военной техники. К отрицательным событиям респонденты отнесли войну в Чечне, сталинские репрессии, горбачевскую перестройку, войну в Афганистане и развал СССР. Первая мировая война не попала ни в одну из категорий, что частично можно объяснить ее «забытостью».

Как полагает Е. Мещеркина 26, воспоминание — это всегда интерпретация, осуществляемая в полемике и дополнениях, в этот процесс включаются разные формы исторической памяти. Полемика начинается с вопроса «А что мне известно о войне?» Если — «ничего» или «почти ничего», начинается процесс «открытия» события (войны). Но и в этом процессе «открытия» ин-

дивидуальное сознание обращается к коллективной памяти и «вспоминает» лежащий на поверхности миф / образ события.

К столетию Первой мировой войны в России запустили проект «Великая забытая война», цель которого — сохранение культурно-исторической памяти о событиях, героях, судьбах и сражениях войны. Говоря о войне в Афганистане, журналисты используют тот же эпитет «забытая» (М. Кожухов). Цензура и политическая конъюнктура определяли восприятие событий. Интересна и смелая оценочных полюсов: Антанта из союзника превратилась во врага, помогавшего белогвардейцам, в то время как Соединенные Штаты Америки, «мировой жандарм» и империалист, стали страной с передовым опытом преодоления посттравматического синдрома — имеется прежде всего взаимопомощь ветеранов войн во Вьетнаме и Афганистане.

Примечания

¹ Бердяев Н. А. Судьба России (сборник статей 1914–1917). М.: Сов. писатель, 1990. С. 177.

² Там же. С. 181.

³ Соловьев Вл. Оправдание войны // Архангельск. 1914. 2 окт. С. 4.

⁴ К войне // Архангельск. 1914. 22 июля. С. 1.

⁵ В защиту Афганской революции // Правда Севера. 1980. 16 янв. С. 1.

⁶ Мы себе верны // Архангельск. 1914. 28 сент. С. 1.

⁷ Mills C. W. The politics of responsibility / The New Left Leader / ed. by Cark Oglesby. New York: Grove Press, Inc., 1969. P. 24.

⁸ Австро-Сербская война // Архангельск. 1914. 17 июля. С. 2.

⁹ Измайлов А. Притча о пяти девах // Архангельск. 1915. 31 июля. С. 2.

¹⁰ Накануне войны // Архангельск. 1914. 15 июля. С. 2.

¹¹ К войне. С. 3.

¹² Альпин. За светлое будущее // Сев. утро. 29.07.1915. 29 июля. С. 1.

¹³ Накануне войны.

¹⁴ Тютчев Н. Забвение // Архангельск. 13.09.1914. 13 сент. С. 1.

¹⁵ Булгаков С. Поверженный кумир II // Архангельск. 1914. 4 сент. С. 2.

¹⁶ Мы себе верны.

¹⁷ Соловьев Вл. Указ. соч. С. 1.

¹⁸ Австро-Сербская война.

¹⁹ К войне. С. 3.

²⁰ Там же.

²¹ Кузьмин-Караваев В. Задача войны // Сев. утро. 1914. 18 сент. С. 1.

²² Будем тверды // Сев. утро. 1914. 13 окт. С. 3.

²³ Виллиам Г. Поменьше страха // Сев. утро. 1917. 30 июня. С. 2.

²⁴ Оскорбление национальной чести // Сев. утро. 1917. 1 июля. С. 2.

²⁵ Галунов А. Отдадим ли долги «долгу»? // Правда Севера. 1991. 2 апр. С. 3.

²⁶ Мещеркина Е. Ю. Историческая память и политики меморизации // Россия реформирующаяся: ежегодник-2005 / отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Ин-т социол. РАН, 2006. С. 198–213.

N. S. Avdonina

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov

THE CONCEPT OF COLLECTIVE RESPONSIBILITY IN MEDIA DISCOURSE OF JUSTIFICATION OF WAR

The author conducts comparative content analysis newspapers issued over the period of the World War First and war in Afghanistan (1979–1989). The author scrutinizes the concept of responsibility, which has had different interpretations depending on stages of war — before, during and after the conflict.

Keywords: World War First, the war in Afghanistan, historical memory, Arkhangelsk, mass media

Е. С. Бабкина

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск

ЯПОНСКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ В МАНЬЧЖУРИИ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ДЕТСКОЙ ПЕРИОДИКЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Статья посвящена изучению периодической печати для детей русского зарубежья Дальнего Востока. Анализ публикаций популярных аполитичных и политизированных детских изданий дальневосточного

© Е. С. Бабкина, 2015

зарубежья дает основания утверждать, единой тенденцией для всей детской периодики дальневосточного зарубежья на протяжении 1930–1940-х годов стало неуклонное усиление политизации, обусловленное событиями внешней политики Маньчжурии.

Ключевые слова: детская периодика, русское зарубежье, Маньчжурия, японская оккупация.

С 1898 г. русское население проживало компактными поселениями на специально отчужденной Китаем территории. Заселение русскими Китая было предопределено общей границей и историей российско-китайских отношений, одним из значимых результатов которых стало строительство Китайско-Восточной железной дороги и возведение русскими города Харбина. После Гражданской войны и падения Дальневосточной республики эмиграция россиян за пределы Российской империи, в том числе в восточном направлении, приобрела массовый характер. Начало 1920-х годов характеризуется активным развитием экономической деятельности эмигрантов в Маньчжурии, в том числе и издательской.

В отличие от своих европейских соотечественников, сосредоточивших внимание на газетах и журналах для взрослых, эмигранты в Северо-Восточной Азии обратились к выпуску печатных изданий для детей и молодежи. Как в составе «взрослых» изданий (в качестве вложений и приложений), так и в виде самостоятельных газет и журналов они составили значительную часть рынка русской периодики за рубежом.

Изучение истории возникновения и развития детской периодики русского Китая 1920–1940-х годов способствует многостороннему осмыслению журналистики дальневосточной диаспоры, в значительной степени развивавшейся под воздействием внешнеполитических изменений в регионе.

Типологически детские периодические издания дальневосточной эмиграции можно разделить на политизированные и деполитизированные. Первыми по времени возникновения стали деполитизированные газеты и журналы.

Одним из первых детских периодических изданий русского зарубежья Дальнего Востока стал журнал «Ласточка», выпу-

скавшийся в Харбине с 1926 по 1945 г. основателем литературно-художественного журнала «Рубеж» Евгением Самойловичем Кауфманом. Среди детской периодики журнал «Ласточка» стал беспрецедентным изданием по своей доступности, периодичности и продолжительности выпуска¹. Однако журнал «Ласточка» был не единственным детским изданием, которое выпускал Е. С. Кауфманом. В 1930 г. он создал приложение к журналу «Рубеж» — ежемесячный иллюстрированный журнал для детей среднего возраста «Юный читатель Рубежа»². А в 1933 г. на страницах газеты «Рупор» появилась страничка «Юный читатель „Рупора“».

На протяжении всего периода существования изданий аксиологической доминантой, определяющей их смысловую наполненность, являлось поддержание (а для многих малышей — пробуждение) любви к России, уважения к традициям, истории Отечества, национальной культуре и русскому языку. Однако под влиянием объективных обстоятельств первоначальная концепция издателя существенно изменилась. Структурные и содержательные новообразования в детской периодике русского рассеяния были обусловлены сложными интеграционными процессами вхождения российских эмигрантов в культурную, социальную и политическую жизнь Северо-Восточной Азии 1920–1940-х годов.

Вторжение японцев в Маньчжурию ознаменовало начало нового периода в развитии русской прессы. Японская военная спецслужба создала Бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурии, которое строго регламентировало все действия русских изгнанников. Многочисленные русские газеты и журналы, чтобы выжить, постоянно публиковали на своих страницах статьи, освещавшие достижения молодого государства Маньчжоу-Ди-Го. Даже детские журналы не смогли избежать идеологической экспансии: к концу 1930-х — началу 1940-х годов национальный акцент изданий заметно ослабел.

Несмотря на то, что издатели аполитичных детских СМИ намеренно избегали прямых оценок происходившего, в детские газеты и журналы деликатно, сквозь недомолвки и недосказанность, пробивалась трагедия настоящего. С середины 1930-х годов на страницах детских изданий начали публиковаться материалы

юных читателей с рассказами о хунхузах (китайцах — участниках партизанских отрядов, противостоявших японскому влиянию), письма с рассказами о полетах японских аэропланов, переводы японских сказок, а в начале 1943 г. в самом популярном журнале для детей «Ласточка» появилась рубрика «Ниппонский уголок», на страницах которой проводились уроки японского языка для малышей: «Все вы знаете, детки, как сейчас важно знать ниппонский язык. У многих из вас папы и мамы, тети и дяди поступили на курсы ниппонского языка. Ваши старшие братья и сестрички учат этот язык в школах... Постарайтесь запомнить те слова, которые мы будем помещать на страничку, отведенную для уроков, ребятки! Подумайте только, как интересно будет придти в ниппонский магазин — и самому купить все, что нужно, — а иной раз быть переводчиком, если вы идете с бабушкой или мамой, которая не знает ниппонского языка... И как пригодятся вам эти уроки, когда вы потом поступите в школу и станете заниматься ниппонским языком по-настоящему!..»³.

Однако, несмотря на агрессивность проводимой японцами политики, нельзя однозначно говорить о ее отрицательном влиянии на детскую периодику русской эмиграции. Сейчас, в XXI столетии, в период активизации межкультурных отношений между странами Азиатско-Тихоокеанского региона, остается только удивляться мудрости и проницательности россиян, издателей детской периодики в эмиграции, которые проявили себя не только как талантливые журналисты и самобытные литераторы, но и во многом как оригинальные мыслители, глубоко осмысливавшие современность и пророчески прозревавшие будущее.

Русская философская мысль дальневосточной эмиграции не раз призывала обратить свой пристальный взор к изучению азиатской составляющей как принципиально важной в развитии русской истории. Россия, одинаково принадлежа как Европе, так и Азии, должна активизировать свой научный потенциал в изучении своих азиатских истоков — утверждал мыслитель, писатель и журналист русского зарубежья Дальнего Востока Вс. Н. Иванов [4].

Подобно многим «взрослым» изданиям, детская журналистика 1930-1940-х годов обратила свой пристальный взгляд на Восток.

Идею сближения культур издатель и авторы «Ласточки», «Юного читателя „Рубежа“» и «Юного читателя „Рупора“» выражали в доступной для детей форме: не как пропагандисты, но как художники, посредством ярких образов, человеческих характеров и бытовых зарисовок.

Со временем детская периодика все чаще стала отражать действительность Маньчжурии и все реже России, но при этом издания не утратили своей «русскости». Феномен детской журналистики дальневосточной эмиграции заключался в том, что духовные ценности национальной культуры осмысливались сквозь призму культуры азиатской. Переложения китайских и японских сказок знакомили малышей с миром азиатского фольклора, многочисленные публикации раскрывали основы восточной культуры: рассказывали о празднике фонарей, о маньчжурских богах, о праздновании Нового года по восточному календарю. Присутствие на страницах русскоязычных изданий инокультурной составляющей, с одной стороны, способствовало тому, что журналы всегда оставались актуальными, «живыми», поскольку отражали действительность, в которой существовал ребенок, его семья, близкие ему люди, а с другой — объясняли юным читателям, насколько интересно познание «чужой» культуры, старались привить уважение и терпимость к нормам и ценностям приютившей их страны.

В политизированных детских и юношеских изданиях: газете «Крошка», выпускавшейся издательством «Союз фашистских Крошек», странички «Друг юношества» в политически ангажированной газете «Наш путь» — в силу их ярко выраженной националистической направленности отсутствовала инокультурная составляющая, однако, заручившись японской поддержкой, они активно претворяли в жизнь одну из главных идеологических установок правящего режима — агрессивную антисоветскую политику.

Японские оккупационные власти уделяли серьезное внимание русской эмиграции, рассчитывая на нее как на союзника в случае войны с Советским Союзом. Организованное японцами Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ) вело активную деятельность по линии антисоветской пропаганды. Ос-

нователь одной из самых известных в эмиграции политических партий (Российской фашистской партии), имевшей развернутую систему СМИ (в том числе и детских), К. В. Родзаевский активно сотрудничал с японцами и являлся начальником II (культурно-просветительского) отдела БРЭМ. В июне 1941 г. он был награжден Знаком Главного бюро БРЭМ «За усердие». Однако в мае 1943 г. Родзаевский был арестован японской военной жандармерией: у японцев появились подозрения в его связях с советскими органами госбезопасности, так как обстоятельства его эмиграции из СССР проверить было нельзя. Причины внезапного возникновения подозрений неизвестны, но Родзаевский был подвергнут усиленным допросам. Были допрошены также несколько его соратников по Российскому фашистскому союзу (РФС). Видимо, получив разъяснения, японцы в июне того же года освободили К. В. Родзаевского, и он вернулся к работе в БРЭМ в качестве начальника II отдела⁵.

Японцы всячески поддерживали русских фашистов, поскольку их деятельность совпадала с задачами общества «Кио-Ва-Кай»: объединение русской эмиграции с целью оказания на нее чисто японского влияния, активизация антисоветской пропаганды и разведывательной работы. Под влиянием политики, проводившейся японскими властями, на страницах детских националистических СМИ и без того бытовавшие среди подавляющего большинства русских эмигрантов первого поколения антисоветские настроения многократно усилились, а нейтральные психологические понятия «мы» — «они» достаточно быстро трансформировались в эмоционально-оценочные категории «мы» — жертвы, «они» — агрессоры, убийцы, бандиты. В результате у адресата детских политизированных газет и журналов формирование позитивного отношения к насильственному способу решения проблемы стало тенденциозным явлением.

Помимо Российской фашистской партии русские эмигранты в Маньчжурии в 1930–1940-е годы основали целый ряд политических объединений, среди которых особо выделялись скаутская организация, выпускавшая журнал «За Россию будь готов!», и Союз мушкетеров, издававший журнал «Мушкетер». Несмотря

на то, что эти политические движения русской эмиграции открыто не заявляли о своей приверженности идеям русского фашизма, ряд документальных (архивных) источников и публицистические материалы русских эмигрантских СМИ данного периода позволяют утверждать, что эти организации разделяли националистические устремления и являлись своего рода политическими сателлитами Российской фашистской партии.

В 1936 г. японские власти в Маньчжурии ввели обязательное обучение молодежи школьного возраста строем. Военная подготовка осуществлялась во всех учебных заведениях Харбина, большинство из которых были русскими. На страницах детских периодических изданий, выпускавшихся русскими скаутами и Союзом мушкетеров, регулярно публиковались заметки, статьи и фотоматериалы, в которых большое внимание уделялось вопросам военной подготовки и физического развития. Выражая на страницах своих периодических изданий идеи антибольшевистской направленности, эти издания активно проводили в жизнь идеологические устремления японской империи.

Анализ публикаций популярных аполитичных и политизированных детских изданий русского зарубежья Дальнего Востока позволяет утверждать, что на страницах периодических изданий русских эмигрантов непосредственно либо опосредованно нашли отражение ход и последствия японско-китайского конфликта. Таким образом, единой тенденцией для всей детской периодики дальневосточного зарубежья на протяжении 1930–1940-х годов стало неуклонное усиление политизации, обусловленное событиями внешней политики Маньчжурии.

Примечания

¹ Бабкина Е. С. Роль детского журнала «Ласточка» в формировании мироощущения подрастающего поколения дальневосточной эмиграции // Литература и культура Дальнего Востока и восточного зарубежья: статьи участников регионал. науч. конф. / отв. ред. Т. А. Гавриленко. Уссурийск: Изд-во Уссурийск. гос. пед. ин-та, 2010. С. 18–23.

² Бабкина Е. С. Средства массовой информации для детей и юношества русского зарубежья Дальнего Востока в аксиологическом аспекте // Филологические науки: теория и практика. 2013. № 7 (25), ч. II. С. 21–26.

³ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). НСБ. Инв. № 3030. Л. 226.

⁴ Иванов Вс. Мы: культурно-исторические основы русской государственности. Харбин: Бамбуковая роща, 1926.

⁵ ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Ед. хр. № 40797. Родзаевский Константин Владимирович.

E. S. Babkina

Pacific National University, Khabarovsk

**JAPANESE OCCUPATION REGIME IN MANCHURE
AND ITS INFLUENCE ON PERIODICAL FOR CHILDREN
OF RUSSIAN EMIGRATION**

The article is concerned with the study of periodicals for children of Russian émigré community in Far East. The research of publications of popular apolitical and politicized editions for children in Far East émigré community affords ground to confirm that the only one tendency for all periodicals for children in Far East émigré community during 1930–1940 years was strong growth of politicization, determined by events in Manchure international policy.

Keywords: periodicals for children, Russian émigré community, Manchure, Japanese occupation.

Н. М. Байбатырова

Астраханский государственный университет

**ГРАЖДАНСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА
АВТОРОВ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ПЕРИОДА ОКОНЧАНИЯ
«ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»**

Статья посвящена журналистике и публицистическому творчеству авторов «третьей волны» эмиграции в период последних лет существования СССР. В ситуации завершения «холодной войны» журна-

© Н. М. Байбатырова, 2015

листика и публицистика политической направленности А. Солженицына, В. Аксенова, С. Довлатова, А. Зиновьева стала более острой и открытой для читателя.

Ключевые слова: русская эмиграция, «третья волна», гражданская журналистика, публицистика, «холодная война».

Военно-политическая конфронтация СССР и стран Запада наложила существенный отпечаток на публицистику авторов, выехавших за рубеж во второй половине XX в. Рассматривая гражданскую журналистику писателей «третьей волны» эмиграции, следует учитывать, что это по идейной направленности антисоветская журналистика. «Третья волна» эмиграции была добровольной и политической, поэтому публицистика писателей-эмигрантов второй половины XX в. насыщена политическими темами.

В 1985–1986 гг. М. С. Горбачев провозгласил политику масштабных преобразований — перестройку. Через несколько лет рухнул «железный занавес», а в 1991-м перестал существовать Союз. Почти точное совпадение завершения «холодной войны» и распада СССР вызвали новый всплеск активности авторов русского зарубежья, которые пытались осмыслить, интерпретировать и связать эти явления. В период смены политического и социально-экономического курса государства русские публицисты-эмигранты писали о российских преобразованиях, особое внимание было уделено консолидации российского общества, новому курсу страны и ее взаимоотношениям с Западом.

Статьи и художественная публицистика А. Солженицына, А. Гениса, П. Вайля, С. Довлатова, В. Аксенова, А. Зиновьева играли идеологическую роль как средство выражения плюрализма общественного мнения, они большими тиражами стали печататься на Западе, а в перестроечное время публиковались и российскими издательствами. Исследователь феномена русской эмиграции О. К. Антропов справедливо заметил: «Всплеск интереса некоторых российских издательств и многих читателей к литературе и публицистике третьей волны не всегда объясняется ее художественными достоинствами, привлекательностью психологических портретов персонажей, а главное, идеологической

противоположностью эмигрантской прозы сочинениям советских писателей и поэтов...»¹. Интерес западного общества к преобразованиям в СССР и России в 1980-х годах и особенно после падения «железного занавеса» также вполне объясним. В «Выступлении на конференции „Третья волна: русская литература в эмиграции“», опубликованном позже в «Новом американце», журналист и издатель русского зарубежья С. Довлатов обсуждает тезис В. Марамзина, что «Запад интересуется нами до тех пор, пока мы остаемся русскими». Он приводит в пример И. Бродского и В. Набокова, которые достигли мировой известности тогда, когда они вышли за пределы чисто национальных проблем. В то же время С. Довлатов отмечает как парадокс, что «чем более национален автор, тем шире его международная известность»².

В период последних лет «холодной войны» журналистика политической направленности стала более острой и открытой для читателя. Программным для гражданской публицистики А. Солженицына является произведение «Как нам обустроить Россию» с подзаголовком автора «Посильные соображения», вышедшее в 1990 г. Оно во многом стало пророческим для нашей страны. Объемный текст разбит внутренними подзаголовками, в каждой части — размышления о новой российской действительности. Этот манифест писателя, философа, журналиста выходит в приложении-брошюре к газете «Комсомольская правда» ровно за год до развала Союза. В качестве эпиграфа А. Солженицын берет следующие строки:

«Часы коммунизма — своё отбили. Но бетонная постройка его еще не рухнула.

И как бы нам, вместо освобождения, не расплющиться под его развалинами»³.

Солженицын не боится касаться спорных тем и не стесняется рассуждать о «социалистической дружбе народов» — идеологическом понятии, в котором на заре 1990-х разуверились, похоже, как власти, так и рядовые граждане. «Увы, многие мы знаем, что в коммунальной квартире порой и жить не хочется. Вот так сейчас у нас накалено и с нациями. Да уже во многих окраинных республиках центробежные силы так разогнаны, что не остано-

вить их без насилия и крови — да и не надо удерживать такой ценой!» — пишет А. Солженицын⁴. Писатель говорит о национальной гордости, пишет о коренных нациях великой Руси.

В части, озаглавленной «Слово к великороссам», публицист обращается к истории царской России, исследует истоки самосознания русской нации. Кроме того, А. Солженицын сравнивает родину с другими государствами, например Японией, которая сумела «примириться, отказаться и от международной миссии и от заманчивых политических авантюр — и сразу расцвела». Жестко и категорично автор заявляет, что Советский Союз должен прекратить существование: «Зачем этот разнопёрстый сплав? — чтобы русским потерять своё неповторимое лицо?»⁵. В тексте много резких определений: «советская показная и лживая государственная система», «людожорская полоса в три четверти века».

Далее следует обращение автора к украинцам и белорусам, которых он считает самыми ближайшими к русским братьями. А. Солженицын апеллирует к временам Александра II, когда запретили украинский язык в литературе и публицистике, к роковому 1917-му. Украинскую и Белорусскую ССР, по мнению А. Солженицына, отделять ни в коем случае нельзя. Наконец, писатель взывает и к малым народам и народностям. По-своему видит автор российский мультикультурализм: «И после всех отделений ваше государство всё равно, неизбежно, останется многонародным, хотя мы не гонимся за тем. Для некоторых, даже и крупных, наций, как татары, башкиры, удмурты, коми, чуваша, мордва, марийцы, якуты, — почти что и выбора нет: непрактично существовать государству, вкруговую охваченному другим»⁶.

В публицистическом произведении А. Солженицын выступает не просто как журналист, но как эксперт-политик, планомерно рассчитавший пути и механизмы отделения двенадцати союзных республик, он подробно описывает наиболее выигрышный процесс разделения. Причем автор понимает, что дело это нескорое, требующее времени: «Конечно, вся эта разборка может занять несколько лет»⁷.

Публицист рассуждает о формах устройства, о новом государственном строе. Обращаясь к историческим событиям разных ве-

ков и лет, к западным моделям правления, Солженицын заключает, что «надо искать свой путь. Сейчас у вас самовнушение, что нам никакого собственного пути искать не надо, ни над чем задумываться, — а только поскорей перенять, „как делается на Западе“»⁸.

В следующих подглавах автор говорит о духовном уровне жизни народа, нравственных силах нации. И даже такое популярное и модное для конца 1980-х — начала 1990-х годов слово демократия рассматривает не с глобальной точки зрения, а с позиции отдельной личности. Его мнение отражено в части под названием «Что есть демократия, а что не есть». Писатель детально анализирует выборную систему страны, способы голосования, делает предположения о центральных властях, президентской власти. «Разумное и справедливое построение государственной жизни — задача высокой трудности, и может быть достигнуто только очень постепенно, рядом последовательных приближений и нащупываний», — подводит итог А. Солженицын⁹. Он как историк, писатель, публицист не мог остаться в стороне от государственных дел в эпоху преобразований, когда страна находилась на изломе исторических судеб.

Феномен публицистики «третьей волны» заключался еще и в том, что впервые ее авторами высказывались нестереотипные, уникальные и смелые суждения о российских правителях, об исторических персонажах, о войнах, революциях. Такие мнения, безусловно, вызвали резонанс на Западе и в российском обществе. Уже после того как Россия избрала новый путь развития, А. Солженицын за несколько месяцев до возвращения на родину, в марте 1994 г., в предисловии к публицистической книге «Русский вопрос к концу XX века» пишет: «Сегодня — хочется если что читать, то коротко, и — о сегодняшнем. Но каждый момент нашей истории, и сегодняшней тоже, — есть лишь точка на ее оси. И если мы хотим нащупать возможные и верные направления выхода из нынешней грозной беды — надо не упускать из виду те многие промахи прежней нашей истории, которые тоже толкали нас к теперешнему»¹⁰.

Писатель-эмигрант В. Аксенов после лишения советского гражданства сотрудничал с радиостанциями «Голос Америки»

и «Свобода» с 1980 по 1991 г. Очерки автора составили книгу «Десятилетие клеветы: радиодневник писателя»¹¹. Он печатался в журнале «Континент» и альманахе «Глагол». В публицистике В. Аксенова звучит горечь о происходящем на родине, смешанная с чувством надежды на исправление ситуации. Впервые после девяти лет эмиграции писатель посетил СССР в 1989 г. по приглашению американского посла Дж. Мэтлока.

В очерках Аксенова, вошедших в книгу «Десятилетие клеветы: радиодневник писателя» уже с первых строк автор предстает хлестким прозаиком, убежденным антикоммунистом и западником. Слов в адрес всего советского с негативными коннотациями от очерка к очерку становится значительно больше. Иногда Аксенов груб и прост в выражении собственных мыслей. «Надеюсь, на родине все-таки не вырастет снова тот сапожище, что когда-то дал мне пинок в зад», — признается он в одном из интервью, вошедших в книгу очерков «Квакаем, квакаем...»¹².

В очерках В. Аксенов описывает ситуацию пребывания эмигранта в Америке. В публицистике автора много сказано о переменах в российской жизни, поскольку они особенно были заметны для Аксенова, оторванного от нее с 1980 г. Происходит постоянное разрушение стереотипов — как идеологических, навязанных системой, так и созданных им самим. Работая на радио «Свобода», участвуя в телевизионных интервью, Аксенов неоднократно заявлял, что он — антисоветский писатель. Часто в публицистике Аксенова звучит горечь о происходящем на родине, смешанная с чувством надежды на исправление ситуации: «Серость захватывает позиции. Но тем не менее трудно предположить, что Россию так уж опустошат до конца. Ее трудно опустошить»¹³.

В 1990 г. в беседе с исследователем литературы русского зарубежья Дж. Глэдом В. Аксенов признался: «Сегодня утром пришла новость, что будто бы Горбачев издал указ о возвращении гражданства всем лишенным. Если это подтвердится, то меняет ситуацию. Я уже не буду чувствовать себя врагом этого государства». Спустя несколько месяцев ему действительно вернули советское гражданство. Побывав в России после десятилетнего изгнания,

писатель удивлялся и восторгался новым свободам: «Политически нет никаких ограничений — полная свобода. Мы никогда не думали, что в культуре дела так далеко зайдут. Россия переживает поразительное время¹⁴.

Активно участвуя в социально-политической жизни на протяжении многих лет, Аксенов, начиная с 1990-х годов, писал и говорил о необходимости отделения литературы от политики: «Раньше русский литератор всегда был вовлечен в политику. На него смотрели как на властителя дум. Он должен был заниматься устройством государства и прочим. Сейчас этого, слава Богу, не нужно делать. Пусть политики занимаются политикой. Освободите литературу от этого бремени»¹⁵.

Другой автор третьей русской эмиграции А. Зиновьев обращался в публицистике к разным историческим вехам покинутой им страны: писал о ранней советской истории, сталинской эпохе, коллективизации. Но особое внимание автора обращено к десятилетию 1980-х годов, десятки статей автора посвящены эпохе «перестройки». А. Зиновьев рассматривает СССР со всех сторон и во всех отношениях: политических, экономических, правовых, этических, философских. Хотя и к Западу писатель относился критически, видел его изъяны и не боялся писать о «дефектах» капитализма, находясь в эмиграции в Европе. А. Зиновьев подчеркивал: «Я не строю иллюзии насчет Запада и вижу его недостатки»¹⁶.

В публицистическом сборнике «Без иллюзий» излагается зиновьевское видение современной ему жизни. Статьи и интервью отвечали на общественную потребность в осознании окружающего. Первое основное потрясение, которое Зиновьев, по его собственному признанию, испытал на пути понимания себя и мира, состояло в том, что высокие, самые лучшие, какие можно только представить, идеалы, которым учили в школе и которые прокламировались в советском обществе, находились в вопиющем противоречии с убогой, отвратительной действительностью. В интервью Е. Амбарцумову Зиновьев признается: «Уже в юности я сделал для себя один вывод: общественное устройство, которое удовлетворило бы меня полностью, никогда не существовало и в

принципе не будет существовать»¹⁷. В книге «Без иллюзий» автор выступает не как противник СССР, а как антагонист двойной морали. Он не просто критикует, высмеивает, обличает, но сосредотачивается в своих выступлениях и интервью на преобразовании отдельных элементов советского общества.

Наполненная нелегкими реалиями советской жизни и эмигрантской действительности, публицистика А. Зиновьева в книге «Без иллюзий» не оставляет тем не менее ощущения безысходности. В интервью и выступлениях писатель анализирует глобальные изменения мирового общественного механизма в исторической перспективе. В целом для автора характерны системный научный подход, умение свести воедино причины и следствия, рассмотреть и предвидеть действия разных общественных факторов. Писатель часто выступает как футуролог, представляя читателю социальную и политическую панораму, проникая в сущность процессов, осуществляет проблемное наполнение высказанных идей. Следует также отметить историзм мышления Зиновьева-публициста, поскольку его выступления и статьи осмысливают моменты перехода из прошлого в настоящее и настоящего в будущее.

В противовес публицистике А. Солженицына, А. Синявского, В. Максимова, работы А. Зиновьева вышли за рамки упрощенного идеологического мышления. Писатель выражал и отстаивал собственную позицию на политические и социальные события, на личности и историю в целом. Однако, выступая представителем общественного мнения, А. Зиновьев не старался казаться всезнающим, не выносил вердикты, не всегда прямо высказывал свое решительное суждение. Вместе с тем писатель понимал свою гражданскую ответственность за слово, обращенное к читательской либо слушательской аудитории, к общественному мнению. В книге «Без иллюзий» отчетливо наблюдается проявление тяги писателя к эксперименту, основанному на синтезе реализма и сатирического фэнтези, органичном сплаве документа и художественной прозы.

Главный критерий изучения Зиновьевым советского и постсоветского общества, западной модели устройства — науч-

ность. Она стала для писателя не просто методом, но жизненной позицией. Он рассуждал, выступал на лекциях и печатался, целиком и полностью опираясь на рационалистическую традицию, присущую ученому Нового времени. В одном из выступлений по радио «Свобода», письменный вариант которого вошел в сборник «Без иллюзий», А. Зиновьев подчеркнул связь своей литературной и научной деятельности: «И тут, как это ни странно на первый взгляд, мне здорово помогли мои многолетние профессиональные логические исследования языка вообще, языка науки и идеологии — в особенности»¹⁸. Писатель умышленно пользовался формами социологического описания, социологизация публицистики у него происходила сознательно. Публицистическое отображение жизни изначально, по природе своей социологично.

Тексты автора всегда выстроены логически, фразы не поддаются двусмысленным противоречивым интерпретациям. Предложения, как правило, простые, не допускающие инверсий. Однако использовались и образные средства языка, задевающие натянутые струны советской души. Выступления и интервью, статьи насыщены фрейдистскими мотивами и литературными ассоциациями, которые придавали книге многомерность. Например, писатель русского зарубежья по-новому интерпретировал известную формулу З. Фрейда о том, что история науки есть история прогрессирующего отчуждения. Фрейд обнаружил, что даже наше собственное сознание является лишь частью объемлющего его бессознательного. Зиновьев с горечью писал об отчуждении советской России и Европы, эмиграции и метрополии, власти и простого народа.

В романе-антиутопии «Глобальный человек», вышедшем уже после развала Советского Союза, в 1997 г., он даже ввел собственный термин — «западоиды». Ему же принадлежит определение «западнизм». В произведении рассматривается превращение общества «западоидов» в глобальный «человек», где царят ложь и эгоизм, заслоненные лозунгами демократии для установления тотального контроля. Автор прогнозирует, как изменится жизнь людей, их жизненные установки, их взаимо-

отношения друг с другом и окружающим миром. Зиновьеву-публицисту были свойственны обостренное гражданское чувство, беспокойное вглядывание как в советскую действительность, так и в западную демократию. Так, неоднократные выступления на радио «Свобода» представляли собой быстрый и активный отклик на вопросы и проблемы, волнующие людей.

В отличие от А. Синявского, А. Солженицына, Д. Сахарова, рассуждавших о новом, лучшем по сравнению с советским, типе общества, А. Зиновьев принципиально исходил из того, что идеальных социально-политических систем не существует. Поэтому ключевая социально-философская проблема заключается в формировании человеком собственной истины, не вступающей в противоречие с имеющимся общественным устройством. Писатель понимал, что «разделение мира на коммунизм и нечто противостоящее ему не есть явление географическое»¹⁹. Этой теме автор также посвятил множество художественных произведений, некоторые из которых были написаны и изданы уже после возвращения Зиновьева в Россию. Среди них романы «Желтый дом», «Светлое будущее», «Иди на Голгофу», «Живи». Научная, социальная и человеческая позиция А. Зиновьева стали основой его особой авторской концепции, отражающей направление мировой политики и истории.

Гражданская журналистика и публицистика авторов русского зарубежья периода окончания «холодной войны» продолжала обновляться, с одной стороны, на оппозиции советской идеологии, с другой стороны, все чаще звучали идеи неполярного мира. Журналисты и публицисты-эмигранты отвергали социалистический строй, прежде всего его идеологические нормативы, классовое мышление и критерии, лозунги. Но они видели и описывали и изъяны западной модели государства.

Примечания

¹ Антропов О. К. История отечественной эмиграции: учеб. пособие. Астрахань: Астрахан. ун-т, 2011. С. 351.

² Довлатов С. Выступление на конференции «Русская литература в эмиграции: третья волна» // Новый американец. 1981. № 67. С. 12.

- ³ Солженицын А. Как нам обустроить Россию (посильные соображения) // Комсом. правда: прилож. 1990. 17 сент. С. 3.
- ⁴ Там же. С. 6.
- ⁵ Там же. С. 9.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 11.
- ⁸ Там же. С. 12.
- ⁹ Там же. С. 15–16.
- ¹⁰ Солженицын А. И. Русский вопрос к концу XX века. М., 1995. С. 3.
- ¹¹ Аксенов В. П. Десятилетие клеветы: радиодневник писателя. М.: Изографус: Эксмо, 2004.
- ¹² Аксенов В. «Квакаем, квакаем...»: предисловия, послесловия, интервью. М.: АСТ, 2008. С. 240.
- ¹³ Беседа с Василием Аксеновым: интервью А. Глезера // Стрелец. 1984. № 2. С. 38.
- ¹⁴ Глэд, Джон. Беседы в изгнании: русское литературное зарубежье. М.: Книжная палата, 1991. С. 82–83.
- ¹⁵ Там же. С. 84.
- ¹⁶ Зиновьев А. Без иллюзий. Lausanne: L'Age d'Homme, 1979. С. 161.
- ¹⁷ Амбарцумов Е. «Не кривил душой, не приспособивался...»: интервью с Александром Зиновьевым // Зиновьев А. А. Зияющие высоты: в 2 кн. Кн. 2. М.: Пик, 1990. С. 311.
- ¹⁸ Зиновьев А. Без иллюзий. С. 11.
- ¹⁹ Зиновьев А. А. Глобальный человек. М., 2006. С. 64.

N. M. Baybatyrova

Astrakhan State University

CIVIL JOURNALISM AND PUBLICISTIC CREATIVITY
OF RUSSIAN AUTHORS ABROAD
OF THE END OF "THE COLD WAR"

The article is devoted to journalism and journalistic creativity of the authors of "the third wave" of emigration during the last years of the USSR. At the end of "the cold war" journalism and journalism political orientation A. Solzhenitsyn, V. Aksenov, S. Dovlatov, A. Zinoviev became more sharp and open for the reader.

Keywords: Russian emigration, "the third wave", civil journalism, publicistic creativity, "the cold war".

Н. Л. Волковский

С.-Петербургский государственный университет

СВОБОДА СЛОВА И ВОЕННАЯ ТАЙНА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье на основе анализа источников автор рассматривает эволюцию военной тайны с XIX до начала XXI в. и ее влияние на свободу освещения прессой вооруженных конфликтов.

Ключевые слова: военная тайна, закон, информация, сведения, печать.

Военная тайна — разновидность государственной тайны: сведения военного характера, специально охраняемые государством, — с давних времен была причиной громких скандалов в журналистике. От поколения к поколению среди тружеников пера передается афоризм: «Никто не знает, что такое военная тайна. Но за ее разглашение газету могут закрыть, а корреспондента судить»¹. Фактов, подтверждающих это изречение, в истории множество. Особенно острым этот вопрос становился с развитием технологий в области массовых коммуникаций. Так, появление телеграфа в середине XIX в. существенно ускорило распространение прессой военных новостей, и это привело к тому, что в публикациях участились случаи разглашения секретов воюющих сторон. Особенно это проявилось во время Гражданской войны в США 1861–1865 гг., когда военные власти противоборствующих сторон вынуждены были временно закрывать отдельные издания, в частности это произошло с «НьюЙорк Джорнэл оф Коммерс», «НьюЙорк Ворлд» и «Чикаго Таймс». Поэтому работа журналистов в зоне боевых действий по сбору и пересылке новостей нередко сталкивались с серьезным сопротивлением военных. Например, генералы северян Генри Халлек, Амброс Бёрнсайд и Вильям Шерман вообще запрещали журналистам доступ в зоны своей ответственности и держали прессу на расстоянии.

© Н. Л. Волковский, 2015

Свою позицию они обосновывали тем, что работа журналистов в зоне боевых действий может привести к утечке информации, составляющей военный интерес для южан. И действительно, произошел такой случай, когда опубликование в газете информации о готовящейся операции ВМС Севера позволил рейдеру южан избежать захвата. А узнав о том, что журналист Т. Нокс из газеты «Нью-Йорк Геральд» находится в войсках без специального разрешения, генерал Шерман приказал отдать репортера под суд как вражеского шпиона. Однако сами генералы северян тщательно изучали газеты своих противников, из которых тоже черпали секретные сведения: так, «Нью-Йорк Геральд» в начале войны опубликовала сведения о численности армии южан и списки ее офицеров, а в последний период войны был выдан план борьбы против наступающей армии Шермана.

Примеры разбалтывания военных секретов прессой можно привести и для Франко-прусской войны 1870–1871 гг. Широко известен случай, когда после сражения при Верте немецкая армия, двигаясь на запад, разминулась с французскими войсками, однако немцам попала французская газета, из которой они узнали, что французские войска находятся на Реймсе. Известно также, что накануне сражения при Седане Мольтке получил точную картину расположения французских войск из английских газет².

Подобных примеров раскрытия прессой военной тайны в литературе и исторических источниках можно найти множество. Борьба с разглашением военных секретов велась с помощью усиления цензурных требований, а также законодательным путем. Закон, как известно, есть отражение жизни, поэтому, рассматривая его формулы за определенный период, мы можем понять, как относились к данному явлению современники. В вопросе о военной тайне законодательство отразило определенную эволюцию. Прежде всего, история развитие законодательства по борьбе за сохранение военных секретов показала стремление законодателя дать правильное понимание военной тайны, ограничить сферу военных сведений, доступных к широкому обращению, и расширить круг лиц, ответственных за разглашение секретных сведений.

Один из старейших законодательных сборников — французский «Code penal», датируемый 1810 г., весьма ограничивал круг охраняемых им тайн. По этому закону были воспрещены к передаче лишь те сведения, которые имели непосредственное отношение к войне. Во Франции наполеоновских времен военные люди еще не считали нужным сохранять в секрете многие сведения, которые позднее стали запрещенными к оглашению. В этом законодательном сборнике объявлялось необходимым старательно сохранять тайну переговоров и военных предприятий (экспедиций), а понятию военной тайны придавался чисто служебный и ограничительный характер: военной тайной объявлялись такие сведения, которые раскрывали намерения государства воевать в ближайшем будущем. При этом область воспрещенных к разглашению сведений ограничивалась перечисленными в законе планами, в которых упоминались схемы укреплений, арсеналов, портов или рейдов. Таким образом, для Наполеона был важен вопрос о вероятности вооруженного столкновения, начала военных действий. А о планах государства начать войну всегда свидетельствовали сведения о состоянии укреплений, арсеналов, портов, рейдов.

Закон Франции 1810 г. предусматривал выдачу военных тайн лишь в том случае, если сведения были переданы агентам иностранных держав. Ответственным за выдачу государственной тайны являлось отнюдь не каждое лицо, совершившее эту выдачу, а лишь должностное лицо, всякий агент правительства или всякое иное лицо, которое ознакомилось с тайнами, будучи официально или в силу своего положения поставлено в известность об упомянутых выше государственных тайнах. В случае же передачи сведений, составляющих военную тайну, ответственности подлежало каждое должностное лицо, всякий агент правительства и всякое приставленное им лицо, которое было обязано всей своей службой охранять эти военные тайны. Все другие лица подлежали ответственности за выдачу сведений, составляющих военную тайну, агенту иностранной державы лишь в том случае, если завладевали ими путем подкупа, обмана или насилия. Наказание значительно понижалось, если выдавший военную тайну

получил секретные сведения «не прибегая для этого к предвзятным способам».

В связи с технологическим прорывом в области коммуникаций, изменения характера войн, которые стали вестись массовыми армиями и их зависимости от экономического потенциала страны, в 1870–1900-х годах государства начали совершенствовать свои законодательства в области сохранения государственной и военной тайны. В Германском уголовном уложении, принятом в 1870 г., воспрещалось сообщать другому правительству или публиковать для всеобщего сведения государственные тайны, планы крепостей или такие документы, акты или сведения, сохранение в тайне которых от других правительств необходимо для блага германской империи или одного из государств союза. Следует заметить, что в определении военной тайны видно влияние наполеоновского законодательства 1810 г., однако здесь она уже трактуется уже шире: воспрещается не только передача сведений военной тайны, но и их публикация. В судебной практике особую трудность вызывало то, как выяснить те условия, при наличии которых сведение должно считаться таким, что сохранение в тайне его от других правительств «необходимо для блага германской империи или одного из государств союза». Только 12 мая 1884 г. имперский суд пояснил, что наряду с сообщением государственной тайны в собственном смысле этого понятия, п. 92 ст. 1 уложения 1870 г. предусматривает передачу иностранному государству и таких сведений, «тайнственность которых является относительною», т. е. требуется лишь того, что данное сведение не было известно иностранному правительству, а потому подлежало сохранению от него в тайне. Причем для состава преступления была совершенно безразлична степень известности и распространенности этих сведений в самой Германии.

Таким образом, германский имперский суд ввел понятие «относительная тайнственность сведений», что дало возможность властям расправляться с негодными журналистами и печатными изданиями, виновность которых не вмещалась в рамки закона. Закон 3 июля 1893 г. воспрещал передачу другому лицу «документов, рисунков или иных предметов, содержание в тайне

коих требуется интересами государства». Позднее, в германском законе 1914 г., под военными секретами стали подразумеваться письменные документы, которые понимаются не в техническом смысле, а в смысле вообще бумаг: «чертежи, а также различные предметы и сведения, сохранение коих в тайне необходимо в интересах государственной обороны». Так как это определение полностью не разъясняло вопроса, то военная тайна определялась понятиями, выработанными германской судебной практикой: к военной тайне относились все сведения военного характера, которые были неизвестны до этого времени иностранному государству. При этом для понятия военного секрета вовсе не имела значения степень публичности и распространенности этих сведений в пределах Германии. Такое толкование военной тайны давало возможность привлекать к ответственности довольно широкий круг авторов, которые считали, что они излагают в своих публикациях сведения уже известные, сообщавшиеся в прессе.

В отличие от германского закона, в российском уголовном уложении 1903 г. определялось, что сведения, опубликованные или сделавшиеся «общенародно известными», уже не имеют значения для внешней безопасности страны, так как подобные сведения не могут считаться секретными.

Однако в европейском обществе, в том числе и в среде военных, существовало мнение, что, во-первых, нет таких сведений государственного или военного характера, которые бы, при известных условиях, не имели значения для иностранного государства, и, во-вторых, что нет такого секрета, который являлся бы абсолютной тайной. Это мнение хорошо выразил французский военный министр Шарль Фрейсине, выступая на известном процессе капитана Альфреда Дрейфуса, где сказал: «Вряд ли можно говорить серьезно о военных секретах в мирное время, да этих секретов, строго говоря, не существует. Мобилизация? Как у нас, так равно и у наших соседей она производится в кругу собственной территории. Когда вы замечаете, что в какой-либо местности, не насчитывающей двух или трех тысяч жителей, проведено семь или восемь железнодорожных параллельных путей, находятся провиантские магазины и депо, то становится

совершенно ясным, что это и есть пункт сосредоточения войск... Однако бывают случаи, когда сохранение секрета может принести огромную пользу, например, в период переформирования и перевооружения армии. Если секрет нового орудия или ружья будет тщательно сохранен только на время изготовления их на заводах, то указанное обстоятельство может на целый год или, по крайней мере, на полгода обусловить перевес нашей боевой готовности над противной стороной, но по окончании перевооружения скрывать принятые новые образцы является делом абсолютно невозможным»³.

Французский закон 18 апреля 1886 г., устанавливавший наказание за разглашение военной тайны, значительно шире очерчивал объект преступления, чем германский закон 1870 г. Он воспрещал открывать, сообщать или разглашать «в целом или частях планы, рукописи или секретные документы, имеющие значение для защиты страны или внешней безопасности государства» (ст. 1, п. 1). То есть по закону секретным характером должны обладать только документы, и для состава преступления вовсе не требуется, чтобы все сведения носили характер тайны.

Приблизительно того же признака при определении военной тайны придерживался закон США от 3 марта 1911 г., который запрещал собирание, получение и сообщение иностранному правительству «сведений, относящихся к государственной обороне, знание коих виновному по закону не вменено». Также давалось понятие «запрещенных мест», за посещение которых карались те, «кто с целью получения сведений, относящихся к государственной обороне, знание коих ему по закону не вменено, выйдет на какое-либо судно или в адмиралтейство, морскую станцию, форт, батарею, минную станцию, арсенал, лагерь, здание, канцелярию или военное другое место, имеющее отношение к государственной обороне».

В Англии закон 1911 г. объявлял военной тайной, воспрещенной к передаче иностранному правительству, кроки, планы, модели, предметы, заметки или иные документы и сведения, которые по свойству своему, прямо или косвенно, могут быть полезными для него или могут оказаться таковыми по обстоятельствам от-

дельного случая. Сверх того, этот закон, как и американский, давал перечень «запрещенных мест», к которым возбранялось «приближаться», находиться «в соседстве с последними» или проникать в них с какой-либо целью, противно безопасности или интересам государства.

В австрийском законодательстве военная тайна определялась как «относящиеся до военных сил государства или его военной обороны приготовления и предметы, которые не почитаются и не рассматриваются государством как публичные». Таким образом, область сведений, запрещенных к распространению, весьма обширна, и журналисту, при сборе информации было весьма несложно попасть под подозрение.

В России закон от 5 июня 1912 г. обозначал важные с военной точки зрения сведения как «долженствующие сохраняться в тайне». К ним были отнесены: «План, чертеж, рисунок либо иное изображение или описание российского укрепленного места, установленного района либо эспланады одного военного судна либо иного сооружения, предназначенного для военной обороны страны, документ, касающийся мобилизации и вообще распоряжения на случай войны».

Приведенные положения из законодательств XIX и начала XX в. свидетельствовали о следующем:

- 1) понятие военной тайны определялось законами этого периода в очень общих выражениях;
- 2) формальный признак тайны допустим лишь в тех случаях, когда ответственность ее нарушения обуславливалась прямым умыслом;
- 3) оценка характера сведений зависела от того, оглашаются ли они внутри своей страны или сообщаются иностранному государству;
- 4) если в первых законодательных актах объектом преступления за разглашение военной тайны являлось должностное лицо, которому военная тайна была доверена или стала известна по службе или работе, то в законах, принятых на рубеже XIX–XX вв., допускалось привлечение к ответственности любого лица, даже при обнародовании сведений, опубликованных или сделавших-

ся «общенародно известными», но которые были неизвестны до этого времени иностранному государству. Таким образом, для состава преступления вовсе не требовалось, чтобы все сведения носили характер тайны.

В течение XX и в начале XXI в. в законодательстве о военной тайне произошла определенная эволюция. Ныне во всех странах институт государственной тайны является существенным элементом правовой системы, обеспечивая защиту интересов безопасности государства в сфере обмена информацией. В России вопрос баланса права общества на информацию и необходимости сохранения государственной тайны, частью которой является военная тайна, пока до конца не урегулирован. Об этом говорит недавняя история осуждения военных журналистов Григория Пасько и Александра Никитина за разглашение сведений, составляющих военную тайну.

Ограничение доступа к государственной тайне в России является изъятием из общего конституционного принципа, изложенного в ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, согласно которой «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом». Закон РФ «О государственной тайне» 1993 г. допускает ограничение этого права, что, согласно Конституции, должно быть обусловлено интересами защиты обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55). Субъектом преступления по ст. 283 Уголовного кодекса РФ («Разглашение государственной тайны») является лицо, которому государственная тайна «была доверена или стала известна по службе или работе». Также эта статья допускает, что к ответственности может быть привлечено любое лицо, обнародовавшее «закрытые» сведения.

Закон РФ «О государственной тайне» регламентирует процедуру допуска лица к сведениям, составляющим государственную тайну (ст. 21–25). При оформлении допуска лицо берет на себя обязательства по нераспространению секретных сведений и ответственности за нарушение этих обязательств (ст. 21). Чаще бывает так, что изначально не проходивший процедуру допуска к тайне журналист получает доступ к секретной информации. На-

пример, при подготовке какого-либо материала на оборонную тему может возникнуть необходимость посещения «режимного» объекта, нахождение на котором невозможно без особого разрешения. Однако внутренний распорядок таких объектов, даже предоставляя возможность для выполнения журналистом такой задачи, обычно предусматривает отобрание у него подписки о неразглашении определенных сведений и разъяснение возможной ответственности. Данная процедура может считаться «упрощенным», но также строго формализованным допуском лица к секретным сведениям, распространяющим на него обязательства по неразглашению тайны.

Менее определен в законодательстве статус лиц, которым государственная тайна «стала известна по службе или работе». Например, в интервью с военнослужащим журналист может получить секретную информацию. В этом случае непосредственное применение статьи Уголовного кодекса и Закона о государственной тайне допускает возложение на журналиста ответственности в случае дальнейшего распространения данных сведений. Хотя, по мнению юристов если при получении данных сведений журналист не нарушал закон, т. е. получает информацию «законным» способом у лица, которое может быть привлечено к ответственности за нарушение соответствующей подписки о неразглашении, возлагать на журналиста позитивную обязанность проверять статус предоставляемой информации представляется ограничением конституционного права.

Таким образом, несмотря на многовековую историю развития института государственной тайны, вопрос баланса права общества на информацию и необходимости сохранения государственной тайны пока до конца в нашей стране не урегулирован. Процесс совершенствования законодательства в данном направлении продолжается. В принятый в 1993 году закон о государственной тайне за прошедшие годы внесены десятки дополнений и поправок. Это привело к тому, что в этой сфере произошли и некоторые изменения правоприменительного характера, которые вселяют надежду в то, что проблем в противостоянии сторонников свободы и слова и защитников военной тайны станет меньше.

Примечания

¹ Волковский Н. Л. 111 баек для журналистов. СПб.: Питер, 2013. С. 119.

² Волковский Н. Л. История информационных войн: в 2 ч. Ч. 1. СПб., 2003. С. 393–305.

³ Там же. Ч. 2. С. 6.

N. L. Volkovsky

St Petersburg State University

FREEDOM OF SPEECH AND MILITARY SECRET: THE HISTORICAL ASPECT

On the basis of analysis of the sources the author examines the evolution of military secrets to the nineteenth century before the beginning of the twenty-first century and its impact on freedom of the press coverage of armed conflict.

Keywords: military secret, law, information, data, printing.

Е. Ю. Гордеева

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

ЧИТАЮЩАЯ РОССИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ КНИГОВЕДЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ)

На примере «Известий книжных магазинов Товарищества М. О. Вольф», «Библиографических известий» и других изданий рассматриваются издательский репертуар в России в годы Первой мировой войны, а также особенности отечественных книговедческих журналов, их информационная, рекламная и благотворительная деятельность.

Ключевые слова: история русской журналистики, книговедческий журнал, рекламное обращение.

© Е. Ю. Гордеева, 2015

Бурный количественный и качественный рост в большинстве своем недолговечных книговедческих изданий, зафиксированный в России на рубеже XIX–XX вв., способствовал несколько задержавшейся у нас дифференциации гуманитарного знания, а также профессионализации в сфере издательского и книжного дела.

Вместе с тем обширные программы некоторых библиографических журналов способствовали привлечению внимания не только узкого круга профессионалов, но и всех, кто интересовался судьбами русской культуры и словесности.

Поэтому обращение именно к книговедческой периодике, выходившей в годы Первой мировой войны («Библиографическим известиям», «Русскому библиофилу», «Известиям книжных магазинов Товарищества М. О. Вольф» и др.), позволяет окунуться в духовную атмосферу России того периода.

В начале Первой мировой сотрудники книговедческих журналов, охваченные, как и представители других изданий, патристическими чувствами, отмечали, что война отразилась самым благоприятным образом на книжном рынке России. На страницах «Библиографических известий» находим: «Некоторые отрасли книжного дела, конечно, пострадали. Так, например, мало выходит книг научных и посвященных специальностям, также почти приостановили свою деятельность издательства, выпускающие художественные книги, но зато богатый сбыт находит себе беллетристика» (Библиогр. изв. 1915. № 3–4. С. 201).

Со страниц «Известий книжных магазинов Товарищества М. О. Вольф» мы узнаем, что произведения изящной литературы пользовались в период войны даже более значительным спросом, чем в мирное время, ввиду крупных книжных закупок для лазаретов, а также уезжающими на театр военных действий: «Больше всего расходятся произведения так называемой женской литературы, т. е. дам-писательниц: княгини Бебутовой, Вербицкой, Липпо-Данилевской и отчасти Нагродской. Одновременно усилился спрос на произведения Загоскина и Лажечникова, которые приобретаются, главным образом, для лазаретов» (Изв. книжных магазинов Т-ва М. О. Вольф. 1915. № 7. С. 105).

Подъем отечественного книгоиздания подавался на фоне «страшного упадка», который переживало книжное дело Германии: «...война нанесла книжному делу в особенности в Лейпциге такую рану, которая никогда не заживет. Полный крах книжной торговли в Лейпциге неизбежен... Лейпцигские книгопечатни грандиозны. Тысячи и тысячи рабочих были заняты в них. Они ушли на войну, и не заменить опытного профессионального рабочего женщиной, да и вывоз, на который Лейпциг главным образом работал, стал невозможен. В громадных лейпцигских типографиях царит полное запустение» (Там же. С. 109).

Книговедческие издания констатировали прекращение «сношений с немецкими книжными фирмами» (Там же. 1915. № 2. С. 29). Общероссийские акции иногда усиливались и на местах: так, в Юрьеве полицмейстер запретил выставлять в витринах магазинов немецкие книги (Там же. № 3. С. 43). Вместе с тем демонстрация антигерманских настроений была ограничена чувством меры и представлениями об элементарных правилах приличия. Например, когда на экстренном заседании Императорской академии наук был поставлен вопрос «об исключении из почетных членов академии подданных враждебных нам государств», «собрание единогласно постановило, что исключение всех почетных членов и членов-корреспондентов неудобно и сопряжено со многими затруднениями» (Там же. № 5. С. 73).

Редакции книговедческих изданий пристально следили за всеми начинаниями противника, связанными с книгоиздательской деятельностью и журналистикой военного времени, например, за инициативой Королевской библиотеки в Берлине по сбору немецкой и иностранной литературы, «касающейся так или иначе настоящей великой европейской войны». Всем военным и гражданским властям, всем консулам в союзных и нейтральных государствах было отдано распоряжение следить за периодической печатью, за каждой новой книгой, брошюрой, картинкой и, при наличии в них хотя бы намек на «современную борьбу народов», доставить по одному экземпляру в Берлин, в королевскую библиотеку (Там же. № 7. С. 152). Это особое отделение, посвященное войне, открылось в библиотеке еще в августе 1914 г. по инициативе правительства.

Работа Королевской библиотеки в Берлине по сбору своеобразной летописи войны была подхвачена и у нас. Так, со страниц 2-го номера «Известий книжных магазинов Товарищества М. О. Вольф» за 1915 г. узнаем, что при Императорской академии наук был образован новый отдел под названием «Архив войны». Материалы архива были разбиты на воззвания и объявления на всех языках, изданные различными учреждениями; распоряжения наших, союзных и неприятельских властей; газеты и журналы, издаваемые в занятых нами, союзником и неприятелем местах; книги, лубочные издания, картины, открытые письма, имеющие своим содержанием военные события; записки и дневники; записи рассказов очевидцев или участников военных событий; письма из действующей армии; фотографии различных моментов боя, занятых городов и местностей; записи стихов, басен, поговорок, частушек, появившихся в связи с войной, и многое другое. Причем «разработка поступающих и поступивших материалов» была отложена до окончания войны. После чего предполагалось их выставить для общего пользования (Там же. № 2. С. 29). Откуда же было знать сотрудникам Академии наук, какими трагическими последствиями обернется эта война для России.

Императорское общество ревнителей истории, в свою очередь, инициировало летом 1915 г. в Петрограде выставку войны «Наши трофеи», на которой среди прочего были представлен особый отдел с русскими художественными изданиями, книгами, брошюрами, карикатурами, посвященными войне (Там же. № 7. С. 105). Это же общество выступило с почином создания музея войны, среди экспонатов которого подразумевались и многочисленные печатные произведения.

В связи с освещением в 1915 г. работы выставки «Война и печать» библиографические издания констатировали, что до декабря указанного года в России было выпущено «около 270 лубков на военные темы, 230 географических карт, 1300 открытых писем, 200 портретов военных деятелей, около 400 названий брошюр и книг, посвященных войне, и около 100 гимнов» (Там же. № 1. С. 4).

Кроме того, что тема войны постоянно присутствовала в книговедческих журналах в виде многочисленных информационных материалов, рекламных обращений, ей посвящались и серьезные аналитические тексты. В одном из них — «Подвижные библиотеки на автомобилях» В. Шкловского — изучается немецкий опыт организации подвижных библиотек для обслуживания передовых позиций. Признавая, что «в настоящую великую войну обе воюющие стороны приняли меры по снабжению действующих армий материалом для чтения в редкие свободные от военных трудов часы», автор знакомит читателей с опытом немцев, перевозящих на автомобилях с одного участка фронта на другой целые коллекции книг. «Эти подвижные библиотеки, — подчеркивает Шкловский, — несомненно, приносят большую пользу, давая разумное занятие и освежая усталые души своих читателей» (Там же. № 5. С. 124). Спокойный, написанный без всякой примеси антигерманских настроений текст явно нацелен на конструктивное отношение к полезным начинаниям противника.

Другим серьезным материалом, размещенным в начале 1915 г. на страницах «Известий книжных магазинов Товарищества М. О. Вольф», стала статья М. Н. Васильевского «Книга и война». Автор констатирует, что «газета теперь заняла первое место в русской жизни», «несомненно также сильное тяготение читательской публики к той книге, которая так или иначе трактует или напоминает войну» (Там же. № 1. С. 4)), вследствие чего сильно возрос спрос и на книгу исторического содержания.

Однако достаточно оптимистичный тон в обрисовке положения дел на российском книжном рынке резко меняется в 1916 г., в частности в связи с публикацией А. Д. Тороповым, редактором «Книжной летописи», отчета о произведениях печати, выходящих в России на всех языках, за предыдущий год. Статистика неутешительна: в 1915 г. Главное управление по делам печати зарегистрировало 26 044 новых названия против 32 338 названий в 1914 г. и 34 006 названий в 1913 г. В сравнении с 1914 г. уменьшилось не только число напечатанных сочинений, но и количество выпущенных экземпляров. В 1915 г. совокупный тираж всех

изданных книг составил 107 908 823 экземпляра, в то время как в 1914 г. — 130 167 102 экземпляра (Там же. 1916. № 5. С. 121).

Если накануне Первой мировой Россия вышла на одно из ведущих мест в мире по выпуску книг (после Германии, Франции и Великобритании), то во время войны положение страны серьезно ухудшается. Многие государства — поставщики оборудования и материалов отказались продолжать экономические отношения с российскими издателями. Значительно сократился парк машин. Свыше 30% типографской техники не работало из-за отсутствия комплектующих деталей. Резко упала производительность труда, а объем выпуска книг снизился на 50% (например, на иностранных языках)¹.

Книгovedческие журналы отмечали то кризисное состояние, в котором оказался издательский мир России к 1916 г. Подорожание бумаги, краски, рабочей силы не лучшим образом сказались на нем. Война вырвала из рядов работников книжного дела тысячи людей, начиная с наборщика и заканчивая продавцом-приказчиком. Если в других областях экономики дороговизна не приводит к катастрофическим последствиям с точки зрения покупательской активности, то с книгой, которая не является предметом первой необходимости, дело обстоит иначе: если удвоить ее цену, вдвое уменьшится ее распространение. «Кроме того, книги имеют определенные, зарегистрированные в каталогах цены, которые продавцам нельзя менять произвольно» (Изв. книжных магазинов Т-ва М. О. Вольф. 1916. № 1. С. 6). Журналисты подмечают, что в обстоятельствах военного времени издатели не могут следовать примеру других производителей. Они, как и раньше, должны помнить прежде всего о своей просветительской миссии, об ответственности перед аудиторией: «Надо думать, история русского книгоиздательского дела (да и русской культуры вообще) когда-нибудь отметит на своих страницах нынешние переживания книжного мира и его деятельность, носящую характер несомненной добросовестности и преданности своей доле участия в культуре родной страны» (Там же. С. 6–7).

Однако некоторые издатели и книготорговцы не преминули воспользоваться ситуацией и стали продавать издания, преимуще-

щественно учебные, по спекулятивным ценам: №В ряде крупных книжных магазинов сообщили, что издатели и оптовые торговцы книгами зачеркивают прежние цены и проставляют новые, по каким и доставляются книги в магазины...» (Библиогр. изв. 1916. № 3–4. С. 155).

Одной из главных тем, обсуждавшихся на страницах специализированной периодики, становится бумажный кризис в России и пути выхода из него. Страна потеряла миллионы пудов бумаги, производимой на фабриках, расположенных в занятых неприятелем местностях. Сократилось производство и на фабриках внутри России из-за недостатка древесины и целлюлозы. Для преодоления кризиса при министерстве торговли и промышленности был создан специальный комитет по делам бумажной промышленности, который высказался за решительные меры борьбы со спекуляцией на бумагу.

Кризис, разумеется, коснулся не только крупных городов, но и провинции. На страницах «Известий книжных магазинов Товарищества М. О. Вольф» за 1917 г. читаем о бумажном кризисе в Нижнем Новгороде: «Заходите в книжный магазин, — к слову сказать, в Нижнем их немного: два-три — и обчелся, почти полное отсутствие книг. Спрашиваете одну книгу, другую... целый ряд книг и получаете в ответ одно и то же неизменное „нет“» (Изв. книжных магазинов Т-ва М. О. Вольф. 1917. № 2–3. С. 19).

Корреспондент отмечает недостаток в провинции учебников, дешевых книг для народного чтения, лубочных изданий.

Бумажный кризис самым неблагоприятным образом отразился и на состоянии дел в журналистике. Давая отчет о собрании Петроградского общества редакторов журналов в октябре 1916 г., сотрудники «Библиографических известий» (№ 1. С. 45) указывали, что закрылось уже около 15 % журналов, преимущественно научных и специальных. Как известно, созданный в январе 1914 г. журнал «Журналист» в 1915 г. был вынужден прекратить свое существование. В период Первой мировой войны закрываются и такие специализированные издания, как «Библиограф», «Книжный вестник», «Библиотекарь», «Русский библиофил» и др.

В сложившихся обстоятельствах Общество издателей периодической печати в Петрограде было вынуждено обратиться к читателям журналов с воззванием, где среди прочего было отмечено: «Наступил третий год войны. Цены на все отрасли производства, особенно на бумагу, еще более возросли. Повышенная подписная цена на 1916 г. опять оказалась далеко несоответствующей расходам по изданиям. Ввиду того, что периодическая печать в России вообще и без того немногочисленна, что каждый из ее органов в той или иной степени служит задачам общественного культурного развития, издатели пришли к убеждению, что в интересах самих читателей важно, чтобы существующие издания продолжали свое дело. Это, однако, возможно только при новом повышении подписной платы на 1917 год» (Библиогр. изв. 1916. № 3–4. С. 145–146).

В поиске средств выхода из создавшегося кризиса предлагали разные, даже самые причудливые меры. Так, в заметке С. Леонидова «Твердый знак и война» обсуждается «вопрос о тех буквах русского алфавита, которые являются совершенно излишними и значительно увеличивают размер наших книг и газет» (Изв. книжных магазинов Т-ва М. О. Вольф. 1916. № 3. С. 71). Это, по мнению автора, неоправданно увеличивает расходы бумаги, краски, шрифта. Основываясь на некоторых подсчетах, Леонидов пытается доказать, что в целом в России ежегодно ненужные расходы на твердый знак составляют порядка 7–8 млн. рублей. Автор уверен, что «изгнание ъ из русской азбуки привело бы к сбережению для народного хозяйства России не одного миллиона рублей, непроизводительно ныне затрачиваемого из уважения к старине русской грамматики» (Там же. С. 73).

Учитывая кризис, который переживало отечественное книгоиздание, и многие другие обстоятельства, книговедческая периодика приходит к весьма категоричному выводу: «Русская литература спасовала перед настоящей войной» (Там же. 1915. № 8. С. 175). Правда, по мнению редакции «Известий книжных магазинов Товарищества М. О. Вольф», бессильными перед лицом мировой катастрофы оказались не только мы, но и литераторы стран-союзниц, и писатели враждебных нам государств. Приводя

точку зрения А. И. Куприна на появляющиеся произведения как на литературу, которая «неправильно живописует быт войны», редакция явно солидаризируется с его позицией: «Да и чего можно ожидать от военных рассказов и стихов, написанных в уютном кабинете? Я не понимаю пишущих их. На солдат же теперешние рассказы, полные героических подвигов, производят веселящее впечатление» (Там же. № 6. С. 93).

Говоря о героической литературе, сотрудники книговедческих журналов более сочувственно отзываются о патриотических изданиях для детей, например, о книге Виктора Русакова (фактического редактора «Известий книжных магазинов Товарищества М. О. Вольф») «Юные русские герои» (Там же. № 7. С. 105). По мнению редакции журнала, эту книгу можно дать в руки подростков, не опасаясь того, что, начитавшись о военных подвигах сверстников, те из одной подражательности «убегут на театр военных действий». Среди персонажей книги юный читатель мог найти Скобелева, Кутузова, Багратиона и других защитников России.

Констатируя возросший спрос на историческую литературу, библиографическая периодика подтверждает, что подобная литература занимает первые позиции и в издательском репертуаре для детей. Особенным успехом, отмечается в «Известиях книжных магазинов Товарищества М. О. Вольф», пользовались такие произведения Л. А. Чарской, стабильно занимавшей верхние позиции в рейтинге любимых детских авторов, как «Газават», «Смелая жизнь», «Грозная дружина» и др.

Неудивительно, что произведения Чарской пришлись по душе детской аудитории в дореволюционной России, ведь свой писательский долг Лидия Алексеевна видела в том, чтобы «вызвать добрые чувства в юных читателях, поддержать их интерес к окружающему, будить любовь к добру и правде, сострадание к бедным, священное пламя любви к родине» (Задушевное слово. 1911. № 48. С. 757).

С темой любви к родине неизменно соседствовала на страницах книговедческих изданий и другая важная тема — благотворительности. Как известно, активизация и самой благотворитель-

ности, и ее отражения в прессе происходит в связи с военными действиями Русско-японской войны, а затем и Первой мировой. Максимальное внимание в этих ситуациях уделяется раненым и семьям солдат, ушедших на фронт. Большинство периодических изданий объявляют о сборе пожертвований в пользу воинов и их семей, публикуют поименные отчеты о пожертвованных деньгах и вещах².

В контексте благотворительных начинаний намечается существенная переориентация в рекламной деятельности книговедческих журналов. Систематически дается реклама как новых книг, «имеющих отношение к переживаемому историческому моменту», так и многочисленных переизданий, посвященных войнам минувших времен. Иногда распространение подобных книг преследовало благотворительную цель, например «художественно изданного министерством Императорского Двора описания путешествий Его Императорского Величества Государя Императора в действующую армию». Весь доход от реализации этого издания поступал в распоряжение императрицы Александры Федоровны на нужды раненых и их семейств (Изв. книжных магазинов Т-ва О. М. Вольф. 1915. № 6. С. 89).

Важно, что многие благотворительные акции получали поддержку на самом высоком уровне. Так, Комитет снабжения раненых произведениями печати «Книга — солдату» в Москве получил разрешение Главнокомандующего снабдить армию солдатскими и офицерскими библиотеками. В своем разрешении Главнокомандующий сообщил, что «считает снабжение армии библиотеками очень желательным и смотрит на это, как на средство, могущее влиять на дух и моральное состояние солдат» (Там же. 1916. № 5. С. 68). С помощью рекламных обращений, размещенных в книговедческих журналах, Комитет обратился к широкой читательской аудитории с просьбой присылать либо книги, либо деньги на их приобретение.

Книговедческая периодика поддерживала все благотворительные мероприятия обществ и комитетов: кампании Русского библиографического общества при Императорском Московском университете по сбору книг, которые «могли бы дать здоровую

духовную пищу болящим воинам» (Там же. 1915. № 1. С. 3), Императорского общества ревнителей истории, открывшего серию лекций в офицерских лазаретах (Там же. № 6. С. 88), Московского комитета по снабжению раненых произведениями печати (он разослал по одной библиотеке в 1395 лазаретов) (Там же. № 3. С. 64), литературно-музыкальные вечера, проводившиеся Обществом русских писателей в помощь жертвам войны, и многие другие.

Журналисты не только освещали благотворительную работу, но и сами активно включались в нее. Так, в январе 1915 г. собрание московских издателей решило устроить «День печати». Увеличив расценки на размещение рекламы в этот день, обещая опубликовать имена тех, кто пожертвовал 10 тысяч рублей и более, работники пера смогли собрать немалую сумму, которая была направлена на оказание помощи раненым (Там же. № 1. С. 8).

Подводя итоги, нельзя не заметить, что для солдат некоторых других стран — участниц конфликта такая социальная инициатива оказывалась излишней при отлаженной работе почтовых служб. Например, английские солдаты могли оперативно получать посылки, содержавшие как любимые продукты питания, так и последние газеты и книги. Однако при всех различиях исходных условий зарубежные исследователи подчеркивают, что в годы Первой мировой, протекавшей на фоне всеобщего стремления к идеалу культурного самосовершенствования, читали так интенсивно, как не читали ни в какие другие военные периоды³.

Обращение к книговедческой периодике, выходившей в годы Первой мировой и значительно пострадавшей (в том числе количественно) от этой самой войны, позволяет не только более рельефно обрисовать кризис печати России того времени, но и погрузиться в духовную жизнь того периода, открыть поучительные для современных журналистов страницы благотворительной и просветительской деятельности их предшественников.

Примечания

¹ История книги: учебник для вузов / под ред. А. А. Говорова и Т. Г. Куприяновой. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/HB/18-1.htm>.

² Ученова В. В., Старых Н. В. Социальная реклама: учеб. пособие. М.: Индекс-Медиа, 2006. С. 37.

³ Fussell, Paul. The Great War and modern memory. New York: Sterling Publishing Co., 2009. P. 201–203.

E. Yu. Gordeeva

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

THE READER'S RUSSIA DURING THE FIRST WORLD WAR (BASED ON THE BIBLIOLOGIC MAGAZINES)

The author investigates the editions' repertoire in Russia during the First World War and also peculiarities of bibliologic magazines, their information, advertising and philanthropic activities on the materials of "Bulletin of M. O. Wolf's association of bookstores", "Bibliographic bulletin" and other periodicals.

Keywords: history of Russian journalism, bibliologic magazine, advertising text.

Н. В. Жиликова

Томский государственный университет

НОВЫЕ ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ ТОМСКА ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена анализу изменений в системе периодической печати города Томска в 1914–1916 гг., связанных с участием России в Первой мировой войне. Рассматриваются обстоятельства появления новых газет и журналов, раскрывается содержание архивных дел.

Ключевые слова: периодика Томска, Первая мировая война.

© Н. В. Жиликова, 2015

Система российской периодики во время Первой мировой войны трансформировалась в связи с изменившимися цензурными условиями, с перестройкой экономики из-за нужд военного времени и другими факторами. Изменения дошли и до сибирского региона, который находился в глубоком тылу и не был задействован непосредственно в военных действиях. Однако местная периодика чутко реагировала на общественные запросы, что отразилось в увеличении количества публикаций на военные темы и в появлении новых типов изданий.

Необходимо заметить, что в Томске к 1914-му году уже сложилась достаточно разветвленная газетно-журнальная система, которая включала в себя:

- постоянно выходившие официальные издания («Томские губернские ведомости», «Томские епархиальные ведомости», «Врачебно-санитарная хроника г. Томска» и др.);

- издания различных обществ («Труды Общества естествоиспытателей и врачей при Томском университете», «Протоколы Томского общества естествоиспытателей и врачей», «Труды Томского отдела Императорского Московского общества сельского хозяйства», «Журнал Общества сибирских инженеров», «Ежегодник Томского общества пчеловодов» и т. д.);

- крупные частные газеты разных направлений: либеральные («Сибирская жизнь», «Утро Сибири»), консервативные («Сибирская правда», «Томский вестник»);

- специализированные газеты и журналы: медицинские газеты («Сибирский врач», «Здоровье для всех»), студенческий журнал («Сибирский студент»), сельскохозяйственный журнал («Сибирское сельское хозяйство») и т. д.

В годы Первой мировой войны периодическая печать Томска пополнилась новыми типами изданий. Прежде всего речь идет об «однодневных газетах» — одиночных номерах, выпускавшихся, как правило, с благотворительной целью. Этот тип газет широко распространился в России в военные годы, и Томск не стал исключением. В 1914–1916 гг. в нем было выпущено несколько «однодневных газет»: «Белый цветок» (1914), «Студенческий день» (1915) и «Отклики печати» (1915), — они предна-

значались для сбора средств в пользу семей участников войны, раненых воинов. Кроме этого в архиве найдены сведения¹ об однодневной газете «Студенты-технологи — жертвам войны» (1915) (сама газета пока не обнаружена; возможно, она является неосуществленным изданием). Эти, а так же другие однодневные газеты России и Томска выпускались с благотворительной целью: сбор от них шел на нужды раненых во время Первой мировой войны.

Однодневная газета «Белый цветок» вышла в свет 18 мая 1914 года, в качестве издателя ее выступил Томский отдел Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом, редактором был профессор М. Г. Курлов. Оригинал газеты не сохранился в томских библиотеках и архивах — он доступен только в газетном читальном зале Российской национальной библиотеки (С.-Петербург), где и был исследован автором статьи.

В выпуске газеты «Белый цветок», полностью посвященной формам, методам и результатам борьбы с туберкулезом, специфический медицинский характер имела даже реклама. Так, на первой странице газеты были размещены призывы к участию в празднике «Белого цветка» 20 мая, объявления о приеме легочных больных в амбулатории Томского отдела Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом, сообщения от Императорского Томского университета о приеме на медицинский факультет сибирячек, от Бактериологического института имени Ивана и Зинаиды Чуриных и т. д.

Большое место в газете занимали отчеты: о состоянии и деятельности Томского отдела Всероссийской лиги по борьбе с туберкулезом за 1913 г., а также денежный отчет по отделу, отчет о деятельности амбулатории этого отдела и отчет о деятельности попечительства о бедных туберкулезных больных г. Томска за 1913 г. Однако составители газеты на этом не остановились, в номере были помещены также разнообразные статьи, представлявшие интерес для широкой публики: «Охрана здоровья детей — верный способ борьбы с туберкулезом» В. Д. Маркузона, «Чохотка и пьянство» П. Бутягина, «Неврастения и туберкулез» В. В. Корелина, «Хирургический туберкулез» проф. Н. Березне-

говского, «Почему летом следует выезжать из города?» Ал. Лаптева, «Туберкулез в русской армии» и др.

Необычным приемом, который привлекал внимание читателей, было помещение между статьями небольших высказываний по теме туберкулеза (без указания авторства); они выделялись особым шрифтом. Например: «Для борьбы с туберкулезом нужны ясный ум, отзывчивое сердце и щедрая рука»; «Туберкулез — социальное зло и борьба с ним будет продуктивна только при активном участии общества и масс и работ в соответствующем направлении правительства» и т. д.

В Государственном архиве Томской области (ГАТО) хранится переписка с томским губернатором по поводу выпуска газеты «Студенческий день». Прошение о разрешении этого издания было написано от имени комитета кружка студентов Императорского Томского университета по оказанию помощи семьям запасных и раненым. Комитет просил «разрешить произвести сбор в пользу названного кружка в г. Томске с продажей однодневной газеты „Студенческий день“ под редакцией профессора С. И. Солнцева». Поскольку ректор университета не был против намеченной акции, а профессор С. И. Солнцев был согласен выступить ответственным редактором и «принять на себя все последствия, с этим связанные», губернатор в свою очередь утвердил программу газеты в следующем виде:

«„Студенческий день“ — Редакция.

Передовая: „Наша первая задача“ — профессор М. И. Боголепов.

„Задачи грядущего будущего“ — профессор А. Горбунов.

„Что нужно Сибири?“ — профессор М. Соболев.

„Два настроения“ (из дневника) — профессор Сапожников.

„Война и размножение“ — профессор Г. Иосифов.

„Первый Народный Университет в Сибири и его ближайшие задачи“ — профессор С. Солнцев.

„Из истории кружка студентов Томского университета по оказанию помощи семьям запасных и раненым и о других студенческих организациях“².

Обращает на себя внимание тот факт, что если для продолжающихся изданий утверждалась программа в виде рубрикатора,

то в случае выпуска однодневной газеты власть контролировала собственно содержательную часть издания, тематику материалов конкретных авторов. Однако в самой газете, номер которой вышел 6 апреля 1915 г., кроме публикаций профессоров были помещены и многочисленные материалы студентов, выделенные в отдельный раздел под названием «Студенческая жизнь». Студенты были авторами таких статей, как «О настроениях петроградского студенчества» (статья подписана Студ. Н. Н.), «О студенческом бюро страхования» (Студ. Ф. Мальцев), «К организации студенческого общества для борьбы с туберкулезом» (Ст. Л. Л.), «О Пироговском студенческом медицинском обществе» (Ст. Прокофий Беляков), «Студенческая столовая как кооператив» (Студент Б. Ш.) и некоторые другие. Кроме того, в газете были помещены стихотворения студента Ф. Силина «Памяти декабристов» и «В деревне», на последней полосе опубликован некролог «Памяти студента-технолога Николая Владимировича Бенедиктова».

Совместная работа профессоров и студентов над номером газеты способствовала расширению духовного пространства издания, повышению его авторитета в местном обществе. В томской «Сибирской жизни» были приведены сведения о том, что газета «Студенческий день» разошлась в количестве 13 000 экземпляров (Сибирская жизнь. 1915. № 75): это свидетельствовало о том, что публика отнеслась с большим интересом и вниманием к этому студенческому проекту.

«Отклики печати» (1915) издавались Томским отделом Сибирского общества помощи раненым, представляли собой газету с обычными разделами — передовой «Война и русское общество» профессора Е. Зубашева, статьями по актуальным вопросам («Задачи сибирского университета» В. Анучина, «Преступные дети — наши дети» Р. Вейсмана, «О театре» В. Кононова, «Дети и война» Н. Зеленского и др.), литературным отделом, представленным эскизом Георгия Гребенщикова «Один из них», стихотворениями, зарисовкой В. Шишкова, а также хроникой заграничной жизни, рекламой и т. д.

Однодневные газеты выпускались по традиционной модели городских и областных изданий, включали в себя обычные руб-

рики — передовая статья-обращение, телеграммы, томские, сибирские, российские новости, фельетоны, стихотворения и художественные произведения других жанров и т. д. Подобного рода издания служили повышению авторитета газет в сибирском обществе, выступая аналогом общественной акции, центра консолидации благотворительных сил.

Если газеты возникли в связи с запросами военного времени, то журнал «Сибирский студент», первый номер которого вышел в мае 1914 г., оказался «не по своей воле» вовлечен в проблематику Первой мировой. Однако тема участия России в военных действиях стала одной из самых обсуждаемых на страницах журнала. Проблема материала строилась в «Сибирском студенте» с учетом того, что его аудиторией была университетская молодежь Сибири.

Первый номер «Сибирского студента» вышел в мае, второй — в августе 1914 года, и в нем впервые появилась военная тематика. Автор передовой статьи «Охраняйте культуру!» обращал внимание читателей на разрушительный характер «европейской войны», которая «наносит сокрушительный удар всему мировому хозяйству», но губительнее всего отзывается на европейской культуре (Сибирский студент. 1914. № 2). В статье очередного номера журнала за сентябрь — октябрь под названием «Война за мир» журналист задавался вопросом о «секрете популярности» войны: «несмотря на весь ужас предстоящей войны, несмотря на усиленную работу мысли цивилизованного человечества в пользу вечного мира, грозный призрак войны все надвигался и надвигался и наконец разразилась мировая катастрофа, и, как ни странно, она была почти повсюду встречена энтузиазмом» (Там же. № 3–4). В этих статьях определились основные принципы освещения военной тематики: не информирование о военных действиях и отслеживание хроники сражений, а анализ воздействия войны на такие сферы жизни, как экономика, культура, духовность, искусство.

В материалах Н. Н. Тепикина «Война и печать», Н. Чужака «Война и искусство», Б. М. «В кружке помощи жертвам войны» (Там же. № 3–4), Ю. Кремьянского «Вечный мир» (Там же. № 5–6) военная тематика освещалась с разных аспектов: отношение европейских и русских писателей и журналистов к военному проти-

востоянию, помощь сибирского студенчества пострадавшим на полях сражений, уничтожение культурных ценностей и т. д. Авторы журнала возмущало пренебрежительное отношение к германской культуре, это явление они называли «вандализмом», т. е. «разрушением в себе сегодня то, чему вчера еще молился... Худший признак вандализма — взять да и оплевать публично то, на что вчера еще посягнуть казалось бы преступлением. С веселым видом отвернуться от созданий мировой культуры. От „сокровищницы“, „гордости“, „Великой святыни“...» (Там же. № 3–4).

С течением времени военная тематика в журнале отошла на второй план, поскольку более актуальными для авторов оказались вопросы положения студентов в Томске, в России и за рубежом, а также текущие проблемы университетской жизни. Тем не менее опубликованные в «Сибирском студенте» материалы свидетельствуют о том, что редакция придавала большое значение формированию у своей аудитории определенного отношения к войне — как к событию катастрофическому, разрушающему современную культуру и цивилизацию. Журнал пропагандировал скорейший «вечный мир», осуждал «Дантовский ужас подобных войн».

Ведущая газета Томска, «Сибирская жизнь», конечно, не была новым изданием периода Первой мировой войны, однако здесь произошел ряд значительных изменений, которые отразились и на содержании, и даже на внешнем виде газеты. Прежде всего в объявлении о подписке на 1915 г. было внесено следующее дополнение к основному рекламному блоку: «особое внимание обращено на всестороннее освещение событий военного времени, с каковою целью редакцией приглашен специальный военный обозреватель, значительно увеличено количество телеграмм от собственных корреспондентов из Петрограда, помещаются рисунки, портреты и шаржи, иллюстрирующие главным образом различные моменты военного времени, а также по мере надобности издаются и прилагаются для подписчиков бесплатно карты различных театров войны» (Сибирская жизнь. 1914. № 242).

Повысилось внимание «Сибирской жизни» к международной политике. В начале 1914 г. на страницах газеты появились такие материалы, как «Русско-германские отношения», «Тройственный

союз и Россия. Угрожает ли Германии и Австрии война с Россией»; в № 128 за 1914 г. на первой полосе было выделено крупным шрифтом сообщение об убийстве эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги. В каждом номере можно было найти статьи о предстоящей подготовке к мировой войне: «Боевые силы Турции и Греции», «Порядки в немецкой армии», информационные подборки, объединенные общим заголовком, как, например, «Страна накануне всеобщей войны». В структуру газеты была введена рубрика «Накануне войны», которая после объявления о начале военных действий сменилась постоянными рубриками «Европейская война», «Военные заметки», «Отголоски войны» и наконец просто «Война» (в 1916 г.).

Как и многие издания России, «Сибирская жизнь» зафиксировала на своих страницах первоначальный патриотический подъем в обществе. Газета публиковала сообщения о манифестациях по всей России и в самом Томске. Сообщалось, например, что в Томске «после литургии в кафедральном соборе более тысячи человек устроили на улицах города манифестацию по случаю объявления Германией войны России. Манифестанты прошли с пением народного гимна, криками „ура“, причем впереди несли икону, портрет Государя и национальные флаги» (Там же. 1914. № 158).

Новое тематическое направление газеты было связано также с тем, что в сражениях Первой мировой войны принимали участие томичи. Они входили, во-первых, в состав Томского 39-го пехотного полка, который участвовал в боевых действиях на Западном, Юго-Западном и Северо-Западном фронтах, в Томашовском сражении; был выведен в тыл в 1915 г. после больших потерь вследствие газовой атаки в районе г. Балимова. Во-вторых, солдаты из Томска воевали в составе Сибирского 42-го стрелкового полка: он состоял из 7-го Красноярского и 8-го Томского полков; сыграл немалую роль в отражении германского наступления и в деблокировании крепости Осовец, в сражении на реке Нареве (расформирован в 1918 г.). Газета следила за передвижениями и деятельностью сибирских полков, помещала сообщения о них из других газет.

Из-за условий военной цензуры уже к концу 1914 г. газета стала выходить с белыми прямоугольниками на полосах вместо снятых материалов. Внешний облик газеты в военное время изменился и благодаря практике помещения огромных с агитационными целями заголовочных комплексов на внутренних полосах. Так, в № 220 за 1914 г. заголовок извещал читателей: «Сегодня сбор белья для армии»; в № 45 за 1915 г. сообщал: «Сегодня последний день благотворительного базара. Окажите помощь пострадавшему населению царства Польского!»; в № 71 за 1915 г. лаконично призывал: «Помогите армянам-беженцам!»

«Новинкой» газеты был и выпуск в 1914–1915 гг. специальных бесплатных иллюстрированных приложений к «Сибирской жизни». Они представляли собой небольшой, в несколько страничек, сборник изображений с лаконичными подписями. Так, в приложении к № 240 за 1914 г. были помещены следующие иллюстрации: 1) Собор в Реймсе. Фасад; 2) Собор в Реймсе. Сбоку; 3) Порфирий Никитич Крылов. Автор «Флоры Алтая и Томской губернии»; 4) Городское училище им. Пирогова в Томске; 5) Слушательницы IV курса естественного отделения Сибирских высших женских курсов (1910–1914 гг.); 6) Новая мечеть в Томске; 7) Выставка «Детский труд и отдых», бывшая весной 1914 года в г. Томске; 8) Америка о европейской войне. Подбор изображений давал представление о жизни в Томске и за рубежом, знакомил с известными людьми Томска и томскими студентами, выполнял функции своеобразной хроники городской жизни.

Помимо отдельного иллюстрированного приложения во время Первой мировой войны на страницах самой «Сибирской жизни» публиковались карты, портреты, карикатуры. Изображения давались с текстами; так, портрет «генерала Фон-Эммиха, командовавшего германской армией, атаковавшей Льеж», содержал информацию о том, что этот военачальник «кончил жизнь самоубийством после того, как целый ряд приступов окончился поражением немецких войск» (Там же. № 213).

Таким образом, благодаря томской периодике читатель имел возможность быть в курсе военных событий, выстраивать для себя «визуальный ряд» Первой мировой благодаря иллюстри-

рованными приложениям, а также помогать непосредственным участникам военных действий своими средствами, собиравшимися с помощью «однодневных газет».

Примечания

¹ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 12. Д. 1559. Документы о выдаче разрешения студентам технологического института на издание газеты «Студенты-технологи — жертвам войны» под редакцией В. В. Корелина (рапорты, свидетельство, переписка, прошения).

² Там же. Д. 1427. Документы о разрешении издания в Томской губернии газет и журналов (рапорты, свидетельства, программа, справка, переписка). 1913–1915 гг. Л. 10, 14, 17, 22.

N. V. Zhilyakova
Tomsk State University

NEW NEWSPAPERS AND MAGAZINES TOMSK DURING THE FIRST WORLD WAR

This article analyzes the changes in the periodical press of the city of Tomsk in 1914–1916, respectively, related to the participation of Russia in the First World War. Considered the circumstances of new newspapers and magazines, disclosed the contents of archive files.

Keywords: Periodicals Tomsk, First World War.

Г. В. Жирков
С.-Петербургский государственный университет

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРАДИГМЫ ЖУРНАЛИСТИКИ

В статье анализируется проблема качественной трансформации журналистики в ходе информационного обслуживания Первой миро-

вой войны. Показано, как развитие манипулятивной функции журналистики привело к смене ее парадигмы.

Ключевые слова: Мировая война, парадигма журналистики, манипуляция

Наиболее существенной причиной Первой мировой войны были не конкретные поводы или мифологические идеалы тех или иных государств и даже не экономический кризис, а давно назревшая в цивилизации необходимость смены форм управления человеческим сообществом. Мировая война решала мировую проблему: как быть с проснувшейся к социально-политической жизни толпой, которую монархия уже не могла эффективно контролировать. Массовые коммуникации, журналистика как средства управления массами играли в ее решении ключевую роль. В 1914 г. в Европе было лишь три республики и 17 монархий, а уже в 1918 г. их число сравнялось.

«В годы Первой мировой войны пропаганда получила широкое распространение, — считает теоретик информационных войн Пол Лайнбарджер, — потому что средства массовой коммуникации стали к тому времени уже частью общественной жизни всех стран, участвовавших в этой войне». Именно в этой войне «психологическое оружие, применявшееся до этого от случая к случаю, превратилось в ведущее и позже даже было названо оружием, которое выиграло эту войну»¹.

Опыт использования массовых коммуникаций в период войны послужил смене парадигмы журналистики XX в. В России на ее состояние повлияли три крупнейших события: революция 1905–1907 гг., война 1914–1918 гг. и Великая русская революция 1917–1920 гг. Первая русская революция раскрепостила информационный рынок страны, сделала его более свободным от официальной опеки. Процесс урбанизации, сопровождавший ее, расширил аудиторию журналистики, включил в нее горожан: рабочих, торговцев, наиболее подвижный слой крестьян и иной пришлый люд.

Процесс политизации общества, активизировавшийся в ходе революции, привел к образованию в России легальных и неле-

гальных партий, к функционированию Государственной думы, где готовились законы о печати; в газетах и журналах обсуждались проблемы ее правового положения². Всем этим был сделан шаг к изменениям в качественной характеристике русской журналистики. В данной статье рассматривается следующий этап ее модернизации, связанный с последствиями Первой мировой войны.

Опыт пропагандистской деятельности воюющих сторон довольно подробно раскрыт самими организаторами этой войны, военачальниками и участниками пропагандистских операций, а затем обобщен в послевоенной научной литературе: «Как мы рекламировали Америку» (1920) Джоржа Крила, председателя Комитета общественной информации США, «Осведомительная служба, печать и настроение народа в мировой войне» (1920) В. Николаи, подполковника Управления печати Верховного командования германских вооруженных сил, «Печать и война» (1926) М. Н. Потапова, русского генерала, «Буржуазная политработа в мировую войну 1914–1918 гг. Обработка общественного мнения» (1928) Ф. Блументаля, «Техника пропаганды в Мировой войне» (1929) Гарольда Ласвеля (в современной транслитерации Лассуэлл) и др.³ Можно вспомнить еще мемуары военачальников разных стран, раскрывших практику ведения этой мировой войны. Ее же фактография послужит для теоретических обобщений дипломату, секретарю «мозгового центра» президента США и капитану военной разведки Уолтеру Липпману⁴, активному участнику американской пропаганды, в трудах «Свобода и новости» (1920) и «Общественное мнение» (1922).

Как показывают факты истории, война выступает как двигатель развития информационного процесса, информационной технологии и информационных носителей. Русская журналистика зарождалась в ходе Северной войны при Петре Великом и по его инициативе — и ее характер во многом определялся этим. Первое сохранившееся печатное издание, вышедшее 27 декабря 1702 г., было посвящено победной битве при Нотебурге и представляло собой репортаж с поля сражения. Первая подшивка русской печати «Книга Марсова» (1713–1716 гг.) представляет собой книгу боевой славы России — боевые листки (реляции)⁵.

Экономический кризис мирового сообщества привел к столкновению интересов большого числа стран. Впервые на мировом уровне развернулась информационная война, в которой участвовали пропагандистские аппараты всех государств. Они вели активную контрпропаганду, конкурируя друг с другом в манипулировании общественным мнением. Их правящие круги нашли предлоги, «идеалы», оправдывавшие необходимость войны и ее якобы справедливый характер для данной страны. Журналистика, которая в начале XX в. обогатилась новыми информационными технологиями — кинематографом, радиотелеграфом, фотожурналистикой, пластинкой с граммофоном, — можно сказать, встала на путь превращения из политической силы в боевую.

Постулат известного историка К. Клаузевица: «Война есть продолжение политики, но другими средствами» — стал подразумевать и обратное: политика — тоже война, но ведущаяся особыми средствами.

К началу войны массовые коммуникации в большинстве стран ее участников получили большое развитие, особенно это касается Европы и США. Германия, Англия, США с помощью агентств Гавас, Рейтер и др. распространяли информацию, благоприятную для них, удобную им, повышавшую их авторитет, добывали сведения разведывательного характера в экономической, финансовой сфере, отчасти о политической ситуации в обществе той или иной страны. Охранное отделение России отслеживало иностранную деятельность такого рода. В «Записке по охранному отделению» 1916 г. констатируется: «Одним из сильнейших орудий, которым Германия борется за политическое и экономическое владычество, является тонкая обработка общественного мнения путем соответственных закулисных влияний, конечно, главным образом непосредственно на проведение общественного мнения — прессу». Немецкое Бюро печати фабрикует данные, которые через подставных и купленных лиц и журналистов распространяет в других странах и в русской печати, не только столичной, но и провинциальной⁶.

Каждая из воюющих стран имела структуры, управлявшие массовыми коммуникациями. Необходимость в этом вытекала

из роста роли информации в обществе, массовизации информационного процесса, прогресса информационных технологий. С этого исторического периода в XX в. в условиях развития политизации всех сторон общественной жизни в пропаганде наблюдался существенный прогресс, пропаганда стала профессией. Руководитель Управления печати Верховного командования германских вооруженных сил (1914–1918 гг.), подполковник В. Николаи подчеркивал: «Печать представляет собой силу, и, как всякая сила во время войны, она должна находиться в руках правительства»⁷.

Тогда это могли заявить руководители любой страны. Генерал Э. Людендорф в воспоминаниях высказал кредо военачальника тех лет: «Хорошо поставленная пропаганда должна далеко опережать развитие политических событий. Она должна расчищать путь и формировать общественное мнение, не подавая вида, что она это делает. Прежде чем политические намерения превратятся в действия, надо убедить мир в их необходимости и моральной оправданности»⁸.

В Германии Верховное командование создало специальный печатный орган «Германские военные известия». Немецкая военная печать включала в себя 28 газет на Западном фронте, 11 на Русском, 6 на Балканском, одну на Турецком. Кроме того, выпускались немецкие газеты на оккупированных территориях: на Западном фронте — четыре, на Восточном — девять, на Румынском — две⁹.

В Англии был создан Комитет целей войны (War aims) при парламенте, в августе 1914 г. — Бюро печати (с января 1917 г. — Департамент пропаганды, имевший 4 отдела); был инициирован выход «Известий Брайса» («Brice Report»), ставших «одним из выдающихся боевых органов на фронте пропаганды». Позднее был учрежден Комитет кинофильм и радиотелеграфа¹⁰.

Во Франции вопросами военной пропаганды занимались Дворец печати, секция пропаганды и цензура. По мнению генерала Серрени, высказанного в книге «Размышления о военном искусстве» (1924) им не хватало согласованности действий, «регламентации, в особенности в области военных вопросов». Генерал

пришел к выводу о необходимости создания министерства патриотического действия¹¹.

США вступили в войну лишь в 1917 г., но американские боевые действия опережала информационная война, которую с успехом вело правительство В. Вильсона, выступившего с инициативой новационной для своего времени идеей «глобальной перестройки» мира — программой «14 пунктов Вильсона». Она была, как говорится в послании президента Конгрессу США 8 января 1918 г., «единственно возможной программой мирного урегулирования»¹². Эта программа была основана, по определению исследователей, «на принципах либерально-демократического интернационализма»¹³. На практике предполагалась цивилизующая миссия США, построение такого миропорядка, при котором решающий голос должен был принадлежать США. В годы Первой мировой войны для проведения политики всеобщей американизации, выраженной в общечеловеческой миссии США, президент впервые в истории страны учредил специализированный правительственный орган — Комитет общественной информации (Си-пи-ай — Committee on Public Information, CPI). Чтобы дать представление о том, чем он практически занимался, приведем небольшую справку по книге руководителя Комитета Дж. Крила «Как мы рекламировали Америку».

Комитет провел 45 военных совещаний. Во все страны мира были направлены миссии, чтобы контролировать американскую пропаганду на месте. Комитет имел собственную службу информации. При помощи штатных сотрудников и нескольких сот добровольных помощников он снабжал многочисленными статьями американскую и иностранную прессу; издавал ежедневную газету, 100 000 экземпляров которой расходилось по официальным учреждениям. Специально выпускался материал для деревенской, рабочей, религиозной печати, для женских журналов. Был налажен выпуск «кинематографических картин» («Крестоносцы Першинга», «Ответ Америки», «Под четырьмя флагами» и др.), пользовавшихся большим коммерческим успехом в Америке и за границей, где они «производили желательное действие».

С помощью воздушных шаров были сброшены над германскими линиями фронта «целые горы листовок». Комитетом было отпечатано 30 разных брошюр на разных языках. 75 млн. этих брошюр было распространено в США и других странах. Были организованы массовые митинги в 5200 городах, на которых выступило 75 000 ораторов-добровольцев, произнесших 755 190 речей. Комитет провел «турне для „синих дьяволов“ (французских солдат), для ветеранов Першинга и для бельгийцев». На ярмарках Комитет организовывал военные выставки, включая «серию межсоюзнических». Пропагандистские материалы, плакаты расклеивались в автобусах, трамваях, на улицах. Были использованы для военной рекламы и оконных плакатов 1438 рисунков, созданных добровольными художниками.

«Вся организация, — педантично отчитывался Дж. Крил, — стоила плательщикам налога 4 912 533 доллара, а сама она заработала 2 825 670 долларов 23 цента, которые были израсходованы на нее же»¹⁴.

Книга Дж. Крила показывает целеустремленность, всеохватность, комплексность, разносторонность американской пропаганды тех лет. С помощью массовых коммуникаций, включая новейшие информационные технологии, такие как синематограф, радиотелеграф, ею были охвачены все слои общества США и многих стран мира. Критичный анализ деятельности Си-пи-ай рядом ученых показал ее манипулятивную сущность, «преувеличение и искажение фактов», «величайший обман, спекулятивно именуемый СРІ патриотизмом и верой в правое дело». Американский исследователь П. Одгард пришел к выводу, имея в виду тот же опыт, что «правда во время войны была распята». После того как через 20 лет случайно были обнаружены архивы Комитета общественной безопасности, эта манипулятивная сторона его функционирования была раскрыта всесторонне и полно в 1939 г. в книге историков С. Ларсона и Дж. Мока «Слова, которые выиграли войну»¹⁵.

«Пропаганда, подобно бомбам, обрушивалась на боевые зоны, на неукрепленные города и будила миллионы умов, — замечал американский писатель Р. Роуан. — Артиллерия требовала сна-

рядов, пропаганда — бумаги и чернил. Пропаганда велась посредством рисунков, пьес и песен для тех, кто предпочитал слушать, а не думать. За пять лет — с 1915 по 1920 г. — пропаганда превзошла все выдумки, какие когда-либо преподносились избирателям или восставшим массам»¹⁶.

Информационная война не застала врасплох службы безопасности России. К этому времени власти страны вполне осознавали важность и необходимость пропагандистской и контрпропагандистской деятельности; они рассматривали журналистику как влиятельную силу, инструмент управления обществом. Совет Министров за годы войны на контрпропаганду потратил около 1 млн. рублей. 14 августа 1914 г. Совет министров принял Положение об осуществлении мероприятий по распространению в нейтральных государствах «истинных и благоприятных известий о России и действиях нашей армии»¹⁷.

Организацией контрпропаганды занималось Министерство иностранных дел. В августе 1914 г. при нем было создано Международное совещание по выработке мер для борьбы негласным путем против распространения за границей вредных для наших государственных интересов ложных сведений о России и русской армии. Оно состояло из представителей МИДа, Военного и Морского министерств, Главного управления по делам печати при МВД, Министерства финансов, Петроградского телеграфного агентства (ПТА). В его задачи входило:

- определение направлений контрпропагандистской деятельности (предполагалось сосредоточить ее в Стокгольме, Христиании, Копенгагене, Берне, Бухаресте, Риме, Вашингтоне и Гааге;
- обеспечение использования заграничной печати в пользу России;
- привлечение к этому за денежное вознаграждение иностранных журналистов¹⁸.

В структуре МИДа был Отдел печати и осведомления. Его сотрудники готовили обзоры печати, а также информационную продукцию, рассчитанную на население нейтральных стран с целью создания у него благоприятного мнения о России. С манифестами, воззваниями, листовками к народам Австро-Венгрии

и Польши обратились Верховный главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич и военное командование России. В них обещались «свобода, справедливость и возрождение», «свобода веры и языка», предлагалось встать на сторону России, разоблачалась захватническая политика Германии — ее вековая традиция «Drang nach Osten». В листовках, обращенных к славянам, русские воины преподносились как освободители от тевтонского ига. Они распространялись довольно большими тиражами на польском, чешском, сербском, словацком, словинском, румынском языках. Всего было подготовлено более 40 листовок, в 1915 г. они были отпечатаны тиражом более 100 тыс. экземпляров. Кроме того, во время войны был налажен выпуск газет «Прикарпатская Русь» и «Голос народа» (тираж 30 тыс. экз.). Особое значение в контрпропаганде имела газета «Temps», субсидированная Министерством финансов России¹⁹.

Всю пропагандистскую деятельность координировала Ставка Верховного главнокомандующего в лице начальника Генштаба генерала Н. Н. Янушкевича. При Генеральном штабе был Отдел генерал-квартирмейстера (Огенквар), который распространял полученные из Ставки сведения о ходе военных действий и «боевые эпизоды» как в России, так и за границей. При этом высказывались рекомендации о «нежелательном толковании военных вопросов, связанных с упомянутыми данными. По мнению полковника Огенквара А. М. Мочульского, такое толкование всегда может иметь место в печати даже при наличии военной цензуры. Здесь же «по соглашению с министерством иностранных дел» составлялись и редактировались с военной точки зрения неофициальные брошюры «для распространения в нейтральных государствах с целью поднять интерес к России в общественном мнении и сообщить благоприятные для нас военно-политические и экономические данные в противовес распускаемой нашими врагами лжи»²⁰.

Сотрудники Огенквара готовили «Вестник Генерального штаба», передававшийся через ПТА. В августе 1915 г. при Ставке было открыто собственное телеграфное агентство «Nord-Sude». Находилось оно в Петрограде, сначала распространяло информа-

цию на Скандинавию, Балканы, Румынию, а затем и на Швейцарию. Под руководством В. П. Залесского его сотрудники готовили на основе сведений из газет и материалов отдела бюллетени²¹. Особое IV делопроизводство Огенквара во главе с генералом Н. М. Потаповым занималось организацией контрпропаганды на Австро-Венгрию²².

На внешнеполитическом уровне информационную разведку и контрпропаганду вели специальные подразделения: разведотделение Управления Генерального штаба, военно-цензурное отделение при Ставке Верховного главнокомандующего и др. Разведотделение, как свидетельствует переписка чиновников, имевших к нему отношение, ставило перед собой задачи:

«удерживать, не останавливаясь перед расходами» и при содействии сторонников союза с Россией независимые органы иностранной печати «от перехода к немцам»;

«помогать отдельным журналистам, которые нам полезны»;

«время от времени субсидировать издание брошюр с целью пропаганды и для поддержания здесь (в нейтральных странах. — Г. Ж.) враждебного австро-германцам настроения»²³.

В переводе с языка дипломатии это означало, что разведотделение в период войны занималось подкупом печати нейтральных стран, с тем чтобы она освещала ход войны в пользу России. Так, в 1915 г. по неполным данным с этой целью иностранным газетам было выплачено 30 000, в 1916 г. на подкуп было ассигновано 100 000 рублей. Одна из бухарестских газет, прознав об этой практике, запросила 3 000 франков и, получив их, перешла от критической информации о России к позитивной²⁴. Была организована подготовка и распространение специальной контрпропагандистской литературы. При вступлении русских войск в Галицинскую Русь для ознакомления офицеров с ее состоянием в штабы была разослана брошюра «Современная Галичина». Знакомство с нею должно было помочь установить отношения армии с местным населением. В ней рекомендовалось опираться на ту его часть, которая сознательно идет навстречу интересам России (члены галицкого Русского народного совета, сторонники Русской народной партии, Русской дружины, часть униатских священников и др.).

В мае 1915 г. была выпущена на шведском языке тиражом 30 000 экземпляров брошюра «Ответ на „Слово предостережения“ Свена Гедина» («Svar pa» «Ett varnin gsord» af Sven Hedin. «Russalard framtrangande till Arlanten och de Rusk-Svenska relationernas tramtid», Ingenior Nikolaj Emelijanoff, 1915). В брошюре объяснялось, что шведы напрасно опасаются возможной агрессии России.

Летом того же года издателю военной литературы В. А. Березовскому была отпущена 1 тыс. рублей для напечатания на немецком языке рассчитанной на население нейтральных стран брошюры «Воюющая Германия». К сентябрю Березовский отпечатал 11 000 экземпляров этой брошюры. Разбросана она была и в Германии²⁵.

Важнейшим звеном пропаганды и контрпропаганды было Петроградское телеграфное агентство. Оно было обеспечено надежными с точки зрения военачальников и профессиональными кадрами, так как состояло из журналистов газет «Нового времени» и «России». По материалам дипломатических представителей России его сотрудники писали телеграммы и распространяли их в нейтральных странах с целью опровержения ложных известий. Основное внимание по установке МИДа ПТА обращало на обеспечение информацией Швеции, Дании, Румынии, Болгарии, с лета 1915 г. — Швейцарии и Голландии. По распоряжению МИДа ПТА посылало официальные и неофициальные сообщения в посольства, миссии, консульства, дипломатические агентства и императорские миссии в Афины, Берн, Бухарест, Каир, Копенгаген, Лондон, Софию, Стокгольм, Христианию, Салоники и др. По поручению Главного управления Генштаба ПТА посылало военные известия и сообщения штабов агентам в Европе, Азии, Америке. Собственной информацией ПТА обеспечивало большинство телеграфных агентств мира²⁶.

Министерство иностранных дел имело в своем распоряжении Балканское телеграфное агентство (БТА), расположенное в Румынии. Им руководил В. М. Богацкий, заведующий политическим отделом «Русского слова» и петроградский корреспондент газет — французской «Temps» и голландской «De Telegraf». БТА в

качестве абонентов имело почти всю французскую прессу — около 80 парижских и провинциальных газет. Через Париж информация БТА попадала в печать на Балканы²⁷.

Особое внимание на пропаганду с самого начала войны было обращено и противостоящей стороной военного конфликта — Германией. Недаром немецкий ученый Эдгар Штерн-Руберт 1922 г. признал пропаганду тем «орудием, которым победили Германию», но одновременно он пророчил: это орудие «осталось за нами, орудие, которое завоюет нам вновь подъем»²⁸. Его слова перекликаются с текстом плаката, который занимал почти всю стену зала, где проходил Нюрнбергский съезд фашистской партии Германии: «Пропаганда помогла прийти нам к власти, пропаганда поможет нам завоевать мир».

Поражение в войне заставило немецких ученых основательно проанализировать его причины. При этом тщательно изучался пропагандистский опыт тех лет. В 1917 г. в Мюнхене Е. Бухнером были изданы в 10 томах документы войны «Мировая война 1914 г. в отражении печати». В 1922 г. вышли книги: в Берлине — Эдгара Штерн-Руберта «Пропаганда как орудие политики», в Бремене — проф. И. Планге «Немецкая пропаганда. Учение о пропаганде как практической общественной науке». В 1924 и 1926 гг. в Берлине и Лейпциге вышла в свет книга Ф. Шенемана «Искусство воздействия на массы в Соединенных штатах Северной Америки»²⁹.

Д-р Э. Штерн-Руберт в своей книге представил основные методы и формы пропаганды, использовавшиеся в ходе Первой мировой войны: печать в виде брошюр, листовок, стенных плакатов; лозунги, поставленные ученым на первое место в числе «основных методов пропаганды», так как они «легко автоматически распространяются все дальше и благодаря многократному повторению запоминаются массами как аксиомы»; «символы, которые становятся национальными как признак известного политического движения и, в связи с другими средствами воздействия, вербуют делу сторонников»; специальная литература, которая, будучи широко распространена, заставляет целые народы свыкаться с желаемым внушением об опасности данного поло-

жения, о необходимости переворота и т. д.»; музыка, воздействуя еще сильнее, «одушевляет и облегчает восприятие лозунгов»; сказки, басни и т. п., рассчитанные на веру и суеверия; искусство создания мучеников, национальных святых; наконец, еще более действенное средство — кино³⁰.

Практика манипулирования общественным мнением журналистикой осознавалась уже в годы войны теми, кто занимался в той или иной степени пропагандой и участвовал в ней. Один из лидеров большевиков Г. Е. Зиновьев приводит в своих сочинениях остроумное обобщение этого опыта международными пацифистами Франции, Германии и других стран в газете «La voix de l'Humanite» от 15 января 1916 г. Специально цитирую большой фрагмент — столь он красноречив и актуален по своему содержанию до сих пор³¹.

«Каждое воюющее государство утверждает:

- 1) что оно ведет оборонительную войну и борется за справедливое дело;
- 2) что оно ведет борьбу за свободу и цивилизацию всех народов;
- 3) что оно добивается только прочного мира;
- 4) что оно напряжет все силы и будет бороться, пока противник не будет окончательно низвергнут;
- 5) что в его окончательной победе не может быть никакого сомнения;
- 6) что оно всегда победоносно идет вперед и несет только незначительные потери;
- 7) что бомбы его летчиков попадают только в военные учреждения противников и всегда с большим успехом;
- 8) что его летчики и артиллерия гораздо лучше летчиков и артиллерии противника;
- 9) что оно как раз теперь подготавливает крупные предприятия, которые сулят несомненный успех;
- 10) что великий Бог на его стороне».

Далее следует еще 26 пунктов, касающихся намерений противника:

- 1) что противник хотел войны и давно подготовил ее;

- 2) что противник первый начал войну и напал на нас;
- 3) что противник ведет завоевательную войну и хочет владеть над миром;
- 4) что противник топчет ногами международное право;
- 5) что противник пограл нейтралитет ряда маленьких государств и угрожает нейтралитету других мелких государств;
- 6) что противник ведет войну варварскими приемами;
- 7) что противник употребляет пули «дум-дум»....

И т. д.

Авторы этого реестра манипулятивных тем дают пропагандистам-журналистам ироничный совет: «Буржуазным и социал-шовинистским писакам остается только поставить название одного отечества вместо названия другого отечества, написать слово „Германия“ вместо слова „Россия“ — и дело в шляпе».

Однако манипуляция информацией имела и оправдательный мотив со стороны военных. По их утверждениям, она использовалась с целью дезинформации противника. Служивший в Ставке Верховного главнокомандующего М. К. Лемке, цензор, историк цензуры, публицист и редактор газет, приводит в книге «250 дней в царской ставке» заповеди военного цензора, изложенные в виде наставлений журналистам ответственного офицера, который на практике требовал их осуществления (записаны Лемке дословно):

- начатая нами и не закончившаяся операция по возможности должна обходиться молчанием, чтобы не обнаружить нашего плана;
- разгаданная нами операция врага не должна быть выяснена ему, чтобы обмануть противника своим неведением о замысле;
- всякий наш успех должен быть сообщен вполне;
- всякий наш неуспех в отражении удара — только в общих, неясных выражениях;
- наши потери и неудавшиеся операции и маневры обходить полным молчанием;
- когда мы бьем немцев — писать «германцев», а если австрийцев — противника;
- фамилий нашего командного состава и названий частей не упоминать;

— взятых нами пленных подсчитывать почаще на разные даты, чтобы создавать иллюзию более значительного успеха;

— результаты действия неприятельских аэропланов обходить молчанием»³².

Этот своеобразный кодекс наставлений показывает так называемую военную необходимость манипуляции информацией, уровень достоверности сообщений, поступавших тогда в печать, сложность работы добросовестного журналиста в созданных военачальниками условиях. Но обман и подтасовка фактов в военных целях — дело конкретное. Вероятно, есть смысл дифференцировать манипуляцию на политическую и военную. Именно первая — политическая — получает самое широкое распространение после войны, в будущем, прикрываясь и военной манипуляцией. Исследуя несколько позднее опыт войны, ученые теоретически разработают целый ряд важнейших для пропаганды и журналистики проблем, касающихся общественного мнения, манипулирования им, процесса воздействия на аудиторию, стереотипизации и др.

Всем этим было положено начало массированному манипулированию общественным мнением, характерному для XX столетия. Зафиксированный в воспоминаниях, научных трудах, отчетах и документах опыт Первой мировой войны свидетельствует о том, что она сопровождалась самыми разными средствами воздействия на народы как своей страны, так и противника. Этот опыт первой мировой информационной войны способствовал обогащению арсенала пропаганды XX столетия и обособлению особой манипулятивной функции массовых коммуникаций и журналистики, активной ее эксплуатации для управления обществом, его идеологической, политической и партийной бюрократией. Манипулятивная функция стала профессиональной принадлежностью политики и бизнеса, превратила пропаганду в бизнес. Заинтересованный круг управления обществом прикрывает ее различными «моральными» идеалами и принципами: гуманизмом, всеобщим благом, благотворительностью, гуманитарной помощью, спасением от терроризма и т. д., компрометируя действительно многие позитивные идеи и деяния.

На практике манипулятивная функция журналистики, скромно замалчивавшаяся многими теоретиками, помогла в XX в. становлению диктаторских режимов разных типов (от жесткого, тиранического, до демократического), а также развитию диктаторства нового типа, воплощенного в практике диктаторства США на мировом уровне.

Начало этому было положено Вудро Вильсоном, 28-м президентом США, сумевшим с помощью политтехнологов обернуть в тонкую оболочку нравственности реальные устремления правящей элиты страны. С тех пор под флагом цивилизаторской миссии США ими вырабатываются разнообразные спасительные доктрины, планы помощи разным странам и др.; ведется инициированная США с теми же целями борьба с угрожающим планете терроризмом, адрес которого также определяется США. Такая манипулятивная политика ведущей страны капиталистической демократии препятствует восстановлению политического и правового равновесия на Земле, установившегося в мире уже после Второй мировой войны.

Существенным фактором, который обеспечивал значительное распространение использования этой манипулятивной функции массовых коммуникаций в ходе Первой мировой войны и способствовал изменению парадигмы журналистики XX в., стало расширение к этому историческому периоду числа информационных носителей благодаря появлению синематографа, радиотелеграфа, передачи звучащей информации разными техническими средствами (граммофон, пластинки и др.). Этим было положено начало превращению журналистики в систему средств массовой информации (СМИ) или массовых коммуникаций (СМК) 33. Особое значение при этом имело развитие близкого к потребностям массовой аудитории изобразительного ряда информации, обогащение информационного процесса появлением в 1895 г. синематографа, бурное развитие которого в начале XX в. предоставило новые возможности для манипулирования общественным мнением и для воздействия на общественное сознание.

Кино тогда воспринималось массовой аудиторией и как чудо, и как документ, фиксирующий реальное событие: выход царя

на красное крыльцо, танец балерины, стрельба из пушки, трупы противника, обед солдат и т. д. Сначала общественное значение получило именно документальное кино. В годы войны растет киносет, число фирм, выпускающих фильмы, увеличивается производство кинокартин, посещаемость кинотеатров, кинематограф обретает характер массовой коммуникации. На 1916 г. в стране было более 1500 кинематографов, в том числе в Петрограде 134, в Москве — 107. Первый русский кинооператор и фабрикант А. О. Дранков в 1914 г. выпустил до 80 картин. Особое место в кинопроизводстве заняло самое крупное в России акционерное общество по производству хроникальных, научно-популярных, игровых и мультипликационных картин — фирма А. А. Ханжонкова (1877–1945). Основной капитал фирмы в 1916 г. доходил почти до 2 млн. рублей, общий оборот кассы составил свыше 3 млн., объем производства кинофабрики — более 3 млн. метров картин. В 1916 г. фирма выпустила 99 игровых фильмов³⁴.

Одной из важнейших составных успеха кино в тех условиях была актуализация его репертуара, который был военизирован: документально и образно показывалось то, что происходило на фронте, был налажен выпуск хроникальных и событийных фильмов о боевых действиях армии, о подвигах ее героев. Выходили тогда и художественные картины, непосредственно отражавшие войну и имевшие тоже пропагандистский, политизированный характер: «Под грохот пушек», «Беженцы», «Дочь истерзанной Польши», «Умер, бедняга, в больнице военной», «Кровавый Восток» и др. В них описывались страдания, разлуки, зверства, насилия, любовь и дружба, взаимопомощь. Нередко такие фильмы использовали приемы детектива, боевика; имели сенсационный, мистический и порнографический элементы³⁵.

Воздействие синематографа на информационный процесс общества имело последствием усиленное развитие изобразительной информации вообще и фотоинформации в частности. Содержание журналистики включило в себя фотоинформацию как обязательный компонент. Газеты и массовые тонкие журналы («Нива», «Огонек», «Искры», «Солнце России» и др.) переключились на военную фотоинформацию, стали использовать ре-

портретную фотографию и жанр фоторепортажа. Фотолетопись военных событий — итог труда корреспондентов — впечатляет: опись фотоснимков и зарисовок, произведенных на фронтах войны за 1914–1916 гг., занимает 56 листов³⁶. Впервые изобразительная информация в журналистике была столь представительной. Профессия фотожурналиста, фоторепортера, фотопортретиста становится в полном смысле узаконенной. Она была вписана в штатное расписание редакций, а главное — в официальный документ — Положение о военных корреспондентах в военное время.

Создавшиеся условия привели к важным типологическим и содержательным изменениям в иллюстрированной журналистике:

— увеличивается объем фотоинформации и расширяется ее диапазон;

выходит в свет большое число новых иллюстрированных приложений к журналам и газетам; развивается новый тип издания для журналистской практики — фотоальбом, приспособленный к массовому спросу; налаживается массовое производство фотоизоткрыток;

— жанровая палитра фотоинформации обогащается: появляются целые портретные галереи героев войны и фоторепортаж;

— в журналистику по призыву редакций вливается значительный отряд энтузиастов-фотолюбителей.

В меньшей степени на общество тех лет оказывало влияние радио, но оно имело огромное значение в военном смысле, поэтому радиосвязь получает мощное развитие, чем закладывается база будущего радиовещания. Радиотелеграф нес самую оперативную информацию. На практике уже тогда стал применяться радиоперехват.

Конечно, основную роль в обществе по-прежнему играла печать, мобилизованная на обслуживание войны. Главное внимание уделялось мобильным, оперативным и массовым типам изданий — листкам, бюллетеням, листовкам, плакатам и др.

Таким образом, в этот исторический период впервые стала функционировать система журналистики как система массовых коммуникаций, средств массовой информации. Вместе со становлением системы СМИ журналистика стала обретать новые каче-

ства. В ней происходило взаимообогащение одного СМИ опытом другого, их взаимовлияние. Наконец, их синтез в воздействии на аудиторию повышал эффективность пропаганды.

Мировой кризис 1914–1920 гг., приведший в движение гигантские массы людей, обогатил управление обществом пониманием журналистики не только как рыночного продукта, но и как средства управления и манипулирования общественным мнением, воздействия на общественное сознание. Журналистика окончательно отделяется от литературного процесса, самоопределяется и начинает становиться целостной системой массовых коммуникаций.

Примечания

¹ Лайнбарджер П. М. Э. Психологическая война: теория обработки массового сознания / пер. с англ. Е. В. Ламановой. М., 2013. С. 98.

² См. об этом: Жирков Г. В. Золотой век русской журналистики России: история русской журналистики 1900–1914 гг.: учеб. пособие. СПб., 2011. С. 30–54, 170–225.

³ Creel G. How we advertized America: The First Telling of the Amazing Story of the Committee on Public Information that Carried the Gospel of Americanism to Every Corner of the Globe. New York, 1920; Nicolai W. Nachrichtendienst, Presse und Volksstimmung im Weltkrieg. Berlin, 1920; Потапов Н. М. Печать и война. М.; Л., 1926; Блументаль Ф. Буржуазная политработа в мировую войну 1914–1918 гг.: обработка общественного мнения. М.; Л., 1928 (в этой книге по ее теме приведен большой список литературы, вышедшей на немецком языке); Lasswell H. Propaganda Technique in World War. New York, 1927; Demartial, Georges. La Guerre de 1914: comment on mobilisa les consciences. Paris, 1922; Demartial, Georges. La Guerre de 1914: comment on mobilisa les consciences. Paris, 1922, и др.

⁴ Lippmann W. 1) Liberty and News. New York, 1920; 2) Public Opinion. New York; London, 1922.

⁵ См.: Жирков Г. В. Эпоха Петра Великого — основание русской журналистики. СПб., 2003.

⁶ Цит. по: Бережной А. Ф. Русская легальная печать в годы первой мировой войны. Л., 1975. С. 17.

⁷ Потапов Н. М. Указ. соч. С. 9; Nicolai W. Op. cit.

⁸ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. 1914–1918 годы: в 2 т. Т. 1. Пг., 1924. С. 306; Ludendorff, general. Menn Erinnerungen. Berlin, 1919.

⁹ Потапов Н. М. Указ. соч. С. 37–38.

¹⁰ Ласвель, Гарольд. Техника пропаганды в мировой войне / пер. с англ. Н. М. Потапова. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. С. 35.

¹¹ Блументаль Ф. Буржуазная политработа в мировую войну 1914–1918 гг.: Обработка общественного мнения. М., Л., 1928. С. 28, 30.

- ¹² Дююи, Эрнест Р., Дююи, Тревор Н. Всемирная история войн: Харперская энциклопедия военной истории. Кн. 3. 1800–1925 г. СПб.; М., 1998. С. 914–915.
- ¹³ Привалова Е. А. Становление идеологической стратегии США на международной арене: Комитет общественной информации и его пропагандистская деятельность в России (1917–1920 гг.): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. С. 4; подр. см.: Привалова Е. А. «Русский эксперимент»: Комитет общественной информации и внешняя политика США (1917–1920 гг.). М., 2006.
- ¹⁴ Creel G. How we advertized America. — См. также: Ласвель, Гарольд. Указ соч. С. 179.
- ¹⁵ Hamlin Ch. War Myth in United Stated History. New York, 1927. P. 338; Odegard P. An American Public Mind. New York, 1930. P. 338; Mock J. R., Larson C. Words that Won the War: The Story of the Committee on Public Information. 1917–1919. Princeton, 1939; обзор этой литературы см.: Привалова Е. А. Становление идеологической стратегии США... С. 17–18.
- ¹⁶ Роуан Р. Разведка и контрразведка. М., 1937. С. 61.
- ¹⁷ Асташов А. Б. Пропаганда на русском фронте в годы Первой мировой войны. М.: Спецкнига, 2012. С. 55, 45.
- ¹⁸ Там же. С. 44.
- ¹⁹ Там же. С. 16–17, 48.
- ²⁰ См. подр.: Лемке М. 250 дней в царской ставке 1916. Минск, 2003. С. 29–140; Волковский Н. Л. История информационных войн: в 2 ч. Ч. 2. СПб., 2003. С. 3–128; Жирков Г. В. От «народной» войны к народной трагедии: история русской журналистики 1914–1917 годов: учеб. пособие. СПб., 2012. С. 23–34.
- ²¹ Асташов А. Б. Указ. соч. С. 50–51.
- ²² См.: Лазаревский В. Россия и чехословацкое возрождение: очерк чешско-русских отношений 1914–1918 гг. Париж, 1927; Драгомирецкий В. С. Чехословаки в России. 1914–1920. Париж; Прага, 1928.
- ²³ Лемке М. Указ. соч. С. 667.
- ²⁴ Там же. С. 409, 415.
- ²⁵ Там же. С. 263–264, 225.
- ²⁶ Асташов А. Б. Указ. соч. С. 47.
- ²⁷ Там же. С. 48.
- ²⁸ Чит. по: Блументаль Ф. Указ. соч. С. 15.
- ²⁹ Обзор этой литературы см.: Там же.
- ³⁰ Там же. С. 21.
- ³¹ Зиновьев Г. Е. Сочинения. Т. VIII. М.; Л., 1926. С. 206–208.
- ³² Лемке М. К. Указ. соч. С. 65.
- ³³ См.: Жирков Г. В. Первая мировая война и становление системы СМИ // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: матер. 53-й междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2014. С. 18–23.
- ³⁴ Мильникова В. История издания одной книги (переписка А. А. Ханжонкова с В. Е. Вишневым) // Минувшее: ист. альманах. Вып. 10. М., 1992. С. 415.
- ³⁵ Зоркая Н. М. У истоков массового искусства в России 1900–1910 годов. М., 1976. С. 230–233.

³⁶ Смородина В. А. Русский военный фоторепортаж на фронтах Первой мировой: особенности развития и персоналии // Последняя война императорской России: сб. статей. М., 2002. С. 134.

G. V. Girkov

St Petersburg State University

WORLD WAR I AND THE TRANSFORMATION OF JORNALISTIC PARADIGM

The article analyses the problem of the transformation of journalism during the information's service of World War I. It influenced the development of manipulation's journalistic function and its new paradigm.

Keywords: World War, journalistic paradigm, manipulation.

С. Н. Ильченко

С.-Петербургский государственный университет

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА НА РОССИЙСКОМ ТЕЛЕЭКРАНЕ: ИЛЛЮЗИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ?

В статье рассматривается тема Первой мировой войны в интерпретации российского телевидения. Анализ производится на примере вышедших в эфир проектов 2014 г.

Ключевые слова: Первая мировая война, телевидение, документальная хроника, история, достоверность.

Ключевое событие в истории XX в. сегодня справедливо называют Великой войной. В контексте нынешних обострившихся противоречий на международной арене многие ее события, сам

© С. Н. Ильченко, 2015

их ход, а главное, итоги заставляют все заинтересованные стороны, в том числе и Россию, обращаться к пристальному изучению произошедшего век назад. И отечественное телевидение в этом аспекте проявляет вполне понятную активность. Наглядность и априорная доверительность, которые ощущает зрительская аудитория, позволяют творцам экранных версий исторических событий решать собственные творческие задачи при их создании. Но на этом пути неожиданно обнаруживаются проблемы, которые присущи как самому телевидению в целом, так и формату историко-документального телекино в целом. О них и пойдет речь в данной статье.

Пристальный взгляд на российский эфирный контент обнаруживает любопытную закономерность. Прежде всего лидерство государственных и федеральных телеканалов. Первым стартовал в тематической гонке к 100-летию начала Первой мировой войны канал «Звезда», который загодя, еще в 2013 г. подготовил к эфиру документальный фильм из шести серий под «говорящим» названием — «Забывтая война». Оно, собственно, и определило практически на ближайшие сезоны доминирующие подходы к решению столь сложной темы.

Далее на тематическое поле вступил главный государственный канал «Россия-1», продюсеры и режиссеры которого существенно разнообразили форматную и жанровую палитру серии документальных телефильмов, выпущенных в эфир задолго до самой даты. Сначала состоялась премьера проекта под общим названием «Тайны Первой мировой» (режиссер — Денис Шулепов). В него вошли три разных фильма: «Фронт русский, фронт французский», «Друзья-враги», «Голгофа Российской империи». Основными креативными приемами стали: монтаж кадров хроники, закадровый комментарий, анимация карт военных сражений, персональная презентация исторических фигур (в основном военачальников). Присутствуют эксперты-комментаторы, которые в кадре делятся своими размышлениями о событиях столетней давности. Словом, был мобилизован максимум выразительных возможностей современного телеэкрана, чтобы превратить «дела давно минувших дней» в зрелище, способное, с

одной стороны, удержать зрителей у экранов, а с другой — чтобы у тех же самых зрителей сформировать более или менее внятное представление о ходе той самой войны.

Как элемент «оживляжа» историко-документального массива сведений, имен и цифр, создатели цикла использовали прием инсценизации иных типичных ситуаций, о которых идет речь в закадровом тексте. Его, естественно, как всегда выразительно и «со значением», читал вечный диктор отечественного заэкранья Сергей Чонишвили. Создатели еще одной теледокументальной вариации на тему Великой войны — авторы двухсерийного фильма «Первая мировая. Самоубийство Европы» (канал «Россия-1») пошли еще дальше: присутствие игровых эпизодов с участием актеров стало основным структурообразующим принципом организации материала. Конечно, в сем проекте не обошлось без «самого» Федора Сергеевича Бондарчука, который появляется в кадре с комментариями к демонстрируемыми событиями. Младший сын великого отца щегольски выглядывает в офицерском мундире начала прошлого века и в меру искренне произносит сочиненный для него текст. Но как-то не очень верится «офицеру» Бондарчуку. Иногда складывается впечатление, что он только перед съемками узнал о том, что была в истории такая странная и страшная война. А посему некий налет научного популяризаторства с легким привкусом бульварщины не позволяет воспринять увиденное как попытку объективного рассказа о той самой войне, которая изменила мир.

В том же холдинге ВГТРК продюсеры пошли иным путем, сосредоточившись на частностях в хронике войны. Точнее сказать, на судьбах отдельных ее участников. Цикл назван «На разломе эпох» и вызывает любопытство попыткой дать портрет времени через судьбу отдельного человека. Как, например, это произошло в документальном телефильме «Письма поручика Герасимова». И здесь же частная жизнь двух императоров — Вильгельма Второго и Николая Второго — оказалась ключом к попытке понимания того, почему два близких родственника и царствующих друга не смогли предотвратить втягивание своих стран в мировую

бойню. Фильм назывался «Вилли и Ники» (режиссер — Сергей Босенко) и воскресил в памяти давно забытые принципы телевизионного театра, когда переписку героев озвучивали в кадре Виктор Сухоруков и Константин Лавроненко. Авторы проекта оставили вопрос без ответа и, наверное, такое решение финала было искренним и справедливым, так как до сих пор у большинства историков нет четкого ответа на вопрос: зачем России была нужна эта война?

Не был получен ответ на этот вопрос и в авторской программе Феликса Разумовского «Кто мы?», в которой, на наш взгляд, излишне много размышлений вслух, слишком много фактов и ненужной информации и слишком мало «картинок», которые могли бы сделать наглядной звучащие пассажи и проиллюстрировать умные мысли ведущего. Традиционное же нахождение и хождение господина Разумовского в кадре не придавали программе динамики. Тем более, что в эфир она выходила раз в неделю. И зрители легко теряли нить мысли.

В этом смысле в документальном цикле Первого канала «Первая мировая» (режиссеры Андрей Верещагин, Алексей Федоров) принцип постоянного присутствия фильма в эфире был выдержан неукоснительно. Два «залпа» по четыре серии (по одной серии в каждый рабочий день) в немалой степени способствовали тому, что при всех издержках цикл оставляет целостное впечатление. Впрочем, здесь на протяжении восьми серий мы также видим подробный и наглядный рассказ со множеством справок и инфографики, который является по сути изложением хроники военных действий с презентацией отдельных ярких участников событий. По сути, авторы цикла повторили приемы своих коллег с канала «Россия-1», чуть ранее успевших выйти в эфир. Разыгрывание отдельных эпизодов артистами выглядит излишне нарочитым иллюстративным приемом, но помогает избежать однообразия и монотонности. Однако был найден и рядовой герой из окопа. Им стал солдат Родион Малиновский — будущий министр обороны СССР, реальный участник той самой войны. Правда, авторы сериала как-то обошли стороной слишком юный возраст своего героя во время войны.

Опора на присутствие сквозной фигуры комментатора или героя в современных историко-документальных телесериалах понятна с точки зрения драматургии. Они представляют собою тот фактор зрелищности, который может удержать аудиторию у экранов. Ведь большинство из реальных исторических имен (прежде всего со стороны России) доселе были не очень известны широкой публике. Советская историография предпочитала их замалчивать, и их присутствие в робких попытках осмыслить Первую мировую в документальном кино было невозможно по идеологическим соображениям. Ведь подавляющее большинство из них во время Гражданской войны стали активными борцами против Советской власти на стороне Белого движения.

Цикл Первого канала породил одно из главных печальных наблюдений над телепродукцией, посвященной Первой мировой. Оно связано с вольным использованием документальных кадров исторической кинохроники. Неадекватность явления тех или иных ее фрагментов событиям и ситуации, которые они призваны документировать, еще можно как-то простить в силу возможной «ненасмотренности» нашей зрительской аудитории. Но когда в цикле для иллюстрации закадрового текста о возникших в России во время Первой мировой войны перебоях с хлебным снабжением используются хорошо известные кадры блокадной кинохроники времен Великой Отечественной, то и без того зыбкое доверие к демонстрируемому на экране рушится бесповоротно. И никакие игровые эпизоды и оживающие изображения стрел главных ударов на карте уже не спасают положения. Доверие к документальной основе теряется раз и навсегда.

Среди явных проблем с использованием исторической кинохроники выделим также повторное и многократное использование одних и тех же эпизодов и кадров, «иллюстрирующих» совершенно разные события войны. Технология приема проста: изображение просто-напросто зеркально переворачивается. И тогда солдаты, которые в кадре бежали в атаку справа налево, в другом эпизоде с использованием тех же кадров кинохроники бегут в атаку в противоположном направлении — слева направо. Кро-

ме того, ввиду явного недостатка исходного первичного кинохроникального материала, авторы теледокументальных сериалов включают в монтажный ряд ранее известные кадры, снятые в ту же историческую эпоху но в совершенно иных обстоятельствах. В частности, были использованы кадры из игрового (!) фильма Сергея Эйзенштейна «Октябрь» (1927), посвященного революционным событиям 1917 г. в Петрограде. Подобные приемы давно известны в практике создания документального кино. Более полувека назад американский историк кино Джей Лейда указывал на цель использования подобных творческих решений: «Любыми средствами заставить зрителей воспринимать знакомые кинокадры так, словно они видят их впервые, умение придать этим старым кадрам более широкое звучание — это и есть подлинное назначение и критерий качества историко-документальных лент»¹.

Подобные приемы «оживления» теледокументалистики можно обнаружить в экранной продукции канала НТВ, который предложил собственный документальный на юбилейную тему цикл. Стоит обратить внимание на его название — «Великая война. Власть империй», сразу указующее на главных виновников мировой бойни. Приемы повествования здесь те же: перемотированная хроника, закадровые комментарии, анимация схем и карт, наличие экспертов из стран-участниц войны и, наконец, ведущий, посещающий места сражений. Эту роль создатели цикла доверили Владимиру Гостюхину. И он выглядит в кадре более естественно, чем рядящийся в мундир Бондарчук-младший. Схожие приемы применила и автор фильма «Первая мировая. Неизвестная война» Елена Романова, которая не только доверилась экспертам и пафосному закадровому тексту в исполнении петербургских актеров, но еще и мудро привлекла в качестве иллюстраций кадры из знаменитых советских фильмов, так или иначе связанных с описываемой эпохой. В этом ряду оказались «Хождение по мукам» (кино- и телевариант), «Бег», «Агония».

Если суммировать впечатления от увиденного на телеэкране по поводу Первой мировой, то стоит признать, что отечественные

деятели самого могущественного и наглядного СМИ весьма осторожно вводили и вводят аудиторию в ту далекую эпоху. При этом иногда хорошо забытое старое оказывается эффективнее и эмоциональнее по воздействию, чем отснятые заново документальные фильмы. Нашел же канал «Россия-К» небанальный ход, показав в юбилейные дни экранизацию романа Ремарка «На Западном фронте без перемен», поставленную режиссером Льюисом Майлстоуном в 1930 г. И если поскрести по нашим культурным сусекам, то мы обнаружим многое, чтобы еще могло рассказать о той эпохе, начиная от эпохального «Тихого Дона» и заканчивая фильмом «Ленин в Польше», не говоря уже о «Городах и годах» и даже «Моонзунде».

Нынешний всплеск телеинтереса к Первой мировой войне не только дань трагическому юбилею, но и начало более обстоятельного рассказа и анализа тех четырех лет, которые изменили мир. А их осмысление необходимо. В одном из фильмов об этой войне приведены точные слова Александра Солженицына: «Самым неосмысленным безумием XX века, была, несомненно, Первая мировая война».

Примечание

¹ Лейда, Джей. Из фильмов — фильмы / пер. с англ. Д. Ф. Соколовой. М.: Искусство, 1966. С. 64.

S. N. Ilchenko

St Petersburg State University

THE FIRST WORLD WAR AT RUSSIAN TV: THE ILLUSION OF VALIDITY?

The article is focused on the theme — The First World War at Russian TV. Analysis based on the tv-projects which had been on air in 2014.

Keywords: The First World War, TV, documentary chronicles, history, validity.

А. А. Киселева, Г. И. Щербакова

Тольяттинский государственный университет

ФОТОГРАФИЯ КАК ЛЕТОПИСЬ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье исследуется история использования фотографии в газетах времен первой мировой войны; выявлено изменение характера применения фотографии: сначала она выступала как служебный элемент, иллюстрирующий текст статьи, затем стала приобретать более самостоятельное значение, в связи с чем повысилась ее информативность и экспрессивность.

Ключевые слова: документальность фотоматериалов, совершенствование фототехники, мастерство фоторепортеров.

Начальный период Первой мировой войны в России был озаглавлен патриотическим подъемом, который отражен в Высочайшем манифесте о войне с Германией. В нем Россия представляла как страна-освободительница: «Россия, единая по вере и крови со славянскими народами никогда не взирала на их судьбу безучастно», — говорилось в манифесте¹. Главная тенденция в фотоиллюстрациях начала Первой мировой войны — тенденция единения: война должна стимулировать объединение всех слоев русского общества перед лицом общей опасности. Не менее важной была необходимость в объединении царя и народа, которое было сильно подорвано событиями первой русской революции 1905 г.

Настроения начала войны отразились в визуальном материале иллюстрированных еженедельников: в июле — августе 1914 г. на страницах периодики появилось большое количество снимков манифестаций. Эти фотографии являют собой документы проявления как патриотического, так и монархического чувства. Здесь нет крупных планов, интересных ракурсов, психологических сюжетов; вот почему фотоизображения иногда сливаются

ся в единую, но впечатляющую панорамную картину: читатель видит многотысячные толпы народа, приветствующего начало войны. Сопутствующий текст подчеркивает патриотический характер фотографий. Так, снимок А. Савельева «Народное моление и манифестация в Москве, у памятника Минину и Пожарскому» (Нива. 1914. № 32) сопровождала статья под значимым названием «Единение царя с народом». В тексте, описывающем встречу императора с представителями государственной Думы и государственного Совета 28 июля 1914 г., неоднократно подчеркивалась тема единения. «Торжественность, величие переживаемого передалось настроению всех; все чувствовали себя не только членами одной палаты, но и членами одной народной семьи перед лицом призвавшего их царя» (Там же. С. 639). Много фотографий было посвящено дню объявления манифеста 20 июля 1914 г. В основном это снимки, запечатлевшие манифестацию на Дворцовой площади. Выход Императора на балкон — этот снимок К. К. Буллы появился во многих иллюстрированных журналах. Вот как описывает эту сцену очевидец В. Н. Воейков: «Их Величества проследовали на балкон среднего зала запасной половины, выходящей на площадь, на которой от арки Главного штаба до самого дворца было море голов собравшегося народа. При появлении царя все как один человек, сняв шапки, опустились на колени и исполнили гимн, сменившийся криками „ура“». Исходившее от чистой русской души проявление любви и преданности настолько взволновало царскую чету, что у Государя слезы навернулись на глаза, а Государыня еле сдерживала свое волнение»². Эмоциональный настрой, ярко выраженный словесно, пока еще не виден в документальном снимке: Их Величества на балконе — две маленькие фигурки: у перил стоит Николай, за ним Императрица. Снимок вполне обычный, тем не менее ставший популярным. Он появился на страницах «Нивы» (№ 31), «Огонька» (№ 30), «Всемирной нови», «Искр» и др. Эта фотография, как и прочие, запечатлевшие манифестации в Петербурге 20 июля 1914 г., печаталась на открытках, выпускавшихся А. И. Центером, а также в книгах, посвященных событиям Первой мировой войны, например, в книге Д. Н. Дубенского «Его

Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии» (Пг, 1915).

Причина популярности и исторической значимости этого снимка, на наш взгляд, кроется в его документальности. В данном случае ценится содержание фотокадра, то, что он заключает в себе «фрагмент реального события, зафиксированный на пленке и воспроизведенный на снимке»³, причем события, которое вошло в историю народа и государства. На фотографиях начала войны можно рассмотреть надписи на транспарантах и лозунгах в руках собравшегося народа: «Час славянства пробил!», «Все за одного, один за всех!», «Славяне объединяйтесь!», «За Родину!», «Победа России и славянству!», «Живи, Сербия!» В «Ниве» наиболее эмоциональной выглядит фотография, на которой К. Булле удалось запечатлеть динамику действия: в центре композиции хорошо виден чуть склоненный транспарант «Победа России и славянству!», опущены к земле многие флаги. Этому же движению подчинены герои изображения: можно увидеть, как кто-то опустил на колени, кто-то в энтузиазме кричит... Эмоциональный настрой кадру придают зафиксированные фотографом детали происходящего, которые можно рассмотреть благодаря достаточно крупному плану снимка.

Попытку сделать освещение событий более эмоциональным предпринял и «Огонек», публикуя в № 13 за 1914 г. серию фотографий, на которых можно рассмотреть и выражающие восторг лица манифестантов, и офицеров, преклонивших колени на Дворцовой площади. В качестве еще одного примера приведем снимок, появившийся в специализированном журнале «Великая война 1914 года. Художественная летопись войны» (1914. №1), «Патриотические манифестации у Аничкова моста»: с подписью «Манифестанты исполняют «Боже, Царя храни!», где народ, обнажив головы, поет. Замысел остальных фотографий основывался на стремлении подчеркнуть грандиозность и величие происходящего исторического события, поэтому фотографы в основном избирали общие планы. На некоторых снимках изображение подчинено желанию автора вместить в композицию кадра как можно больше действующих лиц, с тем чтобы дать читателю

полное представление о масштабности акции, например, снимки «Народ приветствует царя и царицу», «Петербург. Запасные отправляются на приемный пункт. У здания императорской публичной библиотеки на Невском проспекте», сделанные К. Буллой — чутким фотографом-летописцем (Нива. 1914. № 35).

Популярность фотографий в начале войны объяснялась информационным голодом: в первые месяцы корреспонденты не были допущены на фронт, таким образом, публикации о патриотических манифестациях некоторым образом возмещали недостаток визуальной информации, выполняя при этом пропагандистское назначение, но их функция в структуре «пропагандистского» текста была, скорее, вспомогательной. Фотография выполняла роль свидетельства, предлагая читателю воочию увидеть картину происходящего. При этом часть снимков, из-за того что съемка объектов производилась с верхней точки, позволяла представить себе масштабность событий и почувствовать их размах.

Второй важной задачей фотожурналистики рассматриваемого периода было создание образа героя. По-настоящему легендарной личностью стал Кузьма Крючков, первый Георгиевский кавалер мировой войны. Говорили, что в одном из боев он убил одиннадцать немцев. Популярность его доходила до такой степени, что на фронт, чтобы специально познакомиться с героем, приезжали столичные дамы⁴. Крючков был персонажем театра и кинокартин, однако фотопортреты знаменитого георгиевского кавалера оказались невыразительными. Самым удачным был портрет, опубликованный на обложке «Искр» (1914. № 33), где он предстал бравым молодым красавцем, а сопровождающий текст давал полное описание подвигов героя. На остальных фотографиях, публиковавшихся в иллюстрированных изданиях, Крючков появлялся или в сопровождении других георгиевских кавалеров, или на небольших официозных портретах.

Еще одной попыткой создать образ героя стали публикации, посвященные гибели великого князя Олега Константиновича (1892–1914), четвертого сына великого князя Константина Константиновича (известного литератора и поэта, подписывавшегося псевдонимом К. Р.). Фотографии членов царской семьи, непо-

средственно принимавших участие в военных действиях, часто появлялись в иллюстрированных журналах в 1914–1915 гг., но особое значение пресса придала гибели его высочества великого князя Олега Константиновича

Журналы в октябре 1914 г. опубликовали сообщение штаба Верховного Главнокомандующего о том, что «при следовании застав нашей передовой кавалерии были атакованы и уничтожены германские разъезды. Частью немцы были изрублены, частью взяты в плен, причем доскакавший первым до неприятеля, корнет Его Высочество Князь Олег Константинович ранен легко в ногу навывлет, к сожалению, болезнь раненого осложнилась, и к 1 октября пришло известие о кончине юного князя-героя от полученной им в бою раны». Смерть молодого князя, принимавшего активное участие в боевых действиях и скончавшегося от ран, стала не только общенациональной трагедией, но и своеобразным символом. В 41-м номере «Нивы» печатается некролог, сопровождающийся двумя портретами молодого человека, на которых он изображен в парадном мундире и орденах. В 43-м номере «Нива» отдает целую страницу фоторепортажу о погребении князя Олега Константиновича (опубликовано пять снимков А. Савельева). Фоторепортаж не сопровождался текстом. Снимки небольшого формата и достаточно статичны: в основном на них изображены цветы и венки, покрывающие гроб, а затем могилу великого князя. Схожий репортаж представлял «Огонек» (№ 42), связывая в единый изобразительный ряд фоторассказ о погребении князя Олега со снимком, на котором его высочество разговаривает с крестьянином в селе Осташевском (фотография, правда, очень мелкая, и разглядеть центральный персонаж практически невозможно). Образ Олега Константиновича отчасти воплощал в себе тип героя, который был востребован в те годы. Перед читателем «Нивы» он представлялся, с одной стороны, «светлым витязем», с другой — современником молодых читателей «Нивы», с которого они должны были брать пример. Таким образом, в начале войны его смерть стала своеобразным символом жертвы, принесенной царским домом на алтарь Отечества.

Большое внимание уделялось простым солдатам и офицерам, отличившимся в боевых действиях. Все крупные иллюстрированные еженедельники, особенно общественно-политические, имели специальные рубрики, посвященные павшим и раненым. Впоследствии возникли рубрики, повествующие о георгиевских кавалерах, которые воспринимались народным сознанием как истинно русские богатыри, занимавшие особое место в героической символике дореволюционной России. Практически в каждом номере иллюстрированной прессы («Заря», «Искры», «Огонек» и др.) публиковалось от 30 до 60 маленьких портретов героев. Важно отметить, что публиковались фотографии не только георгиевских кавалеров, но и множества раненых, «портретик» сопровождался минимальной информацией с указанием госпиталя, в котором находится офицер. Нередко о погибших и раненых близких читатель узнавал непосредственно со страниц иллюстрированного журнала. По мнению исследователя истории русской журналистики С. В. Смирнова, подобная публикация списков «новых георгиевских кавалеров» во время русско-японской войны приносила в российскую деревню «траур, горе и слезы»; эти имена не могли воодушевить сельских жителей, «ибо этих имен было в сотни и тысячи раз меньше, чем убитых, раненых, искалеченных, пропавших без вести и попавших в плен»⁵. Несмотря на справедливость данного утверждения, мы считаем, что внимание к памяти георгиевских кавалеров и публикация имен раненых и убитых офицеров были обусловлены тем, что Первая мировая война изначально воспринималась не как некий локальный конфликт: были провозглашены великие освободительные задачи этой войны, чем и было обусловлено желание сохранить подробности военных действий.

По мере трагического развития событий на фронтах менялась тематика фотоизображений: в 1916 г. уменьшается и почти сходит на нет количество фотографий императора, исчезают патетические снимки-символы единения царя и народа, на смену им приходят фотографии из госпиталей с изображением представительниц императорского дома, выполняющих рабо-

ту сестер милосердия. Большинство снимков ограничивалось фиксацией происходящего, не раскрывая психологическое состояние, но были некоторые попытки иного рода: романтический образ Ольги Александровны появился в 19-м номере «Огонька»: грустно-задумчивая девушка запечатлена сидящей на залитом солнцем подоконнике. Однако было бы неверным утверждать, что авторы «Огонька» стремились дать представление только о романтической стороне личности царственной медсестры. Уже на следующей странице мы видим репортаж «В Евгеньевском госпитале Красного Креста имени Ее Императорского высочества великой княгини Ольги Александровны» (четыре снимка), из сюжетов которого становится понятен характер деятельности княгини Ольги. Особенно интересен один из снимков, неслучайно он самый крупный, Ольга Александровна непосредственно принимает участие в перевязке раненого. Эти фотографии сопровождал текст: «Великая княгиня Ольга Александровна с первых дней войны посвятила себя всецело уходу за ранеными. Очень часто ее высочество лично раздевает и оmyвает раненых солдат. Без всякого преувеличения можно сказать, что великая княгиня Ольга Александровна является образцовой сестрой милосердия»⁶. В фотографическом образе княгини Ольги Александровны отразилась еще одна попытка создать визуальный символ единения царской семьи с народом, но уже не в торжестве манифестаций, а в испытаниях болью и страданием.

По мере обострения социальной напряженности из-за затянувшейся войны меняется проблематика фотографий: в 1916 году тема милосердия пополняется новым аспектом: беженцы. Репортажи об их судьбе все чаще появляются на страницах иллюстрированных журналов. Примером может служить фоторепортаж, опубликованный в «Огоньке» (1916. № 9), «На помощь беженцам»: три поэтичных снимка повествуют о доброте русского солдата — например, «Солдат-нянька»; параллельно продолжает развиваться гуманный образ сестры милосердия: на фотографиях запечатлено, как медсестры читают книжку детям-беженцам или собирают для них необходимые вещи. За-

метное изменение за два года войны претерпевает образ врага. Если в начале войны в изображении пленных немцев и австрийцев присутствовал юмор, то в 1916 г. этот образ становится более жестоким и бесчеловечным, о чем говорят снимки военного фотокорреспондента С. Корсакова «Германские разведчики с собаками» и «Германский мародер», на котором мы видим немца, стаскивающего сапоги с трупа. Рядом с образом врага все более часто появляется образ жертвы: на снимке «У тела прапорщика Н. А. Бахмутова» — плачущая женщина склонилась над носилками. Жестокость войны проявилась не только в теме смерти, но и в теме разрушения: например, публиковались фотографии разрушенных памятников архитектуры; печатались иллюстрации уничтожающего действия того или иного оружия. Появилась рубрика «Жертвы немецких зверств», в которой опубликован рассказ о драматической истории управляющего Калишским казначейством П. И. Соколова, отказавшегося выдать немцам казенные деньги и расстрелянного за это. Все газеты, журналы, брошюры поместили на своих страницах эту историю, сопроводив ее фотографиями семьи героя.

Первая мировая война, попавшая в объектив фотоаппарата, произвела изменения в эстетическом сознании, что обусловило не только признание ценности фотографии как документа, но и развитие жанровой системы фотографии. Визуальная информация стала летописью истории.

Примечания

¹ Сборник дипломатических документов. СПб, 1914. С. 51.

² *Войков В. Н.* С царем и без царя: воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995. С. 53.

³ Пондуполо Г. К. Фотография и современность: проблемы теории. М, 1982. С. 50.

⁴ Захарова Л. Дневник сестры милосердия: на передовых позициях. Пг., 1915. С. 147.

⁵ Смирнов С. В. Легальная печать в годы первой русской революции. Л., 1981. С. 26.

⁶ Сострадание: женщины царской фамилии на войне // Родина. 1993. № 8–9. С. 139.

G. I. Shcherbakova
Togliatti State University

PHOTO AS A CHRONIC OF FIRST WORLD WAR

The article deals with the history of the use of pictures in the Russian newspapers during the First World War; revealed the changing nature of application pictures: first, it acted as a utility item, illustrating the text of the article, then, has become more independent, which was manifested in the increase of its informative and expressive role.

Keywords: documentary photographs, improvement of photographic equipment, the skill of the photographers.

О. С. Кругликова
С.-Петербургский государственный университет

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 ГОДОВ НА СТРАНИЦАХ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Журнал Ф. М. Достоевского «Дневник писателя» наиболее ярко отражает его политические взгляды. Тема Русско-турецкой войны доминирует на страницах издания на рубеже 1876–1877 гг. Достоевский отстаивает необходимость этой войны для России, осмысляя ее в контексте идей христианства, гуманизма, духовного возрождения России.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Дневник писателя», Русско-турецкая война.

Говорить о политических взглядах Федора Михайловича Достоевского, несмотря на то что он являлся идейным лидером и духовным ориентиром для целого поколения русской интелли-

генции, всегда довольно трудно. Его философская и политическая концепция выражена преимущественно в художественных произведениях, т. е. выражена опосредованно, через слова, поступки и оценки его героев. Автор крупнейших религиозно-философских романов XIX в., Достоевский практически нигде не излагает свои взгляды от первого лица. Мы можем судить о собственной позиции автора лишь по его отношению к персонажам, являющимся носителями той ли иной системы взглядов, причем отношение его выражено зачастую символично и образно, что приводит иногда к очень специфическим трактовкам его позиции. Отчасти именно поэтому и современники и позднейшие исследователи имели противоречивые позиции в оценке политических взглядов Достоевского. Князь В. Мещерский отмечал, что «не видел на своем веку более полного консерватора... более убежденного и преданного своему знамени монархиста»¹, этого же мнения по преимуществу придерживаются российские литературоведы постперестроечного времени и западные исследователи XX в., однако в традициях отечественного литературоведения и историографии советского периода Достоевского принято было считать либералом. В целом нельзя не согласиться с мнением М. Бахтина о том, что «голос Достоевского для одних исследователей сливается с голосами тех или иных из его героев, для других является своеобразным синтезом всех этих идеологических голосов, для третьих, наконец, он просто заглушается ими»².

В этой связи особенное значение для выявления социально-политических взглядов Достоевского имеет изучение материалов «Дневника писателя». Моножурнал, который издавался писателем в 1876–1877 гг., в силу жанровых особенностей предоставлял автору возможность прямого высказывания о злободневных общественно-политических проблемах. Знаменуя собой появление совершенно нового формата в русской журналистике, «Дневник писателя» являлся сложным сочетанием разнообразных элементов. Как отмечает И. Волгин, «по объему „Дневник“ напоминал брошюру, по формату — еженедельную газету, по периодичности — ежемесячный журнал, по признаку авторства — отдельную книгу»³. Несмотря на то что в моножурнале появлялись и художественные

произведения — на его страницах увидели свет рассказы «Мальчик у Христа на елке», «Мужик Марей», «Столетняя» и др., основу его составлял прямой диалог Достоевского с читателем, на этот раз именно от первого лица. «Сегодняшние впечатления, обобщенные до философии бытия» — так характеризует моножурнал Достоевского знаменитый современный писатель и блогер Захар Прилепин (Стори. 2014. № 7), отмечая, что такая специфика формата роднит «Дневник писателя» с современной блогосферой. Это свойство еще только задумывавшегося журнала вселяло в друзей и сторонников Достоевского уверенность в его будущем успехе.

Причиной, побудившей Достоевского к прямому разговору с читателем, отчасти было именно это желание высказаться напрямую, без той сложной «системы зеркал», которую создает художественное произведение. Однако вместе со стремлением к такому откровенному разговору автор испытывал и опасения относительно того, как будет воспринята эта речь без обиняков. Вс. Соловьев в своих воспоминаниях рассказывает о том, что на его замечание об удобстве формы журнального дневника именно для того, чтобы «прямо и ясно высказаться», Достоевский ответил: «Прямо и ясно высказаться!.. чего бы лучше и конечно, о, конечно, когда-нибудь и можно будет, но нельзя, голубчик, сразу никак нельзя, разве я об этом не думал, не мечтал!.. да что же делать... ну, и потом, есть вещи, о которых если вдруг, так никто даже и не поверит...»⁴.

Некоторые направления мысли, бывшие, с одной стороны, сферой самых мучительных духовных исканий писателя, одновременно являлись и темами, касаться которых «сразу никак нельзя», т. е. темами, на которые, по выражению самого Достоевского, даже в откровенной форме дневника приходится только «проговариваться», оставляя читателю самому оформить мысль до конца. К числу таких тем относилась и тема войны. «Дневник писателя» начал издаваться как раз в год, непосредственно предшествовавший развязыванию русско-турецкой войны, когда на волне патриотического подъема активно дискутировался вопрос возможности и целесообразности вступления России в открытое вооруженное противостояние, и продолжил выходить в первый год активных военных действий. Не удивительно, что «Дневник

писателя» не только не смог остаться в стороне от военной темы, но и вступил в напряженную журнальную полемику.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. — последняя победоносная война Российской империи, победа русского оружия и провал русской дипломатии. С середины XIX в. Балканы уже не были, как прежде, театром цивилизационного противостояния христианского мира и его главного противника — Османской империи. «Больной человек Европы», Высокая Порта уже была вытеснена Англией и Францией и из Африки, и в значительной мере из Европы. К этому моменту вопрос могущества оплота исламского мира не был актуален для Европы, Балканы были прежде всего зоной экономического интереса. Как отмечает французский историк Доминик Борн, «это было также экономически зависимое пространство, где Европа ссужала, инвестировала, строила в империи железные дороги и потом следила, чтобы вложения приносили дивиденды»⁵.

В Слове в защиту Сербии Виктор Гюго отмечал эту конкуренцию геополитических интересов в Восточном вопросе: «У каждого правительства есть своя проблема; у России — Константинополь, у Англии — Индия, у Франции — Пруссия, у Пруссии — Франция»⁶ — и предлагал европейским правительствам подняться над категориями сиюминутных политических проблем, обратившись к проблеме человечности. Анализируя перечисленные в этом фрагменте геополитические интересы, необходимо отметить, что контроль над индийскими колониями для Англии, как и взаимное противостояние Пруссии и Франции имели прежде всего экономические причины. Принципиальная ошибка русской дипломатии состояла в том, что она мыслила устаревшими для остального мира категориями, полагая, что в вопросе защиты христиан от притеснений мусульманских завоевателей она может получить поддержку христианских государств Европы. Однако вопросы культурной и религиозной розни для либерально-буржуазных и стремительно секуляризовавшихся государств Европы давно отступили на второй план. Заботясь о своих экономических выгодах, европейцы охотно готовы были не только закрывать глаза на притеснения христианских наро-

дов турецкой властью, но и, как считал Достоевский, «если бы возможно было повторить болгарские летние ужасы (имеются в виду массовые жестокие убийства восставших болгар турками летом 1876 г. — О. К.) как-нибудь неслышно и втихомолку, то в Европе... пожелали бы повторения этих убийств хоть раз десять — и не из кровожадности, вовсе нет: там народы гуманные и просвещенные, — а потому... что остались бы одни милые турки, и турецкие бумаги повысились бы разом на всех европейских биржах, а России... пришлось бы откочевать поглубже восвояси за неимением кого защищать» (Дневник писателя, т. 2, с. 85).

Интерес же России в этом геополитическом столкновении Гюго формулирует коротко — «Константинополь». Действительно, именно овладение Царьградом было давней исторической мечтой России. И именно понимая это, европейская дипломатия еще в преддверии войны обсуждала идею о том, чтобы сделать Константинополь, в случае падения по каким-либо причинам Османской империи, городом международным, не принадлежащим никакому государству. Достоевский яростно доказывал спекулятивный характер такой идеи: «Такой великолепной точке земного шара, — писал он, — просто не дадут стать международной, то есть ничьей; непременно и сейчас же явятся хоть бы англичане со своим флотом, в качестве друзей, и именно охранять и оберегать эту самую „международность“, а в сущности, чтобы овладеть Константинополем в свою пользу. А уж где они поселятся, оттуда их трудно выжить, народ цепкий» (Там же, с. 84).

Достоевский предвидит и то, что в случае победы в войне и падения Турции немедленно начнется распря освобожденных народов, в которой примет активное участие европейская дипломатия с целью поссорить освобожденные народы друг с другом, а главное — застрашать их грядущим владычеством России: «И не будет такой клеветы, которую бы не пустила в ход против нас Европа. „Из-за русских-то мы вам и против турок не помогали“, — скажут им тогда англичане» (Там же, с. 85).

Однако нельзя не отметить, что российское стремление овладеть Константинополем носило несколько иной по сравнению с мотивами европейских держав характер. Не отрицая прагмати-

ческой значимости выхода в Средиземное море как геополитического преимущества, нельзя не отметить, что восточный вопрос для России всегда был связан с иррациональным стремлением воссоединения с Византийской традицией и славянской семьей народов, являлся в значительной степени вопросом идеологии и веры, а не только экономики. Напротив, с точки зрения экономических издержек в сравнении с гипотетическими приобретениями война на Балканах не только не обещала быть выгодной, но заведомо не окупалась. Именно этот момент оказался принципиальным в общественной дискуссии, развернувшейся в России в 1876–1877 гг.

Многие русские журналисты и общественные деятели высказывались против начала этой войны именно потому, что она приведет к падению темпов экономического роста, слишком дорого обойдется империи. «Биржевые ведомости» в июне 1877 г. писали: «Общий экономический кризис, господствующий ныне в России, не может не отразиться на поступлении государственных доходов... военное положение, начавшееся с ноября прошлого года, стоило уже нам в течение семи месяцев 182 млн. руб, что составляет 26 млн. в месяц... Война прежде всего требует денег и денег» (Биржевые ведом. 1877. № 277).

Именно в экономическом интересе и в усилении политического влияния на Балканах продолжают и теперь видеть интерес России в восточном вопросе европейские историки, утверждая, что «империя царей» как называют Россию авторы труда «История Европы», «мечтала о свободном выходе к Средиземному морю»⁷.

Однако Достоевский отказывался размышлять об этом вопросе в экономических категориях. «Не один только великолепный порт, не одна только дорога в моря и океаны связывают Россию столь тесно с решением судеб рокового вопроса, и даже не объединение и возрождение славян... этот страшный Восточный вопрос — это чуть не вся судьба наша в будущем. В нем заключаются как бы все наши задачи и, главное, единственный выход наш в полноту истории. В нем и окончательное столкновение наше с Европой, и окончательное единение с нею, но уже на новых, могучих, плодотворных началах» (Дневник писателя, т. 2, с. 88).

Когда Достоевский утверждает, что «нам нужна эта война и самим, не для одних лишь „братьев-славян“», он не поддерживает идеи государственников-прагматиков, таких как М. Н. Катков, например, которые видели в усилении России на Балканах шаг политически необходимый ввиду появления в пространстве мировой политики такого опасного нового игрока, как объединенная Германия. Конечно, многие современники Достоевского, как и сам Федор Михайлович, предчувствовали роковую роль будущего лидера мировой политики и экономики. Мотивы предчувствия того, что объединившаяся Германия рано или поздно развяжет мировую войну в попытке взять реванш и вернуть себе мировой авторитет, утраченный германскими княжествами в период раздробленности, можно найти у многих современников Достоевского — М. Н. Каткова, Ф. И. Тютчева, В. Мещерского, М. Салтыкова-Щедрин и др. Предчувствовал это и сам Достоевский. Германец, писал он, верит слепо, «что в нем лишь обновление человечества, а не в цивилизации католической. Во всю историю свою он только и грезил, только и жаждал объединения своего для провозглашения своей гордой идеи, — сильно сформулировавшейся и объединившейся еще в Лютерову ересь; а теперь, с разгромом Франции, передовой, главнейшей и христианнейшей католической нации, пять лет тому назад, — германец уверен уже в своем торжестве всецело и в том, что никто не может стать вместо него во главе мира и его возрождения» (Дневник писателя, т. 2, с. 10).

Однако не в видах государственнического прагматизма и будущего политического и религиозного противостояния с Германией считает Достоевский необходимым для России овладение Константинополем. Писатель искал в этой войне прежде всего духовного обновления увядающей империи. «Не всегда война бич, иногда и спасение», — считал он; «с войной и победой придет новое слово, и начнется новая живая жизнь», ибо «война освежит воздух, которым мы задыхались, сидя в немощи растреления и духовной тесноте».

Поиск новых духовных основ русской жизни, ориентиров и идеалов представляется Достоевскому необходимым куда бо-

лее, чем усовершенствование даже таких отраслей внутригосударственной жизни, как образование. «Школы важное дело, конечно, но школам надобен дух и направление, — вот мы и идем теперь запастись духом и добывать здоровое направление. И добудем, особенно если Бог победу пошлет. Мы воротимся с сознанием того, что славно послужили человечеству кровью своей, с сознанием обновленной силы нашей и энергии нашей — и все это вместо столь недавнего позорного шатания мысли нашей, вместо мертвящего застоя нашего в заимствованном без толку европеизме» (Там же, с. 122). Вопрос о школах поднимается в контексте разговора о войне не случайно: одним из главных аргументов сторонников мирного, дипломатического решения Балканского конфликта было указание на то, что многие внутренние проблемы России (устройство образования, например) требуют сейчас особенно пристального внимания, вложения энергии и средств, которые неизбежно будут отвлечены от этих важных вопросов военными приготовлениями. Выражавшая мнение значительной части либерально настроенного общества газета А. А. Краевского «Голос» пыталась охладить «нетерпеливых любителей сильных ощущений и сенсационных известий» (№ 96), указывая на то, что «истинный патриот всегда осторожен в суждениях... с мальчишеским задором кричать о необходимости войны, драпирясь в напускной милитаризм, конечно, легко» (№ 93).

Однако принципиальным пунктом дискуссии о необходимости войны становится вопрос о гуманизме, о возможности, как указывали либеральные издания, «озверения нации», которая привыкает решать общественно-политические вопросы военной силой.

Эта постановка вопроса приводит Достоевского к необходимости разговора о ложно трактованном в западноевропейской культуре понятии гуманизма, о гуманизме протестантско-буржуазного образца, который для него лично, а с его точки зрения и для России в целом является неприемлемым. Иронично замечает он на страницах «Дневника писателя»: «Биржевики, например, чрезвычайно любят теперь толковать о гуманности. И многие, толкующие теперь о гуманности, суть лишь торгующие гуман-

ностью» (Дневник писателя, т. 2, с. 120). На примере франко-прусской войны Достоевский доказывает, что гуманистический пафос западноевропейской культуры и политики зачастую оказывается лишь прикрытием для достижения реальных экономических интересов, тогда же, когда этим экономическим интересам начинают противоречить гуманистические идеи, от них легко отказываются: «И куда девалась тогда вся ихняя цивилизация: бросилась самая ученая и просвещенная из всех наций на другую, столь же ученую и просвещенную, и, воспользовавшись случаем, загрызла её как дикий зверь, выпила её кровь, выжала из неё соки в виде миллиардов дани и отрубила у ней целый бок в виде двух, самых лучших провинций!» (Там же, с. 12).

Гуманизм, о котором рассуждают биржевики, в качестве идеала человеческого существования рисует безбедную, сытую, экономически обеспеченную и, следовательно, мирную жизнь. Гуманизм, о котором говорит в своих романах и статьях Достоевский, заключается в понимании того, что бытовое, физическое благополучие не осчастливят человека, что только в духовном движении к идеалу — возможность его счастья. А следовательно, и истинно гуманно только то, что способствует этому духовному движению. Инквизиторская подмена духовного поиска «хлебами» является, с точки зрения Достоевского, ключевой ошибкой европейской цивилизации. Мир как абсолютная ценность отвергается Достоевским: «Да, война, конечно, есть несчастье, но много тут и ошибки, в рассуждениях этих... долгий мир всегда рождает жестокость, трусость и грубый, ожирелый эгоизм, а главное — умственный застой» (Там же, с. 117). Еще в октябре 1876 г., до начала военных действий со стороны России, когда Сербия вела самостоятельную борьбу с Турцией, в «Дневнике писателя» шла речь о военных действиях на Балканах русских добровольцев в составе Сербской армии под руководством генерала Черняева. Достоевский отстаивал ту же идею, рассуждая о выгодах, которые может извлечь Россия из этого противостояния: «Такой высокий организм, как Россия, должен сиять и огромным духовным значением... Одной материальной выгодой, одним „хлебом“... Россия не может удовлетвориться» (Дневник писателя, т. 1, с. 534).

Война за веру — это не попрание ценности человеческой жизни для Достоевского, напротив, это приближение человека к тому нравственному идеалу, который позволяет ему осознать существование ценностей выше ценности жизни.

Вот нравственная дилемма, одинаково волновавшая двух величайших писателей и религиозных мыслителей России — Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского: если каждый человек должен руководствоваться в жизни принципами христианской морали, то ими же должно руководствоваться и государство, из этих людей состоящее, а если так, то как же должно действовать государство в вопросах международной политики, которые в конечном итоге сводятся к борьбе за свои интересы путем войны?.. В мировоззрении Толстого этот вопрос разрешится формулированием теории непротivления злу, пацифизмом и отрицанием войны. Иначе решит эту нравственную дилемму Достоевский, и сформулирует свой ответ так: нельзя допускать, чтобы турки подбрасывали на штыки младенцев, только чтоб из гуманизма как-нибудь не убить турку. Это «тупейшее и грубейшее сантиментальничанье... это самое полное извращение природы». Нельзя терпеливо наблюдать надругательство притеснителей над беззащитными, на защиту их, оставаясь в рамках христианской морали, можно и должно обнажить меч. Более того, в этой готовности защитить угнетенных для Достоевского и есть истинное величие нации. «Подвиг самопожертвования кровью своею за все то, что мы считаем святым, конечно, нравственнее всего буржуазного катехизиса» (Там же, с. 117).

Есть при этом одно необходимое условие: самопожертвование это должно быть бескорыстным. Спросите солдат, пишет Достоевский, чего хотят они в начавшейся войне? «И все скажут вам как один человек, что идут, чтоб Христу послужить и освободить угнетенных братьев, и ни один из них не думает о захвате. Да мы тут, именно в теперешней же войне и докажем всю нашу идею о будущем предназначении России в Европе, именно тем докажем, что, освободив славянские земли, не приобретем из них себе ни клочка». «О да, да — восклицает далее автор «Дневника писателя», — мы не только ничего не захватим у них и не только

ничего не отнимем, но именно тем самым обстоятельством, что чрезмерно усилимся (союзом любви и братства, а не захватом и насилием), — тем самым получим наконец возможность не обнажать меча» (Дневник писателя, т. 2, с. 119).

Этой верой в возможность союза славянских племен, основанного не на политическом, а на духовном единстве, позиция Достоевского тесно перекликается с идеями Ф. И. Тютчева, выраженными им за полтора десятилетия до этих событий:

Из переполненной Господним гневом чаши
Кровь хлынет через край, и Запад тонет в ней —
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши —
Славянский мир, сомкнись тесней...

«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью —
А там увидим, что прочней...⁸

Достоевский и сам отмечает порой утопический характер своих представлений о возможности всеславянского единения, однако, и это тоже крайне характерная черта его мировоззрения, признавая эту утопичность, он не отказывается от прекрасной идеи.

Писатель сознавал, что шаткость мнений в русском обществе относительно войны отражает историческое столкновение двух систем ценностей, не только рождающее противоречия между народами, но и сотрясающее Россию изнутри. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. знаменовала собою также кризис имперских ценностей в русском обществе; недаром, говоря о гуманизме и спекуляциях идеей мира, Достоевский часто называет их «буржуазным катехизисом» или «буржуазными нравоучениями».

Неотъемлемой частью любой имперской идеологии является гордость военными триумфами прошлого и бережное хранение преемственности воинской славы. Однако под влиянием постепенно усиливавшихся процессов перехода к капиталистическому

экономическому устройству в России второй половины XIX в. в среде образованного общества происходило становление новых взглядов. Романтика воинского героизма, пафос национальной гордости за славу оружия, с которыми запечатлены победы Суворова и Кутузова, со времени бесславной Крымской кампании 1854–1856 гг. постепенно уступали место ироническому безразличию и прагматической оценке денежных выгод войны в формирующейся системе буржуазного мировоззрения. Исследователь повседневной жизни русской интеллигенции времени заката империи С. Экштут справедливо отмечает, что именно Крымская кампания стала отправной точкой, начиная с которой в душе русского интеллигента зародилось страшное убеждение, что поражение державы может быть благом для страны. Военные неудачи империи, которые воспринимались как поражение николаевской внутривосточной системы, а не страны и не нации, встречались даже с радостью русским образованным обществом. В дальнейшем это равно прохладное отношение русской интеллигенции к военным победам и поражениям Отечества только прогрессировало под влиянием переосмысления гуманистических идей.

В культуре «осени империи» доминирует мотив войны уже как трагической бессмыслицы, где нет места героизму. Проза В. Гаршина утверждает неоспоримую ценность конкретного индивидуального бытия, которой нельзя пренебречь в политических интересах державы. Картины баталиста А. Верещагина (которые, как отметит в дневнике военный министр Д. А. Милютин, противники его таланта считали «профанацией войны, злобною карикатурою того, что составляет гордость и святыню народного чувства»⁹, обозначат перелом в отношении общества к понятию героизма.

Поэтому в данном случае, отстаивая тезис о том, что «не всегда надо проповедовать один только мир, и не в мире одном, во что бы то ни стало, спасение, а иногда и в войне оно есть», Достоевский вступал в спор с целым направлением в культуре и искусстве, с целым слоем русского образованного общества, полагавшего эту войну лишь бессмысленной «военной прогулкой»,

которая будет стоить тысяч жизней солдат и миллионов рублей. И эта борьба для Достоевского носила характер не только и не столько абстрактно-философской апологии войны, сколько обусловленной спецификой момента необходимостью противостоять стремительному разложению той системы духовных ценностей, на которых только и могла быть воздвигнута и прочно стоять имперская государственность. Достоевский провидчески ощущал глубинную взаимосвязь процессов, происходящих в культуре, литературе и искусстве с их отдаленными политическими последствиями. Спустя несколько десятилетий Александр Блок в поэме «Возмездие» также отметит эту черту «воистину жестокого» XIX в.:

Но тот, кто двигал, управляя,
Марионетками всех стран, –
Тот знал, что делал, насылая
Гуманистический туман.
Там, в сером и гнилом тумане,
Увяла плоть, и дух погас,
И ангел сам священной брани,
Казалось, отлетел от нас...¹⁰

В ходе Первой мировой войны воспитанное в духе европейского гуманизма, антипатриотически и антивоенно настроенное, переживающее ценностный кризис, русское образованное общество во многом способствовало процессам разложения армии, приведшим в конечном итоге к крушению империи.

Примечания

¹ Мещерский В. П. Мои воспоминания. М.: Захаров, 2003. С. 383.

² Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Худож. лит., 1972, с. 29.

³ Волгин И. Поверх барьеров: загадка «Дневника писателя» // Достоевский Ф. М. Дневник писателя: в 2 т. Т. 1. СПб., 2011. С. 6.

⁴ Достоевский Ф. М. Дневник писателя: в 2 т. СПб., 2011. Т. 1. С. 34. — В дальнейшем ссылки на это издание даны в тексте (Дневник писателя) с указанием тома и страниц.

⁵ История Европы // под ред. Ж. Карпантье и Ф. Лебрена. СПб., 2010. С. 412.

⁶ Гюго В. В защиту Сербии // Гюго В. Собр. соч.: в 15 т. Т. 15. М. 1956. С. 627.

⁷ История Европы. С. 411.

⁸ Тютчев Ф. И. Россия и Запад / сост., вступ. статья, пер. и коммент. Б. Н. Тарасова. М.: Культурная революция; Республика, 2007. С. 191.

⁹ Экштут С. А. Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи великих реформ до Серебряного века. М.: Мол. гвардия, 2012. С. 230.

¹⁰ Блок А. Возмездие. URL: http://az.lib.ru/b/blok_a_a/text_0040.

O. S. Kruglikova

St Petersburg State University

FYODOR DOSTOYEVSKY'S JOURNAL "WRITER'S DIARY" ABOUT RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1877–1878

Fyodor Dostoevsky's journal "Writer's Diary" gives the most clearly reflection of his political views. Russian-Turkish war was a dominated theme in the magazine at the turn of 1876–1877. Dostoevsky defends the necessity of this war for Russia, comprehending it in the context of the ideas of Christianity, humanism and spiritual revival of Russia.

Keywords: Fyodor Dostoyevsky, "Writer's Diary", Russian-Turkish War.

А. А. Кулагина

С.-Петербургский государственный университет

ПУБЛИЦИСТИКА В. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО В РУССКО-ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ 1877–1878 ГОДОВ

Василий Иванович Немирович-Данченко (1844–1936) — один из самых известных в дореволюционной России профессиональных военных корреспондентов, писатель, этнограф и путешественник. Именно с началом Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. к военно-

© А. А. Кулагина, 2015

му корреспонденту Немировичу-Данченко приходит всероссийская слава.

Ключевые слова: В. И. Немирович-Данченко, военный корреспондент, Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

В. И. Немирович-Данченко происходит из семьи потомственного военного, и детские годы писателя проходят на Кавказе в постоянных переездах. Будущего военного корреспондента отец закаляет частым пребыванием на свежем воздухе, учит верховой езде. По воспоминаниям писателя, читать он начал рано, в четыре года. Любимыми книгами мальчика были исторические романы и книги о путешествиях.

В 1854 г. Немировича-Данченко отдают в Александровский кадетский корпус, но его он не заканчивает. Причин несколько. Во-первых, в 1863 г. внезапно умирает его отец, во-вторых, писатель увлекается идеями Белинского и решает покинуть военное заведение в силу убеждений.

В 1863 г. Немирович-Данченко приезжает в Санкт-Петербург и пытается прожить на гонорары за сотрудничество в бульварных изданиях («Петербургский листок», «Заноза», «Развлечение», «Грамотей» и др.). Он печатает репортажи, хроники, стихи (в журнале «Модный магазин» и в сборнике «Луч»). Однако полученных денег на жизнь не хватает. Доведенный до отчаяния, Немирович-Данченко совершает ряд проступков, за которые в 1869 г. оказывается осужден и сослан в Архангельск по этапу с лишением дворянских прав. Лишь в 1874 г. ему будет позволено покинуть район ссылки.

В Архангельске Немирович-Данченко, несмотря на сложившееся положение, не теряет надежды. Занимает должность чиновника в канцелярии архангельского губернатора, проводит работу по сбору статистических сведений о народах Севера.

Попутно публицист отсылает свои очерки о жизни северных народов в столичные газеты, — «Голос» и «Биржевые ведомости», сотрудничает с журналами «Дело» и «Отечественные записки». Вернувшись в Петербург, публицист публикует книгу о Соловках, принесшую ему известность как писателю-этнографу.

В частности, И. С. Тургенев в рецензии лестно оценивал мастерство Немировича-Данченко.

Писатель будет путешествовать почти всю жизнь — не только по России, но и по Европе, Азии, Африке и Южной Америке. В 1876 г. пылкий характер и бесстрашие приводят Немировича-Данченко в Сербию, где он участвует в боевых действиях против турок и получает легкое пулевое ранение. Он очаровывается растущей демократией Болгарии. А через год, с началом Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., к военному корреспонденту В. И. Немировичу-Данченко приходит всероссийская слава.

Его корреспонденции о Русско-турецкой войне перепечатываются не только газетами Европы и Америки, но даже одной из газет Стамбула. Сочинение, собранное из воспоминаний, писем, путевых заметок и военных корреспонденций, выходит через год в типографии Лихачева и Суворина в трех томах, переиздается еще дважды, но уже в типографии Сытина. Оно получает название «Год войны (Дневник русского корреспондента). 1877–1878». Книга представляет собой большой интерес в качестве исследуемого материала, чем корреспонденции, особенно третья, дополненное издание (1903), так как содержит не пропущенную цензурой или редакторским коллективом информацию и примечания В. И. Немировича-Данченко, в которых он полемизирует с авторами отрицательных отзывов на его военные корреспонденции.

«Год войны» — одно из самых читаемых произведений Василия Ивановича Немировича-Данченко. Успех его военной публицистики можно объяснить сочетанием нескольких факторов.

На момент начала Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в обществе сложилась потребность в освещении боевых действий. С этой целью еще до объявления войны при Главном штабе учреждается Особая военно-цензурная комиссия, в которую входят как военные специалисты, так и гражданские цензоры. В наиболее важных военных округах формируются частные комиссии. В России официально появляются профессиональные военные корреспонденты.

После окончания Русско-турецкой войны многие из них переиздали свои публикации в виде отдельных книг, которые быстро раскупались, пользовались спросом в библиотеках, например,

«Двадцать месяцев в действующей армии» В. В. Крестовского, «Война в Малой Азии в 1877 г.» Г. К. Градовского, «Две войны 1876–1878 гг.» Н. В. Максимова, «Черногория и ее война с турками в 1877–78 гг.» А. В. Щербака, «Год войны в Малой Азии 1877–78 гг.» А. Н. Маслова и др.

Интерес читательской публики был велик: так подробно военные действия в России были освещены впервые. Более того, разрешение правительства допускать корреспондентов к месту боевых действий, создание официальной структуры, привело к тому, что у общества появилась возможность читать не только сухие информационные сводки, а описания войны, пропущенные через личные переживания авторов.

Немирович-Данченко — единственный из всех корреспондентов, в том числе иностранных, кто провел на войне столь продолжительный срок — больше года, сначала корреспондентом ежедневной газеты «Наш век», а после ее закрытия из-за нехватки материальных средств в 1877 г. (вышло только 120 номеров, редактор А. А. Шавров) — ежедневной газеты «Новое время». Более того, Немировичу-Данченко приказом Главнокомандующего, единственному из русских военных корреспондентов, было разрешено посещение всех позиций и дано уникальное право освещать деятельность Александра II на театре войны.

В 1879 г. Немирович-Данченко совершает поездку по местам сражений и издает в газете «Русский курьер» серию очерков, в которых описывает послевоенную ситуацию в молодом демократическом государстве. Через год, в 1880 г., оформляет их и издает в типографии А. И. Траншеля под названием «После войны. Очерки и впечатления русского корреспондента в освобожденной Болгарии».

Немирович-Данченко является автором биографии генерала М. Д. Скобелева, с которым был близко знаком. Также свои впечатления о войне писатель отражает в своем литературном творчестве: стихах, военных романах («Гроза», «Вперед», «Плевна и Шипка»), рассказах.

Стоит сказать, что Болгария занимает особое место в жизни Немировича-Данченко. Он участвовал практически во всех клю-

чевых событиях истории становления Болгарии как отдельного государства. В Первую Балканскую войну 1912–1913 гг. писатель вновь едет на театр войны, а позже издает книгу очерков «С вооруженным народом». Во время войны он был корреспондентом венской газеты «Reichspost», а также посылал корреспонденции в «Русское Слово» и другие газеты. Во время Второй Балканской войны писатель призывал в своих статьях защищать интересы Болгарии, резко отзывался о деятельности Сербии. Немирович-Данченко писал о нарастающей мощи Германии, представлявшей угрозу Российской империи.

Во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. он много и часто пишет, сотрудничает помимо «Русского слова» с несколькими иностранными изданиями. Отдельные статьи посвящает болгарскому вопросу. Впоследствии, по традиции, дополняет свои публикации записями дневников и собирает в книги. К сожалению, рукописи книг «Мировая война» и «За огненными завесами» были утеряны, они так и не были напечатаны. В России была революция.

Писатель исключительно трудолюбив, на момент Русско-турецкой кампании 1877–1878 гг., он пишет иногда по очерку в день. Почти всегда описывает события по свежим впечатлениям, не откладывая на будущее. В 1914 г. в интервью В. Кауфману писатель признается, что никогда не был заинтересован в «раскопках», в анализе прошлых событий, его судьба, предназначение и цель жизни — в попытке предугадывания будущего и подробного описания настоящего. Делать выводы о прошедшем Немирович-Данченко «уступает другим»¹. Корреспонденциям Немировича-Данченко присущ репортажный ход изложения. Автор рисует картину произошедшего. С другой стороны, пафосный и лирический стиль изложения, излишняя литературная обработка материала вызвали в литературных и журналистских кругах негативный отклик.

В вышедшем в 1884 г. фельетонном словаре В. О. Михневича к статье о Василии Ивановиче Немировиче-Данченко была приложена иллюстративная карикатура с подписью «Скользкий путь к славе». Там он изображен идущим по канату, балансируя на ходу-

лях «риторики» и «пиитики». В руках у писателя рог изобилия, из которого на стоящую внизу публику падают розы и книги Немировича-Данченко («Год войны», «Соловки» и др.), в небе порхают бабочки. Писатель направляется к стоящей на шаре «Славе», у которой от удивления открыт рот.

В словарной статье Михневич дает Немировичу-Данченко характеристику как писателю: «плодовитая талантливость», «лирическое легкомыслие», его «выпекаемые» тома полны «художественной правды, но возбуждают сомнение со стороны достоверности исторической и географической»².

Неточности и приукрашивание действительности в публицистике Немировича-Данченко присутствуют. Более того, публицист в письме к А. С. Суворину 27 мая 1889 г. сам отмечает: «Да, умер Шедрин... Помните, как он меня в корреспонденте с Дуная честил, да журмя-журил? <...> Но ведь и вправду молод-зелен был, завирался для шику»³. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин в сатирическом очерке «Тряпичкины-очевидцы» высмеивал излишнюю описательность и страсть к преувеличению и драматическим эффектам в текстах Немировича-Данченко с фронта Русско-турецкой войны: «...нам нужно насиловать свое воображение или прибегать к перу Немировича-Данченко, чтоб достигнуть каких-нибудь солидных результатов в смысле увеличения розничной продажи газет»⁴.

Подтрунивали и над любовью Немировича-Данченко многословно и неспешно описывать красоты природы не только в путевых очерках, но в романах и в военных корреспонденциях. Например, в № 23 журнала «Маляр» за 1877 г. была напечатана большая карикатура, в которой высмеивались особенности освещения различными корреспондентами Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Карикатура получила название «Театр войны в зрительных трубках». Трубка Немировича-Данченко представляет собой идеалистический пасторальный горно-морской пейзаж с тремя коровами на берегу и двумя пароходами в море.

Лев Давидович Троцкий в публикациях о Русско-турецкой войне отмечает, что военный корреспондент Немирович-Данченко, когда не было информации о войне с Турцией, а корреспондентен-

тов задерживали и не пускали в район боевых действий, охотно принялся описывать природу. Однако по третьему разу ему наскучило, и он решил прорываться на фронт без официального разрешения, но не успел, так как корреспондента В. И. Немировича-Данченко командованием было решено пропустить в виде исключения.

В то же время читающая публика была недовольна тем, что он слишком схематично описывал действительность по сравнению с корреспондентами, писавшими из тыла армии и выдумывавшими сенсационные, трагичные новости. В. И. Немирович-Данченко приводит множество примеров, когда в иностранной печати появлялись ложные описания несуществующих сражений, битв, бомбардировок или приключений отважного корреспондента. Это были случаи не ошибок или неточности, но «эпидемического вранья». «Все это, и огонь „могучих батарей“ и вылазки „отважных саперов“ — в воображении господ, сидящих в благополучных ресторанах Бухареста и строчащих оттуда». «Иностранцам... и самым лучшим, каков Форбес, ничего не значило сжечь Виддин и Рушук... разрушить дотла Калафат и Журжево»⁵.

Многие критики не верили в информацию, которую представляли военная проза и путевые очерки Немировича-Данченко, не столько потому, что она была ложной, сколько потому, что она казалась невозможной, поскольку Немирович-Данченко первым осмелился о ней рассказать. В книге «Год войны» публицист сетует на то, что ему не верят, тогда, как он пишет правду, но слишком неприглядную, и читатель предпочитает закрывать глаза на действительность. Немирович-Данченко придерживается позиции гласности и свободы слова в описании военных событий. Корреспондент излишне драматизирует описание, придает черты литературного произведения публицистике, но о проблемах, возникших во время Русско-турецкой войны, пишет много и откровенно: «...ехидно замечают мне: „назовите нам лиц выше его стоящих и бывших виновниками печальных явлений в нашей армии“. Я-то, господа, назову, не постесняюсь. Если у меня хватило мужества во время кампании писать о них, то теперь и подавно»⁶.

И продолжает уже через год: «Вперед принимаю упреки. Скажу одно: по моему убеждению, истинный патриотизм состоит не в том, чтобы закрывать глаза на свои недостатки <...> Если я был резок, то это потому, что истину не следует, как больного выводить на воздух закутанной»⁷.

Немирович-Данченко отмечает плохую начальную подготовку кампании. Корреспондент пишет, что турки знают обо всех передвижениях русской армии, в то время как русские войска отправляют по дороге, где были размыты мосты. Немирович-Данченко еще в самом начале войны писал о губительности презрительного отношения к неприятелю: «Мы его даже за врага не считаем». «Мне все это кажется ужасно легкомысленным»⁸. Эти фразы были вычеркнуты редакцией «Нашего века». Корреспондент с горечью пишет о русском законодательстве. В частности, на момент начала войны точное определение юридического понятия «шпионаж» не разработано, поэтому шпионов никто не судит, лишь задерживают. Военная цензура запрещала опубликование любых материалов о передвижении русских войск, настаивала на полной секретности. Но в силу плохо проведенной разведывательной работы секретность уже была разрушена, и турки знали о передвижениях русской армии на протяжении всей войны. Одновременно с этим не было собственной системы сбора информации о враге, почта работала медленно, новые телеграфные линии не проводились. Немирович-Данченко описывал случай, когда офицер приказывал срубить телеграфные столбы на строительство переправы. В итоге, например, третий штурм Плевны был рассчитан на меньшее число обороняющихся, несмотря на донесения местного населения. Из-за постоянных угроз турецкого шпионажа, не доверяли никому. Шпионили многие и часто бесхитростно: «...посылает телеграммы, вроде „котлеты здесь очень плохи“»⁹.

Одной из главных проблем Немирович-Данченко считал плохую работу интендантской службы, наживавшейся на нуждах армии. Войска постоянно испытывают недостаток провианта, одежды, сапог, топлива, лекарств и др. Провиант закупается порченный по очень низкой цене, а продается в три-четыре раза дороже. Журналист критикует также общую неподготовленность военно-медицинской службы. При нехватке медицинского персонала студен-

тов и медсестер за жалобы о неоплате труда высылают в Россию. Критикует Немирович-Данченко и работу почтовой службы, часто писатель помогал военным с передачей писем родственникам.

Немировичу-Данченко противны невежество, косность мышления, грубость, глупость многих высших чинов армии, настроенных против болгарского населения. Как отмечает Немирович-Данченко, болгарская интеллигенция готова умереть за свое отечество, но не быть за него высеченным. Но журналист не обвиняет голословно и не приписывает качества части целому, он называет конкретные фамилии или названия полков.

Немирович-Данченко придерживался позиции не скрывать от читательской аудитории жестокости и беспощадности войны. Однако, описывая кровавые подробности, военный корреспондент не призывал к ответной жестокости. В своих ранних публикациях с театра Русско-турецкой войны публицист не делал акцента на описании зверств мусульман. Он дает портретные очерки людей, фанатично преданных своей вере: «добрый сосед... зарежет только потому, что тот христианин» (Рус. курьер. № 72. С. 3), — уверенных в том, что когда русские войска покинут территорию Болгарского княжества, власть вернется к мусульманам. Но в то же время эти же люди представлены как гордые, смелые, талантливые, верные родине.

В. И. Немирович-Данченко сочувствовал турецким военнопленным, ужасался «мертвой Плевне» (несколько кварталов домов, где были заколочены своими войсками турецкие раненые солдаты). Жестокость турецкой нации писатель объяснял многовековым конфликтом на Балканах, сложившейся системой отношений болгар и турок, религиозным фанатизмом с одной стороны и кровной местью с другой.

Писателя любили и уважали в армии как человека редкостного мужества. Немирович-Данченко был отмечен наградами: в 1876 г. — орденом Святого Георгия, в Русско-турецкую кампанию 1877–1878 гг. — двумя солдатскими Георгиевскими крестами IV и III степени и орденом Святой Анны. Позднее, в Русско-японскую войну — орденом Святого Владимира. В 1904–1905 гг. газета «Русское слово» опубликует на своих страницах похвальные отзывы об военных корреспонденциях Немировича-Данченко от

офицеров передовой позиции (напр.: Русское слово. 1905. № 154. С. 2). Капитан Владимир Дорбжанский, в Русско-японскую войну командующий четвертой ротой, опубликовал свои воспоминания под названием «Русско-японская война 1904 г. в действующей армии» в нескольких номерах журнала «Вокруг света». В частности, он описывает встречу с Немировичем-Данченко 21 мая 1904 г. у Вафаньгоу и дает положительную оценку как творчеству писателя, так и его характеру и внешнему виду. Что примечательно, говорит о нем: «наш знаменитый писатель и военный корреспондент», «очень опытен», «человек испытанной храбрости и свистом пуля да воем гранат его не смутишь» (Вокруг света. 1905. № 23. с. 4).

Детство в военном окружении, военное образование, личное мужество писателя, стремление Немировича-Данченко поддержать в своих публикациях армию не только патриотическими призывами, но и обсуждением назревших проблем обеспечивали лояльность армейской аудитории. Немирович-Данченко был непритворлив, не просил о предоставлении ему особых условий проживания. Он всегда придерживался мнения, что самая большая услуга со стороны главной квартиры, которую она могла бы оказать военному корреспонденту, — это допуск последнего к местам боевых сражений.

Еще в самых первых публикациях на болгарскую тему («Перед отъездом») в газете «Наш век» корреспондент поднимает тему эффективности журналистской деятельности и задается вопросом, какие задачи должен решать военный корреспондент в своих публикациях. В том числе он говорит о создании правдивого образа России в печати без «всевозможных легенд о стране льдов и варварства, о казацком царстве и тому подробных ужасах»¹⁰, которые всегда появляются, если необходимо настроить общественное мнение Европы против России.

Также для себя Немирович-Данченко определяет задачу — дать русскому обществу полноценную картину событий в Болгарии. Журналист отмечает: «Нет трезвого взгляда, потому что нет точных сведений о народе и стране» (Рус. курьер. № 19. С. 2). Соответственно в своих материалах Немирович-Данченко освещает не только военные события, но и приводит сведения экономического и культурологического характера.

Публицист развенчивает миф о Болгарии как о стране сельскохозяйственной. Он дает подробный анализ экономического состояния страны: в Болгарии есть значительные отрасли промышленности, развиваются металлургические заводы, разрабатываются залежи каменной соли, серебра, меди, золота; военная мощь молодого княжества составляет до 70 тыс. вооруженных и обученных солдат, а также полки ополчения; «В Тырнове на днях открывается Государственный банк» (Там же. С. 3); у государства есть золотой запас.

Писатель был сторонником демократического развития общества, ратовал за свободу слова и повышение уровня образованности нации. Он придерживался гуманистических, демократических взглядов, и еще в 1860-е годы был очарован молодой демократической Болгарией, которая поразила писателя уровнем общественной активности, гражданского самосознания и высокой степенью грамотности среди населения.

Многие публикации Василия Ивановича Немировича-Данченко в «Русском курьере» посвящены вопросам образования, формирования государственной системы школ и гимназий, подготовке педагогического состава, в том числе и за границей, в Праге. Немирович-Данченко восхищался тем, что начальное образование было бесплатным и обязательным, гарантированным конституцией, труд сельского учителя оплачивался достойно, и с грустью добавлял, что «пока всех средне-учебных заведений в Болгарии очень мало. Гимназии еще проектированы. Деньги есть — нет учителей» (Там же. № 61. С. 2). В учителя иногда шли и военные (члены сельской стражи), так как обычно наиболее образованная часть болгарского населения уходила в ополчение: «...в народе преобладают два течения — в школу и к ружью. Точно болгары понимают, что свою самостоятельность им придется отстаивать и книгой, и боевым огнем» (Там же). Тырновскую конституцию 1879 г. Василий Иванович оценивал как самую демократическую конституцию Европы, а введение конституционной монархии — ступенью к эволюции в демократическую республику.

Военная публицистика Немировича-Данченко в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. высоко была оценена не только на родине писателя, но и в самой Болгарии. Впоследствии, в период тяжелого

материального положения в эмиграции, помощь писателю оказало болгарское правительство, выделив ему в 1935 г., в честь 90-летия писателя, ежегодную народную пенсию. «Юбилеи писателя праздновались в Болгарии как юбилеи национального героя»¹¹.

Таким образом, можно выделить особенности военной публицистики Немировича-Данченко в 1877–1878 гг., которые заслуженно принесли ему широкую известность как военного корреспондента.

Немирович-Данченко вырос в семье потомственного военного, имел неоконченное военное образование и мог трезво оценивать боевую обстановку. В отображении военных событий корреспондент последователен и обстоятелен. Он подробно описывает местность, где проходило сражение, предысторию занятия войсками позиций, ошибки, которые были допущены в ходе подготовки, перечисляет резервы, которыми располагали обе стороны. Личное мужество писателя, заинтересованность автора в судьбе простого солдата вызывали уважение со стороны боевого состава армии.

В то же время стиль Немировича-Данченко (пафос, драматичность описания, литературная обработка текста), несмотря на то что он вызывал неодобрение критиков, нравился читающей публике. Одной из характерных черт военной публицистики Немировича-Данченко можно назвать многослойность повествования. Писатель не только пишет о военных действиях на войне, но и показывает жизнь в условиях войны.

Примечания

¹ Кауфман В. И. Вас. И. Немирович-Данченко // Солнце России. 1914. № 17. С. 3.

² Михневич В. О. Наши знакомые: фельетонный словарь современников. СПб., 1884. С. 156.

³ Из воспоминаний Василия Ивановича Немировича-Данченко о Некрасове / публ. С.Макашина. М., 1949. С. 151. (Лит. наследство. Т. 50).

⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 12. М.: Худож. лит., 1971. С. 221–222.

⁵ Немирович-Данченко В. И. Год войны: дневник русского корреспондента. 1877–1878. Т. 3. СПб., 1903. С. 127.

⁶ Там же. С. 4.

⁷ Немирович-Данченко В. И. После войны: очерки и впечатления русского корреспондента в освобожденной Болгарии. СПб., 1880. С. 1.

⁸ Немирович-Данченко В. И. Годы войны. С. 16.

⁹ Там же. С. 61.

¹⁰ Там же. С. 119.

¹¹ Бахтина Е. Б. В. И. Немирович-Данченко и общественность Болгарии // Болгарская культура в веках: тезисы докл. науч. конф. Москва, 26–27 мая 1992 г. М., 1992. С. 111.

A. A. Kulagina

St Petersburg State University

V. I. NEMIROVICH-DANCHENKO'S PUBLICISM DEVOTED TO THE RUSSO-TURKISH WAR 1877–1878

V. I. Nemirovich–Danchenko (1844–1936) — one of the most famous in pre-revolutionary Russia professional military correspondents, writer, ethnographer and traveler. At that time, when the Russo-Turkish war starts he becomes well-known.

Keywords: V. I. Nemirovich–Danchenko, the Russo-Turkish war 1877–1878, military correspondent.

Г. В. Куличкина

Пермский государственный национальный исследовательский университет

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ЧЕЧНЕ И ПРОБЛЕМА ФАКТА И ПРАВДЫ ЖУРНАЛИСТСКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ ПЕРМСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ 1995 ГОДА)

Исследуется проблема правды и факта в публицистике на материале пермской региональной прессы 1995 г. о боевых действиях в Чечне. Выявляется степень объективности текстов региональной прессы о боевых действиях в Чечне, ставших частью новейшей истории России.

Ключевые слова: Чечня, 1995 г., правда, факт, журналистский текст.

© Г. В. Куличкина, 2015

Правда и факт как одни из основных понятий журналистского текста всегда были в центре внимания ученых и широкой общественности. Интерес к ним усиливался в переходные периоды, при смене исторических парадигм, в процессе обновления концептуальных смысловых структур журналистской деятельности. В своем анализе правды и факта в пермской региональной прессе 1995 года мы опираемся на теоретико-методологические основы изучения представлений о правде и факте прежде всего в трудах ученых 1900–2000-х годов: Н. Д. Арутюновой, Н. С. Рыбакова, Г. Я. Солганика, С. И. Сметаниной и др. Используются понятия «фактуальная картина мира» (Н. С. Рыбаков), «факт как человеческий документ» (Л. Я. Гинзбург), «факт — образ» (М. И. Стюфляева), «правда» как отношение между действительностью и формами ее словесного воспроизведения (Н. Д. Арутюнова).

Для большинства россиян конфликт в Чечне, переросший в боевые действия к концу 1994 — началу 1995 г., оказался непонятным и воспринимался неоднозначно. Центральные массмедиа в отношении событий в Чечне той поры давали разноголосицу мнений, в которой проявлялись правды многих социальных групп: демократов, «державников», патриотов, радикалов¹. Региональные издания в первые дни 1995 г. перепечатывали официальные материалы ИТАР-ТАСС, в которых причины боевых действий не объяснялись, необходимость их не доказывалась. Умалчивались поначалу и факты тяжелых потерь, которые понесли в первых боях с чеченскими формированиями российская армия и внутренние войска. Пермская пресса не была исключением. Публиковались краткие хроникальные заметки, констатирующие свершившиеся факты боев, количество уничтоженной техники, боевиков; сообщения из пресс-службы правительства РФ об успехах в чеченской операции.

Неполнота фактуальной картины мира давала ощущение подобия правды, и это удовлетворяло до той поры, пока в Пермский край не стали приходить «грузы-200» (цинковые гробы с телами погибших в Чечне) и «похоронки» родителям детей, скоропостижно ушедших в мир иной. Возникла острая потребность в дополнительных знаниях о событиях в Чечне, потребность в правде, включающей в себя не только сухую отчетность, но и

подробную картину обстоятельств, при которых происходили боевые действия, объяснения смысла событий, в результате которых пролилась кровь конкретных людей.

В Пермский край скорбные вести из Чечни начали поступать с половины января 1995 г., и с тех пор тема боевых действий в Чечне становится сквозной в ведущих пермских газетах «Звезда», «Пермские новости», «Вечерняя Пермь». Наибольшее количество материалов о первом периоде Чеченской войны в пермской прессе было опубликовано в январе, феврале и марте 1995 года. Материалы на эту тему, как правило, были первополосные, порой тема продолжалась на внутренних или на последней страницах номера под рубриками «В горячих точках» в газете «Пермские новости» или «Чечня — боль общая» в газете «Звезда». Там же появилась рубрика «Горячие телефоны» для связи с представителями Вооруженных сил РФ родителей тех, чьи сыновья-призывники пропали без вести. Появились изменения в региональной информационной политике по отношению к «чеченским событиям». Отныне материалы ИТАР-ТАСС дополнялись местной информацией на ту же тему. Типичным примером служит первая полоса газеты «Звезда» от 1 февраля 1995 г. В колонке слева была дана подборка новостей от журналиста Николая Кузнецова под общим названием «Вернет ли Дудаев матерям сыновей?». В ней сообщалось о взятии боевиками в плен двух пермских солдат; о срочном выезде в Москву матерей этих солдат за счет Пермского облвоенкомата; об увеличении списка погибших в Чечне пермских земляков до 13 человек, а раненых и больных — до 34. В рубрике «Пресс-факт» в правом верхнем углу газетной полосы дано извещение о падении курса национальной валюты и признание помощника президента А. Лифшица: свою роль в этом сыграли и «чеченские события». В той же колонке под рубрикой «Коротко» дано сообщение о заявлении на пресс-конференции с журналистами депутата Государственной Думы от Пермской области Виктора Похмелкина о том, что «окружение Президента затеяло чеченскую операцию главным образом для того, чтобы поднять рейтинг главы государства». И внизу страницы «подвалом» под рубрикой «Чечня — зона боев» был представлен репортаж с места событий специального корреспондента «Звезды» Вальдемара Пырсыкова

«С войной покончили мы счеты?» Окончание его предлагали дочитать на второй странице (Звезда. 1995. 1 февр. С. 1–2). Таким образом, только с помощью совокупности фактов (региональных и общероссийских), сведений из разных источников об одном и том же событии (официальные сводки, мнение депутата Государственной Думы, отклики из глубинки Прикамья, репортаж с места событий) возникала многосторонняя картина происходящего. Благодаря верстке на полосе возникал образ масштабных действий, влекущих за собой трагические последствия как для страны, так и для каждого жителя России.

Гибель земляков в далекой республике повлияла на форму подачи оперативного отклика. Традиционная опора на жанры некролога или новости с комментарием осуществлялась с нарушением одного из основных правил информационной заметки — нейтрального стиля речи. Пермские журналисты «впустили» в свои тексты эмоции матерей, отцов, друзей, товарищей по работе. Они преобразовали «сухую» информацию в «человеческий документ» (выражение Л. Я. Гинзбург). Знания о фактах боевых действий в Чечне дополнились правдой чувств скорбящих. Таковы заметки «А сыновья уходят в бой» Т. Яковлевой, «Будем честными. Хотя бы на войне» С. Жолобовой (Пермские новости. 1995. 13 янв.), «Черный тюльпан — символ печали» В. Пырскова (Звезда. 1995. 13 янв.), «Возвращаясь, сынок» Г. Трясына в «Звезде» (Там же. 3 февр.). В них активно использовались экспрессивные стилистические средства, в том числе метафоры: «черный тюльпан» (так называли самолеты с «грузом -200), «материнский десант», «материнская разведка», «пули и осколки не щадят материнских сердец»; риторические вопросы, как разговорно-бытовые: «ну зачем же так издеваться над людьми?!», «наши мужья в Чечне, что, только им там умирать?!», «какая, к черту, гарантия?!»; так и публицистические: «И горький встает вопрос — кто следующий? Только кому его задашь? Военному ведомству?.. Президенту? Правительству?», «Сколько их, „Черных тюльпанов“, сегодня в небе России? И когда один из них вновь приземлится в аэропорту Большое Савино?»; употребление некоторых устойчивых словосочетаний и крылатых слов для выра-

жения вполне определенных ассоциаций, как например, цитата из известного стихотворения В. Высоцкого «А сыновья уходят в бой», поставленная в заголовок.

Особого анализа заслуживают публикации пермских журналистов по итогам командировки в Чечню. По типу повествования они тяготеют к художественно-публицистическим и художественно-документальным текстам. Желание вместить как можно больше материала в рамки газетной полосы обусловило обращение к образным средствам выразительности. Образ, как правило, специально не сочинялся, а был взят журналистом из фактуальной картины мира (Н. С. Рыбаков). Журналист в процессе наблюдения осмысливал степень образной природы увиденных фактов, степень их типичности, т. е. то, насколько в том или ином факте как в образе были «сгущены» черты реальной действительности. Одновременно журналисты выбирали жизнеподобный, реалистический способ воспроизведения увиденного и услышанного — с целью быть предельно достоверными, передать максимально полно правду о мире войны.

Типичным примером опоры на факт, который сам по себе несет образный смысл, является очерк «Подарки Чечни» Андрея Никитина (Пермские новости. 1995. 20 янв.). Журналист рассказывает о том, чем его одарили встреченные во время командировки люди (каждая глава репортажа посвящена одному подарку). Он видит, что хотя жители Чечни страдают от потерь и несправедливости, но в них остаются светлые, добрые начала. Некоторые подарки похожи на сувениры: мандаринка от кировского милиционера; пишущая авторучка с часами от Магомеда, владельца дома, где заночевал журналист; осколок пули с армейского поста. Корреспонденту важна память о людях, которые при встрече с ним, чужим для них человеком, сделали жест доброй воли — подарок от чистого сердца. Подарком для души стало предложение журналисту от батюшки местного православного храма, куда он случайно попал, окреститься (и журналист неожиданно для самого себя согласился), вдобавок он получил еще один «подарок» — благословение на благополучный исход командировки. Рассказ о подарках Чечни, начавшись с оптимистической ноты (подарок — это нечто хорошее

и приятное), к концу пути наполняются иной «музыкой»: взрывами шариковых бомб, пулеметным шквалом, стонами жертв. Само слово подарок наполняется многозначным смыслом. Есть подарки, несущие радость, а есть коварные и страшные, есть подарок-пустячок и есть подарок бесценный. Таким бесценным, самым дорогим сердцу журналиста подарком (повествование о нем автор располагает в финале репортажа) оказалось письмо погибшего солдата. «С одной женщиной, муж которой похоронил двух наших ребят, свела меня судьба. Она отдала мне их вещи — нательный крестик, блокноты с наивными солдатскими песнями, письма...» Она же рассказала корреспонденту о том, что одно из писем, смятое и в крови, она нашла зажатым в руке убитого. «Видно, ранен был и, умирая, так прощался с нею», — делает вывод автор.

Горькие «подарки Чечни» заставляют автора дать выход накопившимся чувствам и мыслям: «Всю ночь просидел я над солдатскими бумагами, размазывая слезы и проклиная последними словами идиотскую эту войну и тех, кто ее затеял». Правда личного душевного состояния журналиста, правда «картинок из жизни», которые он показал читателю, проясняли внутренний смысл «чеченский событий».

Когда очерк Андрея Никитина вышел в свет, еще не был узаконен термин Чеченская война. Еще историки не сделали свой вывод о том, что конфликт в Чечне среди других «горячих точек», возникших на окраинах России после распада СССР, единственный в своем роде. Он по характеру ведущихся там действий, по количеству участвовавших в нем людей и экономическим потерям, бедствиям гражданского населения заслуживал право именоваться настоящей войной². Материал А. Никитина «Подарки Чечни» был одним из первых в регионе откровенных журналистских текстов о боевых действиях в Чечне.

Художественно-документальный тип повествования представлен в серии материалов «С войной покончили мы счеты?» Вальдемара Пырскова, опубликованных в «Звезде» в феврале 1995 г.³ Они были поданы большими подвалами с иллюстрациями фотокоров ИТАР-ТАСС. Созданные, что называется, с колес и названные репортажами, они по сути таковыми не являются. По стилю,

сразу скажем, получился своеобразный жанровый конгломерат: элементы репортажа, эссе, сценки в стиле *verbatim* с «окопной» натуралистической агрессивной речью, интервью с разными по социальному статусу и возрасту людьми, выдержки из официальных документов, и цитаты из стихов А. Твардовского, С. Гудзенко, фрагменты из военного музыкального фольклора. Этот микс не являлся изобретением пермского журналиста, скорее, он был одним из проявлений характерной для отечественной журналистики 1990-х годов диффузии жанрово-стилистических средств газетных текстов, которую отмечают многие ученые как результат переходного периода массмедиа от системы советской печати к постсоветской свободе слова. Для нас важно подчеркнуть, что повествовательный «микс» пермского журналиста был насыщен документальными средствами выразительности: даты, цифры, названия городов, предприятий, районов, цитаты из документов чеченского и общероссийского уровней, ссылки на цитаты из московских СМИ. Приведены мнения людей с именами и фамилиями, эпизоды из жизни конкретных солдат и офицеров. Фактуальный образ мира воспроизводился журналистом с предельной (насколько это было возможно на войне) документальной точностью.

Перед Вальдемаром Пырсиковым еще до прибытия в Чечню сама жизнь сразу поставила сложную и высокую задачу — прояснить смысл «странной войны», выявить все за и все против. Она же и подсказала ему и заголовок для будущих материалов. Дело в том, что автор вылетел в Чечню 19 января, в день, когда над дудаевским «Белым домом» был поднят флаг России, и Президент России поздравил министра обороны с успешным завершением масштабной войсковой операции в Чечне. Можно было бы посчитать, что пермский журналист опоздал с вылетом. Но, попав в Грозный, он понял, что нет, не опоздал. Вальдемар Пырсиков, зная официальную версию событий, стал выполнять свой профессиональный долг — собирать информацию и проверять ее. Журналист спускался в окопы российских солдат, вместе с ними шел в простреливаемый Грозненский консервный завод, пробирался в закрытый для журналистов военный госпиталь, военный городок в аэропорту Моздока. Он вел разговоры с опытными российскими солдатами и офицерами, с но-

вобранцами, с чеченскими боевиками, беженцами, солдатскими матерями, местными чиновниками. В первом репортаже преобладают элементы соцопроса, описаны сцены из военной повседневности, иные из которых похожи на эпизоды из фильмов ужаса. Второй репортаж строится как рассказ о том, что такое правда о войне, как его коллегам и ему по крупницам приходится ее собирать; описывается тяжелое ежедневное житие-бытие российских солдат и офицеров. Говорится о лживости российской официальной прессы: «„Российская газета“ на днях опубликовала заявление воинов Объединенной группировки войск в Чеченской республике... клеймящее журналистов и демократов за дискредитацию руководящего состава Вооруженных сил». Он сообщает, что выступления заместителя министра обороны по телевидению о том, что российские солдаты и офицеры в Чечне обеспечены всем необходимым, вызвало у нее (армии) иронический смех. Тут же перечисляет, чего нет в Грозном и о чем не пишет официальная пресса — нет воды, бань, растет число заболеваний чесоткой, гепатитом, растет потребление спиртных напитков во фронтовых частях.

Как поток жизни, льется в его повествовании поток фактов, человеческих признаний и откровений. В беседах с российскими солдатами впервые в пермской региональной прессе возникает тема трагизма борьбы до конца, тема нескорого окончания войны. Многие армейские люди, как и россияне в глубинке, не знают, почему они воюют. Но и уйти с полей войны уже не могут, потому что не могут бросить своих боевых друзей, чувствуют свой долг перед мертвыми товарищами.

С помощью достоверных фактов, подлинных документов, опоры на факты, известные всем, личного опыта (проверено на себе) и критического анализа мнений официальных СМИ, высших военачальников автор нарисовал широкую реалистическую картину жизни на войне, «которую проклинают, которая скоро не окончится, скоро не забудется».

Третий и четвертый репортажи посвящены размышлениям о том, что принесла Чеченская война тем, кто волею обстоятельств оказался в ее пламени. По жанру они похожи на колонку обозревателя, но, словно не доверяя своему мнению, журналист вновь

опрашивает людей. Представлены двенадцать мини-интервью. Их общий итог разноречив и неутешителен: «Погибшим и раненым ныне несть числа»; «Чеченцы? Были и хорошие. Как без этого. Но внучку мою кто до смерти изнасиловал? Они же...»; «А мне здесь нравится... Стреляй да стреляй... И патронов сколько хочешь». Авторский вывод: «Война — это люди. Они ожесточены, окопная грязь, кровь, трупы, гарь от сожженного железа, взаимная ненависть могут превратиться в вековую непримиримость». Второй авторский вывод: война в Чечне — народная трагедия. Воссоздание фактуальной картины мира и человека на Чеченской войне в третьем и четвертом репортажах завершается выходом автора к правде вечных ценностей: «Господи, да все же религии провозглашают, что все люди — братья. Может, прислушаемся к Божьему голосу?» Как напоминание о разрушении человека на войне звучат приведенные автором в финале заключительного репортажа знаменитые строки из стихотворения поэта-фронтовика Великой Отечественной войны Семена Гудзенко «Бой был коротким / А потом / Глушил я водку ледяную/ И выковыривал ножом / Из-под ногтей я кровь чужую...» А с новой строчки от себя лично автор добавлял: «Господи, не ожесточиться бы...»

Литературный образ, данный в стихах, свидетельства участников и очевидцев, авторская публицистика — все это высвечивало нравственный аспект правды о Чеченской войне. Она воспринималась читателем как преступление против духовно-нравственных начал в человеке, как гуманитарная катастрофа.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. В условиях недостаточности информации, получаемой из центральной прессы и российского телевидения о боевых действиях в Чечне, пермская региональная печать в лице областных газет «Звезда» и «Пермские новости» взяла на себя выполнение задачи заполнения информационных лакун. Появление в газетах постоянных рубрик «Чечня — зона боев», «Общая боль — Чечня», «Горячие точки» свидетельствовало о том, что пермские журналисты осознавали социально-политическую, экономическую и социально-культурную масштабность происходящего. Далеко не всем журналистам на страницах пермской прессы удавалось выразить глубокий смысл

и значение факта боевых действий в Чечне, «перевести факт на идею» (В. Г. Белинский), но в лучших материалах, в основном спецкорровских, из Чечни такая цель достигалась. В них была очерчена широкая реалистическая картина боев и военных будней, человеческих лиц и судеб. Опора на факты-образы, документальную основу журналистского текста, художественно-публицистические высказывания открыли читателям правду о бесчеловечности «Чеченской войны», о неприятии ее населением во глубине России, о сложности и долговременности выхода страны из чеченского военного кризиса. Пермская региональная пресса в постсоветских условиях свободы слова проявила гражданскую и профессиональную готовность качественно освещать события всероссийского масштаба, одинаково значимые для аудитории как в центре страны, так и в регионах.

Примечания

¹ Александров А.А. Возникновение и развитие «чеченской проблемы» в конце XX в. в России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 6 (16). С.17–19. URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cacherI1bhPkMyUMJ:cyberleninka.ru/article/n/voznikновение-i-razvitie-chechenskoj-problemy-v-kontse-hh-v-v-rossii+&cd=5&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>

² Там же.

³ Пырсигов В. «С войной покончили мы счеты?» // Звезда. 1995. 1 февр., № 15 (32732); 4 февр., № 17 (22734); 11 февр., № 21 (22738); 18 февр., № 25 (22742).

G. V. Kulichkina

Perm State National Research University

OPERATIONS IN CHECHNYA AND A PROBLEM OF THE FACT AND THE TRUTH OF THE JOURNALISTIC TEXT (ON THE EXAMPLE OF PERM REGIONAL PRESS MATERIALS OF 1995)

The problem of the truth and the fact in journalism on Perm regional press materials of 1995 about military operations in Chechnya is

investigated. Degree of objectivity of texts of the regional press about the military operations in Chechnya which became part of the modern history of Russia comes to light

Keywords: Chechnya, 1995, truth, fact, journalistic text.

Л. В. Лыткина

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС, С.-Петербург

Очерк К. СИМОНОВА «Дни и ночи» (1942)

Статья посвящена анализу поэтики очерка К. М. Симонова «Дни и ночи» (1942). Рассматриваются основные категории художественно-публицистического текста: проспекция, ретроспекция, хронотоп, содержательно-фактуальная и концептуальная информация, художественная деталь, фрагменты-камертоны, сильная позиция текста, способ изложения.

Ключевые слова: журналистика, война, очерк, поэтика.

В годы Великой Отечественной войны в газете «Красная звезда», органе Рабоче-крестьянской Красной Армии, публиковали свои произведения А. Толстой, М. Шолохов, В. Катаев, А. Твардовский. Корреспондентом этого издания был и К. Симонов. На полосах газеты были помещены его корреспонденции, репортажи, очерки «Части прикрытия», «В праздничную ночь», «Юбилей», «Истребитель истребителей» и др. Симонов оставил нам описания подвигов советских людей в дни переломных сражений войны («В Керченских каменоломнях», «Осада Тернополя», «На старой Смоленской дороге»).

24 сентября 1942 г. «Красная звезда» опубликовала очерк К. Симонова «Дни и ночи». Идеино-тематическая оценка произведения представлена в целом ряде исследований истории

отечественной журналистики — в частности, И. В. Кузнецова, Р. П. Овсепяна, Д. Л. Стровского, И. В. Объедкова. Кратко ее можно изложить следующим образом. Тема произведения — Великая Отечественная война, предмет — оборона Сталинграда. Проблематика очерка героическая и нравственная. Идея произведения не выражена непосредственно автором, но она может быть определена следующим образом: война — это тяжелая, опасная работа, которая ведется дни и ночи. Защищая отчизну от захватчиков, человек обретает мужество, учится «науке ненависти», но не считает себя героем; он — рабочий войны.

Между тем вопросы художественного своеобразия, поэтики очерка К. Симонова изучены на сегодняшний день недостаточно. Требуются дополнительные исследования об индивидуально-авторских особенностях построения художественно-публицистического текста¹.

По литературно-родовым свойствам произведение Симонова следует охарактеризовать как объективно-эпический текст, в котором соединены два способа типизации: публицистический, документальный, экспозитивный и трансформативный, художественный.

На документальное повествование указывают реалии места и времени: Сталинград сентября 1942 г., река Волга, улица Ленина, ремонтный завод, пекарня; имена защитников города, их мирные (директор завода, начальник милиции, заведующий кафедрой механического института, мастер инструментального цеха, сталевар) и военные профессии; описание боя у ворот танкового завода отряда ополченцев во главе с Костюченко, Панченко, Поповым, Кривулиным; рассказы о военфельдшере Виктории Щепеня, о сражении с пятнадцатью немецкими танками бронебойщиков Александра Беликова, Петра Самойлова, Ивана Олейникова, Петра Болото. Перед нами документальный рассказ об одном эпизоде Сталинградской эпопеи.

В тексте очерка можно обнаружить и объективно-эпическое начало. Субъективированный повествователь («Я понял, что это правда...», «Я пробую закурить...», «Я отхожу от окна...», «Я не знаю, откуда принесли ее волны...» и т. п.) предлагает в це-

лом спокойное, неторопливое изложение. О событиях нескольких дней и ночей Сталинграда рассказывает человек, который сам является солдатом. Он — военный корреспондент, поэтому много страшного уже видел, выезжая по заданиям редакций на фронт. Но он научился жить на войне. Он повествует обо всем обыденно, без экзальтации, без призывов и лозунгов, без деклараций. Его главная задача — понять и показать защитников города, постичь их настроения, стремления, желания, описать силу их духа. Повествователь не является участником событий. Он наблюдатель; он описывает то, что видит. И хотя в тексте произведения дано слово героям (Виктория Щепеня, Иван Болото), введена их прямая речь, но представлена она в пересказе повествователя, обрамлена его заключениями, обобщениями, выводами.

В. Белинский, выделяя специфику художественного произведения, отмечал, что поэт мыслит образами, он не доказывает истины, а показывает ее. Очерковая же проза допускает и предполагает прямую передачу авторской позиции, его однозначную оценку. «Выход» биографического автора на читателя — это маркер художественно-публицистического текста.

Используя возможности жанра очерка, автор обращается к приему проспекции, катафорическому, движущемуся вперед направлению развития событий сюжета произведения. Это нарушает пространственно-временной континуум, но используется автором сознательно. Таким приемом он предвосхищает будущие события неминуемого поражения фашистов в войне: «Когда через много лет мы начнем вспоминать, и наши уста произнесут слово „война“, то перед глазами встанет Сталинград, вспышки ракет и зарево пожарищ, в ушах снова возникнет тяжелый бесконечный грохот бомбёжки. Мы почуем удушливый запах гари, услышим сухое громохание перегоревшего кровельного железа»; «...в этой квартире жизнь оборвалась на полуслове. Но она должна продолжаться, потому что именно для этого ведь дерутся и умирают здесь, среди развалин и пожарищ, наши бойцы»; «Но жить, сражаясь...так жить можно, так жить здесь нужно, и так жить мы будем, отстаивая этот город».

Обоснованным представляется и обращение повествователя к анафорической, ретроспективной направленности представления событий в Сталинграде. Сюжетное настоящее время сменяет воспоминание о прошлом: «Но этот город уже не тот, каким мы видели его с волжских пароходов. В нем нет поднимающихся веселой толпой в гору белых домов, нет лёгких волжских пристаней, нет набережных с бегущими вдоль Волги рядами купален, киосков, домиков»; «И Волга под Сталинградом — это не та Волга, которую мы видели когда-то, с голубой и тихой водой, с широкими солнечными плесами, с вереницей бегущих пароходов, с целыми улицами сосновых плотов, с караванами барж»; «И там, где когда-то, может быть, стоял милиционер, указывая, где можно и где должно переходить улицу...» Ретроспекция, возвращение к прошлому не уведёт надолго от реального времени действия, но образуют связь с последующим изложением, эксплицитно выраженным повествователем: «Теперь это город дымный и серый, над которым день и ночь пляшет огонь и вьется пепел. Это город-солдат, опаленный в бою, с твердынями самодельных бастионов, с камнями героических развалин». Автор не стремится скрыть смысла изложенного, сам поясняет причину остановки сюжета (т. е. обращения к приему ретроспекции), упрощая читателю истолкование фрагмента, что подтверждает наличие очерковых начал текста.

Специфические признаки жанра находят отражение и в заголовке произведения. Когезия актуализируется в названии очерка. Заголовок требует декодирования. Как и в большинстве своих художественно-публицистических произведений, К. Симонов в очерке «Дни и ночи» отказывается от заглавия-дескрипции. Фрагменты-камертоны текста должны были помочь читателю верно сориентироваться в содержании произведения.

Заголовок очерка служит временно й рамкой, включающей в себя рассказ о жизни воюющего с фашистами города. Все последующие фрагменты-камертоны призваны были представить место действия, состояние описываемого сражающегося города, а главное — людей в этом локально-темпоральном единстве.

Во второй абзац введен следующий фрагмент: «Теперь этот город дымный и серый, над которым день и ночь пляшет огонь и

вется пепел». Он дает представление о состоянии Сталинграда сентября 1942 г., используя хронотоп.

Еще одно уточнение смысла заголовка обнаруживается в следующем фрагменте: «Днем в городе то здесь, то там полыхают дома, ночью дымное зарево охватывает горизонт. Гул бомбежки и артиллерийской канонады день и ночь стоит над содрогающейся землей». Речь идет о сражающемся городе, городе-солдате, городе-бойце, городе-защитнике, без отдыха ведущим битву с врагом.

В тексте актуализируется и прямое значение словосочетания «дни и ночи»: «Ночь. Мы почти на ощупь едем на разбитом „газике“ из штаба»; «Уже совсем светло. Сегодня солнечный день»; «Еще один день, еще одна ночь».

В выражении идеи очерка, формировании его концепта определенная роль отведена художественной детали. Стремление автора к обобщению, несмотря на преобладание в тексте содержательно-фактуальной информации, находит выражение в представлении портретов героев. Они даны в сжатом виде. Подобная редукция обоснована стремлением автора очерка избегать остатков сюжета, передать динамику жизни воюющего дни и ночи города. Так, ряд персонажей показан нам посредством элементов физиогномического портрета: у девушки-военфельдшера «были большие грустные глаза»; «бледные от бессонницы телеграфистки». Встречаются внешние изобразительные детали коллективных портретов защитников города: «Рабочие-дружинники, в пальто и кожанках, перепоясанные ремнями»; «Люди устали, у всех тяжелые, бессонные глаза и свинцовые лица».

Психологический портрет получает лишь один из героев очерка — броневойщик Пётр Болото: «...крепкая, коренастая фигура, открытое лицо с прищуренными, с хитринкой глазами». Описание внешности персонажа очеркист считает нужным подкрепить прямым словом героя («Когда на меня первый танк шел, я уже думал — конец света наступил, ей-богу...»), тем истолковывая его характер. А завершает этот фрагмент авторское заключение, закрепляющее для читателя однозначную оценку персонажа и подтверждающее жанровую характеристику текста: «Пётр Бо-

лото улыбается улыбкой человека, уверенного в правоте своих взглядов на солдатскую жизнь».

Автор очерка обращается и к имплицитной детали, тем раскрывая особенности психики человека, способного в момент смертельной опасности отвлечься от происходящего, вспоминая сущностные для него события или явления. Во время тяжелой ночной переправы через Волгу на перегруженном пароме военфельдшер Виктория Щепеня и редактор газеты «Красная звезда» Вадимов «наперебой вспоминали Днепропетровск, свой родной город». Этого сообщения было бы достаточно для собственно художественного текста; читатель сам вполне справился бы с задачей декодирования психологического состояния героев. Но Симонов пишет очерк, поэтому закономерным становится авторское пояснение: «...чувствовалось, что в сердцах своих они не отдали его (Днепропетровск. — Л. Л.) немцам и никогда не отдадут, что этот город, что бы ни случилось, есть и всегда будет их городом».

Повествователь дает минимум описаний города-бойца Сталинграда. Как правило, они включены в авторское повествование: «Вот уже пристань, крутой подъем в гору и этот страшный запах спаленного жилья. Небо черное, но остовы домов еще черней. Их изуродованные карнизы, наполовину обломленные стены врезаются в небо... развалины домов кажутся зубцами крепости»; «Набережная... остовы сгоревших машин, обломки выброшенных на берег барж, уцелевшие покосившиеся домишки».

Еще менее значительная часть художественного пространства очерка отведена интерьеру: «Мы сидим на наблюдательном пункте в мягких плюшевых креслах, потому что наблюдательный пункт расположен на пятом этаже в хорошо обставленной инженерской квартире. На полу стоят снятые с подоконников горшки с цветами»; «Я отхожу от окна к стоящему посреди комнаты столу. На нем в вазочке засохшие цветы, книжки, разбросанные учебные тетради». Подобное представление не требует авторской дешифровки, ибо читатель знает, что «уже месяц штурмуют немцы город». Но перед нами произведение художественно-публицистической группы жанров, поэтому заключение повество-

вателя, его вывод правомерен: «...как во многих других, в этом доме, в этой квартире жизнь оборвалась на полуслове. Но она должна продолжаться, и она будет продолжаться...»

Анализ структуры текста позволяет установить, что перед нами произведение, ориентированное на экспозитивный тип повествования, при котором выражение авторской позиции, его обобщения, выводы, комментарии, ремарки во многом организуют развитие темы, связывают фрагменты текста, но и тормозят движение сюжета. Авторская точка зрения, его непосредственная оценка описываемых событий значима, влиятельна. Она занимает немалое пространство очерка, что служит еще одним подтверждением жанровой принадлежности анализируемого текста.

Активность биографического автора, выступающего в роли персонажа-повествователя, коммуникативно направлена. Она может быть проиллюстрирована следующими примерами. Так, первый абзац произведения (сильная позиция) представляет собой авторское обобщение: «Тот, кто был здесь, никогда этого не забудет. Когда через много лет мы начнем вспоминать...» и т. д. Связь заголовка и зачина носит факультативный характер. Повествователь предвосхищает сюжетные события; зачин и эпилог меняет местами, использует прием проспекции, уведомляя читателя о будущих событиях.

Следующее авторское отступление-обобщение, останавливающее развитие сюжета, включено в текст после описания жизни защищающегося от врага города и призвано подчеркнуть типологический характер смысла рассуждения: «Да, здесь трудно жить, здесь небо горит над головой... Да, здесь трудно жить в бездействии... И если смерть у нас над головой, то слава рядом с нами: она стала нам сестрой среди развалин жилищ и плача осиротевших детей».

Подобную же роль играет и авторское рассуждение, включенное в текст после рассказа о военфельдшере Виктории: «Я понял, что это правда... Очень страшно в двадцать лет быть уже два раза раненой, уже пятнадцать месяцев воевать... Еще так много впереди — вся жизнь, любовь, может быть даже первый поцелуй, кто знает!»

Аналогичный смысл имеет и авторская интенция после представления Петра Болото: «Разные люди защищают Сталинград. Но у многих, у очень многих, есть эта широкая, уверенная улыбка, как у Петра Болото, есть твердые, спокойные, не промахивающиеся солдатские руки. И потому город дерется, дерется даже тогда, когда то в одном, то в другом месте это кажется почти невозможным».

Для выражения мгновенной реакции повествователя на происходящие события или описываемые явления используются малые вкрапления авторской речи. Например: «...слышится глухая канонада на севере и юге, сухое потрескивание автоматов впереди. Но здесь это называется тишиной, потому что другой тишины здесь уже давно нет, а что-нибудь надо же назвать тишиной»; «...город решили защищать любой ценой, и если эта цена дорога и подвиги людей жестоки, а страдания их несслыханны, то с этим ничего не поделаешь: борьба идет не на жизнь, а на смерть».

Анализ художественного своеобразия очерка К. Симонова «Дни и ночи» (1942) позволил выделить ряд индивидуально-авторских особенностей передачи концептуальной информации о воюющем городе и его защитниках.

Примечание

¹ Текст очерка анализируется по изд.: Симонов К. Дни и ночи // Кузнецов И. История отечественной журналистики (1917–2000): учеб. комплект (учеб. пособие, хрестоматия). М.: Флинта: Наука, 2006. С. 320–327.

L. V. Lytkina

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St Petersburg

ESSAY BY K. SIMONOV “DAY AND NIGHT” (1942)

The article is devoted to analysis of poetics of the essay by K.M. Simonov “Day and night” (1942). Examines the main categories of the artistic-publicistic text: prospection, retrospection, chronotope, content-factual and conceptual information artistic detail, fragments - ‘tuning forks’, a strong position, the way of presentation.

Keywords: journalism, war, essay, poetics.

Н. Г. Патрушева

Российская национальная библиотека, С.-Петербург

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ЦЕНЗУРНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ РОССИИ

В статье рассматриваются принципы организации военной цензуры на территории Российской империи после 1914 г., работы цензурных учреждений и подбора кадров для военно-цензурных комиссий и цензурных комитетов.

Ключевые слова: цензура, военная цензура, цензурные учреждения, цензор.

Введение в действие Временного положения о военной цензуре от 20 июля 1914 г. частично восстанавливало систему предварительной цензуры, отмененной Временными правилами 1905–1906 гг.¹

Военная цензура была призвана «не допускать оглашения и распространения путем печати, почтово-телеграфных сношений и произносимых в публичных собраниях речей и докладов сведений, могущих повредить военным интересам государства». Она восстанавливала предварительный цензурный просмотр произведений печати военными цензорами, не допускала открытия типографий без разрешения военной власти и усиливало наказания за нарушение правил о печати.

Военная цензура устанавливалась в полном объеме или частично. Полная заключалась в предварительном просмотре произведений печати, эстампов, рисунков, фотоснимков, предназначенных для опубликования, а также текстов или конспектов речей и докладов, подлежащих публичному произнесению. Предусматривались также просмотр и выемка внутренних и международных почтовых отправлений и телеграмм. Полная военная цензура могла быть введена лишь в районе военных действий. Ею ведали штабы главнокоманду-

ющих армиями, фронтом и военными округами. Набранные номера периодических изданий в гранках надо было представлять военному цензору в следующие сроки: ежедневные утренние издания за 5 часов до выпуска в свет, ежедневные вечерние — за 2 часа. Их рассмотрение должно было быть закончено: ежедневных изданий утренних — за 3 часа до выпуска в свет, вечерних — за 1 час, еженедельных — не позднее суток, ежемесячных — не позднее трех суток. Частичная военная цензура заключалась в просмотре и выемке внутренних и международных почтовых отправок и телеграмм (вводилась вне районов военных действий). Ею ведали Главная военно-цензурная комиссия, состоявшая при Главном управлении Генерального штаба, местные военно-цензурные комиссии и военные цензоры. Действию военной цензуры не подлежали все правительственные издания и перепечатанные из них статьи (без изменений или сокращений в тексте), все издания академий, университетов и других высших правительственных учебных заведений, все издания, подлежащие предварительной цензуре, отправления и телеграммы, посылаемые лицами императорской фамилии и административными чинами. Военные цензоры руководствовались Перечнем сведений по военной и военно-морской частям, оглашение которых в печати воспрещалось. В него была включена информация о сухопутных и морских силах, личном и командном составе воинских частей, вооружении, снаряжении, довольствии, санитарном состоянии армии и флота, станциях беспроволочного телеграфа, результатах бомбардировок, потерях в личном и материальном составах, шпионах, взрывах, пожарах, эпидемиях и многое другое.

В 1914 г. при Главном управлении Генерального штаба была создана Главная военно-цензурная комиссия. В ее состав вошли: председатель (генерал Генштаба), члены — по одному от Министерства иностранных дел, Военного, Морского, Министерства юстиции и трех от Министерства внутренних дел: один от Главного управления по делам печати, один от Главного управления почт и телеграфов и один от Департамента полиции². Местные военно-

цензурные комиссии учреждались при военно-окружных штабах в составе председателя — штаб-офицера и членов, по одному от Военного и Морского министерств и трех — от Министерства внутренних дел: одного от местных цензурных учреждений, одного от почтово-телеграфного ведомства и местной гражданской администрации. Осенью 1914 г. Военно-цензурная комиссия была учреждена в Петрограде, а весной 1915 г. в Москве³.

Война внесла некоторые изменения в состав и функционирование цензурных учреждений. Обязанности военных цензоров возлагались на членов местных комитетов по делам печати или на лиц, наблюдавших за печатью, а также на чинов почтово-телеграфных учреждений, предварительно проверялась их благонадежность, образование и знание языков. Они должны были следить, чтобы не оглашались сведения, которые могли нанести вред военным интересам государства. В обязанности некоторых цензоров входил просмотр утренних газет (в ночное время) и составление обзоров по важнейшим вопросам для начальника Главного управления по делам печати и министра внутренних дел. Военные цензоры разъясняли правила на встречах с владельцами типографий, книготорговцами, владельцами книжных киосков. В их обязанности входил также просмотр корреспонденции военнопленных. Власти отмечали, что из-за разной степени подготовки и опыта военных цензоров, не было единства в рассмотрении материала по политическим вопросам⁴.

В Петрограде членом местной Военно-цензурной комиссии стал председатель Петроградского комитета по делам печати М. С. Вержбицкий, а главной комиссии — цензор Г. И. Нофаль, затем председатель С. Е. Виссарионов. Обязанности военных цензоров в Главном управлении по делам печати стали исполнять 8 членов Совета: С. Е. Виссарионов, А. М. Андрияшев, Г. И. Нофаль, Н. В. Лебедев, М. С. Вержбицкий, М. И. Макаревский, Н. И. Левитский и С. В. Недачин⁵.

19 ноября 1914 г. в Петроградский комитет по делам печати в качестве военных цензоров, допущенных к участию в заседаниях комитета на правах его членов, на все время действия

Временного положения о военной цензуре были командированы 11 чиновников цензурного ведомства и Министерства внутренних дел: Б. Ф. фон-Блезе, Е. А. Шелехов, А. П. Пассек, А. И. Износков, В. Е. Эльгас, А. С. Лукин, Б. Я. Неелов, Н. Н. Кроун, В. М. Гилис, Б. А. Римский-Корсаков, Я. А. Сретенский. В отчете Петроградского комитета по делам печати за 1915 г. отмечалось, что в Петрограде военная цензура была установлена в полном объеме. Каждый член комитета наряду со своими прямыми обязанностями исполнял и обязанности военного цензора, которым были предоставлены «громадные права». Председатель Н. М. Левитский считал, что деятельность комитета была в значительной степени поглощена деятельностью военной цензуры, которая действовала «достаточно строго»⁶. В марте 1916 г. председатель Петроградского комитета по делам печати сообщал министру внутренних дел о недостаточном количестве цензоров в комитете. Он отметил, что в печати начался «усиленный поход не только против правительства, но и против государственных устоев». По его мнению, 9 цензоров, положенных по штату, не могли справиться со своими обязанностями. Поскольку только 6 членов были знакомы с порядком работы комитета в мирное время, он опасался, что комитет вскоре не сможет функционировать⁷.

От Московского комитета по делам печати в Военно-цензурную комиссию был назначен А. Р. Генц⁸. В комитете обязанности военных цензоров стали исполнять председатель А. А. Сидоров и 5 цензоров: В. А. Истомина, А. И. Вознесенский, Г. Н. Креницын, П. А. Слепцов и А. А. Пашков. Работа начиналась в 6 часов утра и заканчивалась в 3 часа ночи. В августе 1914 г. председатель просил увеличить число военных цензоров⁹.

Отметим, что представитель Военного ведомства всегда присутствовал в С.-Петербургском комитете по делам печати. Например, с 10 декабря 1891 г. эти обязанности исполнял генерал-майор Л. Л. Лобко, 4 марта 1905 г. его сменил генерал-лейтенант К. Н. Дуроп, 19 апреля 1909 г. — отставной генерал Л. Л. Драке. В их обязанности кроме рассмотрения специально-военных изданий входил просмотр статей военного характера, помеща-

емых в универсальных изданиях¹⁰. С 27 марта 1912 г. в состав С.-Петербургского комитета был введен капитан-лейтенант в отставке В. П. Пржиленский (от Морского ведомства). Ему было поручено следить за статьями, касавшимися флота, Морского ведомства и военно-морских вопросов, чтобы в печати не появлялись сведения, содержавшие военные секреты¹¹.

По примеру С.-Петербурга был поставлен вопрос о Московском комитете по делам печати. В декабре 1912 г. Главное управление обратилось в Главный штаб армии с просьбой возложить просмотр выходивших в Москве изданий, затрагивавших вопросы военного характера, на кого-либо из чинов Московского военного округа (эти издания пересылались из Москвы в С.-Петербургский комитет по делам печати). В комитет был назначен генерал-майор в отставке Гадзяцкий (с 11 сентября 1913 г. ему платили по 1800 рублей в год от Военного ведомства). С 11 февраля 1915 г. эти обязанности временно исполнял председатель военно-цензурной комиссии при Штабе округа профессор Александровской военно-юридической академии генерал-майор Добровольский за то же содержание¹².

Отметим, что представители от Военного и Морского ведомств получали от своих министерств вознаграждения в размере по 2400 рублей¹³.

Присутствие представителей министерств в комитетах напоминало возрождение института ведомственных цензур.

В Варшаве Временное положение о военной цензуре было введено с 25 июля 1914 г. В местную Военно-цензурную комиссию был назначен председатель Варшавского комитета по делам печати М. А. Лагодовский. С 6 февраля 1915 г. в Варшавском комитете по делам печати обязанности военных цензоров исполняли: председатель М. А. Лагодовский и 9 членов комитета: В. С. Драгомирецкий, Н. П. Кузнецов, В. У. Трофимович, В. М. Милонов, В. Б. Дедицкий, Ф. Ф. Кулик-Драгомиров, К. И. Бржезицкий, В. А. Петров, А. Б. Эренберг¹⁴.

С 24 июля 1914 г. члену Киевского временного комитета по делам печати А. А. Никольскому было поручено присутствовать

на правах члена в учрежденной при Штабе Киевского военного округа Военно-цензурной комиссии¹⁵. Член комитета по делам печати С. Н. Щеголев был допущен к исполнению обязанностей по военной цензуре¹⁶. В Ростове-на-Дону с 28 июля 1914 г. должность военного цензора занял местный инспектор по делам печати В. А. Канский¹⁷. В Одессе 2 августа 1914 г. от комитета по делам печати в местную Военно-цензурную комиссию был назначен председатель комитета — В. Н. Албранд и инспектор типографий и книжной торговли С. И. Плаксин¹⁸. В Екатеринославе инспектор по делам печати В. Ф. Модль стал исполнять обязанности военного цензора. С 14 августа 1914 г. И. Н. Судаков стал исполнять обязанности инспектора по делам печати и военного цензора в Кутаисе¹⁹. Тогда же в состав Тифлисской военно-цензурной комиссии был назначен председатель Тифлисского комитета по делам печати В. И. Колобов и член комитета М. Мирзаев. Обязанности военных цензоров в комитете исполняли инспекторы по делам печати А. И. Калантаров, Я. А. Гроздов и И. Т. Полумордвинов²⁰.

С июля 1914 г. обязанности ревельского отдельного цензора Г. С. Павловского были переданы в Эстляндское губернское по крестьянским делам присутствие Э. Г. Францу, так как цензор был призван на военную службу²¹.

В Томске с 27 августа 1914 г. обязанности военного цензора были возложены на инспектора по делам печати А. И. Милютин²². 19 сентября 1914 г. в Вильне военными цензорами были назначены 4 члена временного комитета по делам печати: А. А. Кеммерлинг, В. Л. Меллерштейн-фон-Меллер, Ф. А. Малецкий и А. М. Лурье²³. С 26 октября 1914 г. в Харькове военными цензорами стали инспектор по делам печати Я. В. Судаков и его помощник П. А. Линицкий²⁴.

В 1915 г. старший цензор Центрального комитета цензуры иностранной В. К. Боас обследовал деятельность цензурных учреждений в Риге. В его отчете отмечалось, что во время войны деятельность Рижского комитета цензуры иностранной значительно сократилась, так как уменьшился привоз книг из-за границы. Выяснилось, что главной причиной «неудовлетворитель-

ности надзора за печатью» в Риге было недостаточное число военных цензоров. Кроме того, «отсутствие объединения и правильного распределения деятельности» инспекции по делам печати и иностранной цензуры отражалось на «степени тщательности просмотра» материала. Было решено образовать Рижский временный комитет по делам печати для объединения усилий всех цензоров²⁵.

23 января 1915 г. в Риге был образован временный комитет по делам печати, в который вошли все рижские цензоры и инспектор типографий. А в ноябре 1915 г. в Риге проходила эвакуация государственных учреждений. Рижский временный комитет по делам печати был эвакуирован в Москву, некоторые цензоры переведены в цензурные учреждения других городов, а оставшиеся в Риге исполняли обязанности военных цензоров.

В тех местностях, где не было цензурных учреждений, военную цензуру осуществляли чиновники полиции и губернских правлений.

Война повлияла и на содержание обзоров печати, готовившихся в Главном управлении по делам печати для первых лиц страны. Теперь в обзоры дополнительно включались переводы сообщений главных штабов воюющих стран, сведения о передвижениях частей неприятельских армий, сведения о роли государств, сохранявших нейтралитет, данные об экономическом положении стран. Ежедневно обзоры рассылались министру иностранных дел, военному и морскому министрам и их помощникам, главным военным начальникам, председателю Военно-цензурного комитета и другим сановникам.

В августе 1915 г. в Думской комиссии по выработке законопроекта о печати обсуждался вопрос о военной цензуре. В выступлениях, в частности, говорилось о слишком широком и произвольном толковании статей Временного положения, что привело, например, к тому, что в местностях, находившихся вне театра военных действий, неправомерно использовалась предварительная цензура даже не относящегося к войне материала. Из-за цензурного произвола некоторые сообщения, помещавшиеся в провинциальных изданиях, на своем пути из столицы подвергались

четырёхкратной проверке, что, тем не менее, не уберегало издание от взысканий²⁶. Комиссия подготовила законопроект для представления в Думу, который и был утвержден в марте 1916 г.²⁷ Военная цензура устанавливалась в полном объеме на всей территории России. Периодические издания, подлежащие просмотру военного цензора, необходимо было представить в следующие сроки: ежедневные утренние издания в С.-Петербурге и Москве — не позднее чем за 2 часа до выпуска в свет, в других частях империи — с шести часов вечера до часу ночи; ежедневные вечерние издания (повсеместно) — не позже чем за 2 часа до выпуска в свет. Рассмотрение периодических изданий должно было быть закончено: ежедневных — не позже чем спустя 2 часа после получения их военным цензором; еженедельных — не позже суток, ежемесячных — не позже трех суток.

Подчеркнем, что военной цензурой занимались как учреждения по внутренней и иностранной цензуре, так и специально созданные военно-цензурные комиссии. Военные цензоры должны были быть благонадежны, хорошо образованы и владеть языками. Их назначали из чиновников Министерств внутренних дел, морского или военного или из состава цензорского корпуса. В последнем случае обязанности по военной цензуре исполнялись цензорами помимо их основных обязанностей. Обычно военных цензоров не хватало, а прибывшие из других ведомств — были мало подготовлены. Недостаточное число военных цензоров сказывалось на работе. На практике случалось, что Временное положение о военной цензуре трактовалось слишком широко. Военная цензура, как и любая ведомственная цензура, являлась дополнительным барьером между печатью и читателем.

Примечания

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1914. Отд. 1, № 170. С. 2821–2822; № 192. С. 3017–3031; № 203. С. 3095–3098.

² РГИА. Ф. 776. Оп. 23 — 1914. Д. 32. Л. 1.

³ Бережной А. Ф. Русская легальная печать в годы Первой мировой войны. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. С. 63–64.

⁴ Белобородова А. А. Цензура в Курской губернии во второй половине XIX — начале XX в. Курск: Изд-во Курск. ун-та, 2009. С. 122–128, 139.

⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 23 — 1914. Д. 32. Л. 2–39.

⁶ Там же. Оп. 10. Д. 2249. Л. 1, 11.

⁷ Там же. Оп. 23 — 1913. Д. 51. Д. 30об. — 31; оп. 23 — 1906. Л. 10об.

⁸ Там же. Оп. 23 — 1914. Д. 32. Л. 2–39.

⁹ Там же. Оп. 22 — 1914. Д. 172а. Л. 172об.

¹⁰ Там же. Оп. 20. Д. 1223. Л. 3, 9, 12, 17.

¹¹ Там же. Оп. 23 — 1912. Д. 18. Л. 1–7.

¹² Там же. Д. 60. Л. 1, 10.

¹³ Там же. Оп. 23 — 1911. Д. 23. Л. 6об.

¹⁴ Там же. Оп. 23 — 1914. Д. 32. Л. 37.

¹⁵ Там же. Оп. 23 — 1913. Д. 58. Л. 13.

¹⁶ Там же. Оп. 23 — 1914. Д. 32. Л. 39.

¹⁷ Там же. Л. 6.

¹⁸ Там же. Л. 7.

¹⁹ Там же. Л. 18.

²⁰ Там же. Л. 24.

²¹ Там же. Оп. 23 — 1911. Д. 23. Л. 13.

²² Там же. Оп. 22 — 1914. Д. 172а. Л. 197.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 400.

²⁵ Там же. Л. 244–245.

²⁶ Там же. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 582. Л. 9об.–10об.

²⁷ Государственная Дума. IV созыв. Сессия 4: стеногр. отчет. СПб., 1915. С. 3160–3162.

N. G. Patrusheva

National Library of Russia, St Petersburg

The First World War and Censorship institution of Russia

The article considers the military censorship organization principles in Russian Empire after 1914, censorship institution operation principles and recruitment for military censorship commissions and censorship committees.

Key words: censorship, military censorship, censorship committees, censor.

Е. В. Перевалова

Московский государственный университет печати им. Ивана Федорова

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА
НА БАЛКАНАХ 1877–1878 ГОДОВ
В ОСВЕЩЕНИИ «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»
М. Н. КАТКОВА

В статье сделана попытка проследить освещение событий на Балканском полуострове в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в одной из самых влиятельных консервативных российских газет — «Московских ведомостях» М. Н. Каткова. Газета активно защищала права славянских народов Балканского полуострова на независимость, позиционировала Россию как главный оплот славянских народов и православия на Балканах, полемизировала с западной прессой, враждебно настроенной по отношению к России.

Ключевые слова: Русско-турецкая война, Балканский полуостров, «Московские ведомости».

Русско-турецкая война 1877–1878 гг., основные события которой происходили на Балканском полуострове, стала первой крупной военной кампанией, в ходе которой в действующую русскую армию были впервые допущены специальные военные корреспонденты, благодаря чему военные действия широко освещались в отечественной прессе. Военные действия между Российской империей и союзными ей балканскими государствами, с одной стороны, и Османской империей — с другой, стали центром сосредоточения интересов почти всех крупных европейских государств, и их результаты в конечном итоге должны были привести к изменению соотношения сил в Европе. Поэтому Балканы в 1877–1878 гг. стали не только ареной военных действий, но и полем ничуть не менее ожесточенных дипломатических баталий. России приходилось маневрировать между Австро-Венгрией и Великобританией, которые являлись гарантами целостно-

сти Османской империи и отнюдь не стремились к укреплению роли России на Балканском полуострове.

Ожесточенные военные действия на Балканах и напряженная дипломатическая борьба явились предметом информационного противостояния российской и западноевропейской, в первую очередь проправительственной, английской и австрийской прессы. Отдельные эпизоды этого противостояния можно рассматривать как прообраз современных информационных войн, особенно обострившихся в связи с событиями в ходе грузино-осетинского конфликта 2008 г. и современными событиями на Украине.

Вместе с тем роль прессы в освещении событий 1877–1878 гг. долгое время не являлась предметом серьезных научных исследований. В советский период господствовало мнение, что «буржуазно-либеральная и реакционная печать отличалась беспринципностью и угодливостью перед правящими кругами, соответственным был и облик значительной части корреспондентов»¹. В учебниках по истории отечественной журналистики тиражировался собирательный образ газетчика, нарисованный в обличительных очерках М. Е. Салтыкова-Щедрина «В среде умеренности и аккуратности». «Тряпичкины-очевидцы» воспринимались как тип продажного и беспринципного военного корреспондента, представителя воинственно-охранительной печати.

Лишь в 1990-х годах появились работы В. А. Золотарева, С. Б. Белогурова, В. И. Тимофеева, Д. В. Иванова, С. В. Чернопруда, В. Шевцова и др., в которых были переосмыслены роль и значение дореволюционной военной журналистики, рассматривалась роль печати в формировании общественного мнения по вопросам войны и мира, анализировались проблемы военно-информационной безопасности. Однако вклад отдельных изданий в освещение военных событий 1876–1878 гг. до сих пор является недостаточно изученным. В данной статье сделана попытка рассмотреть публикации на данную тему в «Московских ведомостях» М. Н. Каткова, которые в указанный период являлись одной из самых влиятельных консервативных газет.

«Московские ведомости» всегда выступали в поддержку союза России и южнославянских православных народов, неоднократно заявляли о необходимости сплочения и единения всех славянских народов, подчеркивали, что именно «разрозненность, стремление каждой мелкой ветви обособляться, жить узкой, замкнутой жизнью, было причиной слабости славянских племен и подчинением их чужому игу» (Моск. ведомости. 1877. 14 янв. № 11).

Когда летом 1876 г. в Болгарии вспыхнуло антитурецкое национально-освободительное восстание, эта тема вышла в «Московских ведомостях» на первое место. Почти все передовые статьи были посвящены исключительно событиям на Балканах, публиковались корреспонденции собственных корреспондентов из Дубровника, Константинополя, Цетинье, из лагеря сербских повстанцев при Бабиной Главе и др. В цикле аналитических статей В. В. Комарова на основании статистических данных рассматривались возможные варианты развития событий на Балканах (Там же. 1876. № 159, 160, 161).

В передовых статьях, корреспонденциях, обращениях Болгарского центрального благотворительного общества в Бухаресте рисовалось бедственное положение славянских народов на территориях, находившихся под властью Турции, и звучали призывы помочь «славянским братьям». Комментировались факты жестокости турецких войск по отношению к мирному христианскому населению Болгарии, пренебрежения международными законами со стороны турецкого правительства, приводились факты обстрела турецкими войсками сербских перевязочных пунктов, уничтожения мирных жителей. Например, под названием «Из Константинополя» были опубликованы дорожные заметки туриста, который под видом турецкого чиновника с риском для жизни в августе — сентябре 1876 г. объехал территорию военных действий. В заметках приводилась статистика убитых и замученных славян, количество сожженных домов мирных жителей, указывалось на примеры нечеловеческой жестокости турок по отношению к христианам (Там же. № 288–290). Сильное впечатление производили свидетельства болгар, побывавших в турецком пле-

ну, например, показания иеромонаха отца С., в которых живописалась картина истязаний узников турками (Там же. № 329).

«Московские ведомости» призывали к активной поддержке восставших, много писали о добровольческом движении в России, открыли сбор пожертвований в пользу славянских народов Балканского полуострова. В рубрике «Пожертвования в пользу бедствующих в Турции славян» публиковались отчеты о суммах поступивших в газету пожертвований, сообщалось об отправляющихся на Балканы добровольцах, формирующихся санитарных отрядах, о благотворительных подписках и т. д. Уже к октябрю 1876 г. в контору редакции в пользу славян было передано более 65 тыс. рублей (Там же. № 267, 19 окт.).

Из номера в номер печатались сообщения Славянского благотворительного комитета, Общества попечения о раненых и больных воинах, речи И. С. Аксакова — председателя Славянского комитета, письма, послания и телеграммы сотрудников благотворительных миссий, агентов славянских обществ и т. д. Эти публикации поддерживали и стимулировали общественную активность, вовлекая в благотворительную деятельность широкие слои населения.

В трагических событиях на Балканах «Московские ведомости» обвиняли не только Турцию, но и в первую очередь европейские страны. Газета утверждала, что пассивность европейских держав и «снисходительность» в отношении Османской империи являются главной причиной того, что турецкое правительство чувствует свою безнаказанность и поощряет на территориях, занимаемых христианскими народами, зверства и жестокости, массовые убийства мирного населения (Там же. № 207, 15 авг.).

«Московские ведомости» вели ожесточенную полемику с правительственной английской и австрийской прессой по поводу событий на Балканах и прямо обвиняли английское правительство в поддержке варварского уничтожения Турцией славянского населения Балканского полуострова: «С одной стороны, горсть людей, отстаивающих все, что дорого для христиан, для европейца, для человека; с другой — громадная варварская сила, безнадежный мрак, попрание всего, что есть святого для человеческого

чувства. И что же? Христианские, европейские, гордящиеся своей цивилизацией нации, либералы, рукоплещущие всякому движению под знаменем свободы, трепетно сочувствуют не слабым, угнетенным, не подавленным, а насилию и варварству» (Там же. № 262, 14 окт.).

Проекты урегулирования ситуации на Балканском полуострове, предлагавшиеся западными державами, и в частности проект территориальных изменений, предложенный английской стороной на Константинопольской конференции в декабре 1877 — январе 1878 г., «Московские ведомости» рассматривали как пример «снисходительности европейских стран к Турции» и враждебности по отношению к России. Резко отрицательно оценивая позицию европейских стран, деятельность австрийского министра иностранных дел графа Андраши и представителя Великобритании маркиза Солсбери, «Московские ведомости» справедливо указывали, что свою главную задачу европейская дипломатия видит в том, чтобы не дать России возможности укрепиться на Балканах и перекрыть ей путь к Константинополю и черноморским проливам. Достигнутый на Константинопольской конференции нейтралитет европейских держав, и в первую очередь Англии и Австро-Венгрии, которые после непризнания Турцией решений Константинопольской конференции отозвали своих послов и таким образом формально отказались поддерживать Османскую империю, «Московские ведомости» характеризовали как «мнимый», «сомнительный» и призывали не доверять политике этих стран (Там же. 1877. № 67, 13 апр.; № 134, 2 июня).

Газета решительно настаивала, что «политика уступок и мира», которой до сих пор пыталась придерживаться Россия в своих отношениях с «концертом европейских держав», не способна предотвратить войну, тогда как единственной возможностью избежать военных действий могла бы стать жесткая «политика ультиматума».

Накануне Константинопольской конференции «Московские ведомости» настаивали на необходимости оказать Болгарии немедленную вооруженную поддержку и предлагали незамедлительно

вести русские войска на территорию Балканского полуострова. После конференции «Московские ведомости» настойчиво убеждали читателей, что дипломатические методы решения балканского кризиса себя исчерпали, и «единственной гарантией, единственной надеждой турецких христиан» Балканского полуострова остается русская армия (Там же. № 57, 9 марта).

Не удивительно, что «Московские ведомости» с удовлетворением встретили известие о начале Россией военных действий против Турции. Газета подчеркивала, что действия России на Балканах не имеют каких-либо завоевательных целей и не ставят целью поколебать европейский порядок, а имеют простую, бескорыстную и ясную цель — уберечь братский славянский народ от насилия и уничтожения. Передовые статьи «Московских ведомостей» в первые дни войны приобрели характер воззвания, их отличал эмоциональный, энергичный тон, патриотическое воодушевление, уверенность в правоте России. «Никогда не предпринималась война более правая», — писали «Московские ведомости» после подписания Александром II Манифеста о вступлении России в войну (Там же. № 67, 13 апр.).

Следует отметить, что слово передовых статей редактора газеты М. Н. Каткова не расходилось с делом. Его старший сын П. М. Катков добровольцем отправился на Балканы. В частном письме на фронт М. Н. Катков наказывал сыну: «Не бросайся на смерть из хвастовства, но не бегай ее. Смерть общий удел — кому ранее, кому позднее. ...Поддерживай дух свой святостью долга и величием событий, которых и ты призван быть орудием»². Как представляется, этот факт может свидетельствовать об искренности открыто заявленной патриотической позиции «Московских ведомостей» и ее редактора, о подлинном стремлении внести свой вклад в разрешение кризиса на Балканах.

В оценках современников и историков «Московские ведомости» заслужили упреки в «казенном» освещении военных действий 1877–1878 гг. и «ура-патриотизме». Эти нарекания в основном относятся к корреспонденциям (Там же. 1878. № 4, с. 25, 26 и др.) собственного корреспондента «Московских ведомостей» князя Л. В. Шаховского, находившегося при штабе генерала

И. В. Гурко. Распространению подобной точки зрения в немалой степени способствовало и постоянное подчеркивание в передовых статьях «Московских ведомостей» «небывалого единения между Русским царем и всегда послушным ему народом», публикация патриотических стихотворений Ф. Миллера, М. Юзефовича, верноподданных писем в адрес императора с изъяснениями поддержки позиции русского правительства на Балканах и т. д.

Однако анализ публикаций газеты на военную тематику в период 1877–1878 гг. демонстрирует, что в целом газете был чужд как самоуверенный, «шапказакидательский» подход к военным действиям, так и казенный патриотизм. «Московские ведомости» стремились представить максимально полную и многостороннюю информацию с театра военных действий. Газета имела нескольких собственных корреспондентов на Балканах, только в Сербии у «Московских ведомостей» было одновременно до пяти корреспондентов. На основании получаемой от собственных корреспондентов информации «Московские ведомости» имели возможность представить читателям живую, разнообразную и разностороннюю картину того, что происходило на Балканах. И если статьи и корреспонденции Л. В. Шаховского или В. В. Комарова — бывшего начальником штаба Тимоко-Моравской армии носили официальный характер, то материалы других авторов отличались большей наглядностью и образностью, в них содержались детали и подробности, диалоги, придававшие текстам живой и непринужденный характер.

Яркая и достоверная картина военных будней была представлена в талантливо написанных корреспонденциях «Летопись русского сердца» князя В. П. Мещерского (Там же. 1877. № 167, 183, 189, 197, 213). Печатались письма и рассказы воинов, сестер милосердия — непосредственных участников и очевидцев военных действий³. Одновременно публиковались письма собственных корреспондентов из Вены, Бухареста, Берлина, Праги, Плоешти и др., в которых давалась характеристика настроений европейского общества, реакция европейских правительств на события на Балканах и т. п. Корреспонденции сопровождалась публикацией

карт военных действий в азиатской Турции, карт окрестностей и укреплений Карса, Ардагана, Рущука, Шипкинского перевала, схематических чертежей сражений и т. п.

С первых дней войны в «Московских ведомостях» появилась рубрика «С театра войны», в которой перепечатывались сообщения из российских и зарубежных изданий. С нарастанием военных действий ее объемы значительно увеличились, нередко рубрика занимала почти всю вторую полосу газеты. Использование большого количества информации из иностранных источников можно объяснить тем, что корреспонденты иностранных изданий имели возможность получать информацию у высокопоставленных лиц русской армии, тогда как российские журналисты таких привилегий не имели. Количество лиц, имевших право находиться в действующей армии даже в служебных целях, было также ограничено. Как сообщал, например, генерал-майор П. Н. Юшенов, директор Владимирско-Киевской военной гимназии, корреспондент «Московских ведомостей» еще с 1860-х годов, на его просьбу «поехать на месяц в действующую армию, получил от своего начальства уведомление, что отпуска в действующую армию запрещены»⁴. «За неполучением официальных сведений, волей-неволей приходится пробавляться сведениями иностранных газет», — сетовали «Московские ведомости» (Там же. 1877. № 193, 3 авг). При этом московская газета обращала внимание читателей на тенденциозный характер оценок событий на Балканах в европейских газетах. Так, в августе — сентябре 1877 г., после целого ряда неудачных для русской армии сражений, значительное место в передовых статьях «Московских ведомостей» отводилось анализу сообщений иностранной печати, которая с явным удовольствием пыталась представить неудачный штурм Плевны как сокрушительное поражение русской армии, имеющее стратегическое значение и влияющее на исход войны. По существу, это была информационная война, в которой противники России использовали в том числе и методы психологического внушения и убеждения, а иногда и приемы прямой дезинформации и манипулирования.

«Московские ведомости» противостояли воздействию западноевропейской печати и стремились нейтрализовать ее влияние. Неудачи русских войск московская газета рассматривала как временное явление и подчеркивала, что русская армия, несомненно, одержит над турецкими войсками не только военную победу, но и победу духовную, под которой газета подразумевала осознанность приносимых ради победы жертв, понимание русскими войсками целей войны, ее освободительного значения.

«Московские ведомости» отнюдь не преуменьшали размеры потерь русской армии, неоднократно писали о том, какова цена этой войны. Не скрывались недостатки вооружения русской армии⁵, прямо указывалось на безоружность и беззащитность русской войска перед лицом неприятеля, в частности - на недостатки винтовок Крынка, которыми была вооружена русская армия и которые по своим техническим характеристикам значительно уступали винтовкам Пибоди, стоящим на вооружении турецкой армии (Там же. № 299, 2 дек.; № 307, 11 дек.). Резкой критике газета подвергла систему коммуникаций русской армии, способы транспортировки раненых с театра военных действий, снабжение армии продовольствием и обмундированием.

Тем большую ценность, с точки зрения газеты, имели победы русской армии, которая в невероятно тяжелых условиях смогла осуществить переход через Шипкинский перевал и одержать убедительную победу. Этот переход «Московские ведомости» сравнили со знаменитым суворовским альпийским походом. На последнем этапе войны газета активно поддерживала идею о необходимости хотя бы временного занятия русской армией Константинополя и Босфорского пролива. Свою позицию газета обосновывала тем, что в противном случае именно Англия может воспользоваться победой России, чтобы приобрести господствующие позиции на Балканах (Там же. 1878. № 44, 15 февр.). В канун заключения Сан-Стефанского мира «Московские ведомости» требовали от российской дипломатии жесткости в отношениях с европейскими союзниками, подчеркивали, что лишь отказ идти на уступки европейским державам позволит России сохранить

лидерство и упрочить свое положение на Балканах. Передовые статьи газеты звучали как призыв к решительному действию: «Нет, нам нечего озираться по сторонам, нечего опасаться коалиции. Политическое положение благоприятствует нам, если только мы сами не испортим его. Нам стоит только фактически показать, что угрозы нас не пугают, и они сразу умолкнут. К решительному противнику придираться труднее, чем к тому, кто колеблется. Государственная физика учит, что не слабостью и податливостью государства обеспечивают себе мир, а решимостью и готовностью принять любой вызов» (Там же. № 46, 17 февр.).

Информационная насыщенность, оперативность публикуемой информации, патриотическое одушевление, свойственное большинству материалов «Московских ведомостей», способствовало авторитету и популярности издания не только среди гражданского населения России, но и в действующей армии. По свидетельству современников, номера «Московских ведомостей» «с приходом поездов нарасхват раскупают по 15 копеек, так что из сотни номеров через 10 минут нет номера»⁶. Значительна роль газеты в формировании патриотических настроений в России, организацию добровольческого движения в поддержку освободительной борьбы славянских народов Балканского полуострова, стимулирование общественной активности и благотворительности, а также вклад в формирование общественного мнения на Западе, благоприятного действиям России на Балканах.

Примечания

¹ Бушмин А. С., Соколов Н. И. Комментарии к циклу очерков «В среде умеренности и аккуратности» // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. 12. М.: Худож. лит., 1971. С. 671.

² НИОР РГБ. Ф.120 (Катков). К. 54. Ед. хр. 11.

³ Дело на Буджаке: рассказ участвовавшего // Моск. ведомости. 1877. № 161, 29 июня; Из письма сестры милосердия // Там же. № 216, 1 сент.; При переправе (Из частного письма) // Там же. № 167, 6 июля.

⁴ НИОР РГБ. Ф. 120 (Катков). К. 20. Л. 190.

⁵ Попелло-Давыдов М. Я. Где причины наших неудач под Плевной? // Московские ведомости. 1877. № 229, 16 сент.

⁶ НИОР РГБ. Ф. 120 (Катков). К. 20. Л. 190.

E. V. Perevalova

Moscow State University of the press of Ivan Fedorov

THE RUSSIAN-TURKISH WAR
ON THE BALKANS 1877–1878.
ACCORDING TO “THE MOSKOVSKIYE VEDOMOSTI”
OF M. N. KATKOV

In article attempt to track covering of events on the Balkan Peninsula during the Russian-Turkish War of 1877–1878 in one of the most influential conservative Russian newspapers — “The Moskovskiye Vedomosti” M. N. Katkov is made. The newspaper actively protected the rights of the Slavic people of the Balkan Peninsula for independence, positioned Russia as the main stronghold Slavic the people and Orthodoxy on the Balkans, polemized with the western press, hostile in relation to Russia.

Keywords: Russian-Turkish War, Balkan Peninsula, “The Moskovskiye Vedomosti”

Е. Г. Позднякова

Курганский государственный университет

ТЕМА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
НА СТРАНИЦАХ РАЙОННОЙ ПЕЧАТИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ
(«КОЛХОЗНАЯ ПРАВДА», КУРГАНСКАЯ ОБЛАСТЬ)

В статье исследуется специфика звучания темы Великой Отечественной войны в районной газете «Колхозная правда» (Курган, Курганская область) в период 1941–1945 гг., а также подчеркивается важность данной тематики в современных СМИ.

Ключевые слова: история журналистики, Великая Отечественная война.

© Е. Г. Позднякова, 2015

Советская пресса была тем инструментом, который убеждал, мобилизовывал людей на подвиг, самопожертвование, преодоление трудностей. Журналистика должна была разоблачать замыслы врага и поднимать боевой дух советского народа. На службу этой идеологической задаче были поставлены лучшие журналистские и писательские силы, которые талантливо, горячо и искренне писали о подвигах и героизме солдат, о трудностях и мужестве людей, об их стойкости и любви к Родине.

В мае 1931 г. при политотделе Варгашинской МТС вышел в свет первый номер печатной газеты под названием «Колхозный путь». В феврале 1935 года решением бюро Челябинского обкома ВКП(б) газета была переименована в «Колхозную правду». Она стала органом Варгашинского райкома партии и районного Совета депутатов трудящихся.

В годы Великой Отечественной войны «Колхозная правда» становится коллективным организатором, пропагандистом патриотических починов и движений. Из газетных жанров чаще всего используются письма и информации. Обязательным атрибутом районной газеты становятся публикации материалов из «центра», откуда идут все политические «установки».

76-й номер «Колхозной правды» 1941 г. полностью посвящен героическому нападению фашистской Германии на Советский Союз. Опубликованные материалы выходят под общим заголовком: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». Газета печатает текст выступления по радио заместителя председателя Совнаркома СССР и народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова (центральный материал на первой полосе), Указ Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации военнообязанных, Указ ПВС СССР об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения, Указ ПВС СССР об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении в районах военных действий, сводку главного командования Красной Армии за 22 июня 1941 г. и заметку-призыв «Наш ответ обнаглевшему Гитлеру».

Все последующие номера были заполнены открытыми письмами варгашинцев и заметками журналистов, связанными с во-

енной тематикой. Каждый газетный заголовок — это призыв к борьбе: «Сметем с лица земли фашистских варваров!», «Гнездо поджигателей войны будет разгромлено», «Все силы на борьбу с фашизмом!», «С трактора — на танк громить фашистов». Со страниц газеты ведется активная агитационно-пропагандистская работа против захватчиков: «Фашизм — это порабощение народов! Фашизм — это голод, нищета, разорение!», «Уничтожим главаря головорезов Гитлера», «Разгромим фашистских налетчиков!»

В заметке «Патриоты нашей родины добровольно едут на фронт» (№ 77 от 26 июня 1941 г.) говорится, что в Варгашинский райвоенкомат и военный отдел райкома ВКП(б) ежедневно поступают заявления о добровольном зачислении в ряды РККА и отправке в действующую армию. За один день 25 июня 1941 г. поступило 56 заявлений. Среди обратившихся — работники редакции газеты А. Гавриловский, Н. Иванов.

Значительное место на страницах «Колхозной правды» занимают сводки и сообщения Советского информационного бюро, которые рассказывают читателям о положении дел на фронте, о подвигах красных командиров и бойцов. От сообщений ТАСС предвоенного периода эта информация отличается тем, что она стала более развернутой, эмоциональной, имеет четко-направленный пропагандистский характер: «...В боях с германскими захватчиками командиры, бойцы, целые подразделения и части Красной Армии проявляют исключительный героизм, находчивость и отвагу. Н-ский стрелковый полк стремительным ударом выбил немцев из местечка Н, взяв в плен 22 человека. Противник отступил, оставив на поле боя более 700 убитых и раненых... В зенитной артиллерийской части, которой командует полковник Турбин, особенно отличилась батарея лейтенанта Муравьева. Эта батарея один за другим сбила два вражеских самолета „Юнкерс-85“, взяв в плен пять немецких летчиков, в том числе двух лейтенантов».

Под подписью Совинформбюро над вечерними сообщениями печаталась информация о положении на фронтах, о наших трофеях и потерях противника под заголовком «В последний час», а также обзор военных действий за неделю под заголовком «На фронтах Отечественной войны».

В газете публикуются Приказы Верховного Главнокомандующего И. Сталина, адресованные генералам армий. Они издаются и отдельно в формате А4. С периодом раз в две недели делается обзор международных событий. Почти в каждом номере сообщается о событиях за рубежом. В каждом номере печатают информацию и фотохронику ТАСС.

Появляются агитационные плакаты антифашисткой направленности. Первый плакат фотохроники ТАСС «За Родину! За Сталина!» (рисунок В. Иванова) был напечатан 2 июля 1941 г. В № 83 (959) от 11 июля 1941 г. опубликован рисунок художников Кукрыниксы «Беспощадно разгромим и уничтожим врага», в № 97 (973) от 13 августа — плакат работы художника М. Китизарьяна «Вот тебе фашистский гад, вместо хлеба наш снаряд!» — и так практически из номера в номер.

В качестве иллюстраций к сообщениям Совинформбюро печатаются «Окна ТАСС», в частности, картина работы художников Залихмана и Демидова и подпись к ней:

Грозна атака штыковая!
Бегут фашистские войска:
Врагов привычка вековая —
Бежать от русского штыка!

Появляются в газете и литературные жанры. Вот такой «Наказ товарищу» дает в своих стихах житель Варгашинского района Ст. Басков:

...Чтоб при встрече с тобою
Враг от страха дрожал,
Чтобы ты вражью свору
Прямо в сердце сражал...

На страницах газеты можно прочитать стихи учащегося 10-го класса В. Иванова, жителей Варгашей Е. Г. Вайсмана, Виктора Агунькина, А. Кривоногова из деревни Шучье, Михаила Львова и других авторов.

Особое место многие районки тех лет отводили так называемому газетному «фонарю» — тем нескольким строчкам, которые печатались в одном ряду с заголовком газеты и несли в себе важную идеологическую нагрузку. Это были, как правило, высказывания руководителей партии и правительства того времени, призывы, обращенные к различным категориям населения, наиболее важные сообщения Совинформбюро. Впервые такой «фонарь» появился в «Колхозной правде» в декабре 1941 г.

Призывая население к борьбе с фашизмом, газеты не забывали и о необходимости пропаганды среди населения самоотверженного труда во имя будущей победы над врагом. «Всё — для фронта, всё — для победы!» — под этой рубрикой-лозунгом все четыре года войны «Колхозная правда» печатает самые разнообразные материалы своих корреспондентов, бойко пропагандирует, агитирует и организует массы. В сентябре 1941 г. на ее страницах появляются рубрики «На трудовом фронте в нашем районе», «В фонд обороны» и др.

Горячий патриотизм варгашинцев ярко отражается на страницах газеты. Появляются заголовки: «Колхозницы, на трактор и комбайн!», «Женщины выполняют долг перед Родиной», «Сверх плана», «Поможем своим мужьям» и т. д.

Ни один номер газеты не обходится без критических материалов. Преобладает жанр критической заметки, но изредка бывает и фельетон. Так в № 32 за 1942 г. напечатан фельетон И. Коврова «Болтун на трибуне»: «...Курица-то и на гнездо-то еще не садилась, а тов. Маркова уже открыла бойкую торговлю цыплятами... Однако, в сущности дела с расширением производства в промартели „Объединение“, руководителем которой является тов. Маркова, идут очень плохо...» В № 43 опубликован фельетон И. Евгеньева «Трактора подвели». «...Трактора простаивали... а коровы тем временем наслаждались свежим подножным кормом... „Плохи дела“, — решил Дуплякин и, обзрев вокруг, увидел блаженствующих на лугу коров. Зло взяло Дуплякина. „Немедленно в соху этих коров!“. Авторы фельетонов, опираясь на реальные факты, высмеивают словоблудие

руководителей и их неумение правильно организовать производственный процесс.

Актуальными были статьи и сводки соревнований между бригадами, колхозами, районами. Так, в заметке «Перевыполняют задание» председатель колхоза имени Ворошилова Наумов писал, что в колхозе, в бригаде № 1, есть немало колхозников и колхозниц, перевыполняющих на пахоте задание. К таким относятся: Воинков В., Тарасова А., Колмогоров Н. и Кайгородов С. Они взяли на себя обязательство перевыполнять фронтовое задание и вызывали на социалистическое соревнование пахарей бригады № 2.

Еще одной важной составляющей газеты военного периода была публикация писем с фронта и художественной публицистики, которые чаще всего перепечатывались из центральных изданий.

Впервые на страницах «Колхозной правды» документальные очерки о событиях на фронте под рубрикой «С фронтов отечественной войны» появились в конце августа 1941 г. В № 105 (981) от 31 августа был опубликован небольшой очерк майора Н. Самарина «Красноармейская атака». Автор не только излагает факты в виде последовательного описания событий, но и дает подробное описание его участников, что значительно приближает героя очерка к читателю.

Фронтовые очерки — своеобразная «наука ненависти» к фашизму. Ее жителям Варгашинского района преподавали на страницах «Колхозной правды» Юрий Чан («Четверо отважных»), батальонный комиссар К. Забуслаев («Звери в мундирах», «Подвиг Галины Занковской», «Смерть убийцам, насильникам, палачам!»), батальонный комиссар Я. Падорин («Детская каторга»), Н. Петров («Убей немца!») и многие другие.

В годы Великой Отечественной войны почти в каждом номере газеты на второй полосе справа печаталась рубрика «Письмо с фронта». В рубрике печатались письма с фронта и на фронт. Так, в газете от 16 декабря 1943 года напечатано письмо с фронта. Оно адресовано работнице Варгашинской ветеринарной лечебницы Домне Филипповне Нечаевой и ее дочери Галине: «Уважаемая

Домна Филипповна и Ваша дочь Галина Федоровна! Офицерский, сержантский и рядовой состав нашего подразделения решил написать Вам письмо и выразить нашу благодарность за боевые дела вашего мужа и отца Федора Егоровича Попова...» Авторы письма — лейтенанты Стегний и Мизеев, старший сержант Морозов, красноармейцы Клыга, Качуров, Иудин, Бабенков. Благодаря этому письму мы узнали, что красноармеец Федор Егорович Попов честно, самоотверженно выполнял боевые задания командования на фронте, своими боевыми делами завоевал огромный авторитет и уважение среди членов своего подразделения.

Все четыре военных года, изо дня в день, «Колхозная правда» выполняла задачи, поставленные перед ней партией и правительством СССР. Наряду с другими печатными изданиями она была тем инструментом, который убеждал, призывал людей на подвиг, на самопожертвование, на преодоление неимоверных трудностей.

Свое новое имя — «Маяк» — газета обрела 2 марта 1963 г. после объединения Мостовского района с Варгашиным. С марта 1963 года и по сей день газета не меняла свое название.

Как показывает практика, сегодня в основе пропаганды патриотизма и патриотического воспитания лежит постоянное обращение средств массовой информации, всех видов искусства и системы образования России к истории и урокам Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Не составляет исключения и районная газета «Маяк». В редакции газеты нет ни одного журналиста, который бы тем или иным образом в своей работе не касался темы Великой Отечественной войны. Ветеранам войны, труженикам тыла, вдовам погибших солдат, детям войны — всем тем, кого коснулась величайшая трагедия XX в., — посвящены материалы художественно-публицистического жанра: портретные и исторические очерки, блиц-портреты, зарисовки, эссе.

Под рубрикой «К 60-летию Победы» в 2005 г. были напечатаны портретные очерки Н. Бирюкова: «Огненные версты» об участнике войны П. П. Игнатъеве — № 12 (8969), «Труженик тыла» о В. М. Щеголевых — № 29 (8986), «Они приближали Победу»

о труженице тыла, работнице ВЗППСО А. П. Сизиковой — № 35 (8991), «Труженица тыла» о К. А. Семеновой — № 41 (8998), «Радистка Шура» об участнице войны А. А. Никитиной — № 111–112 (9067).

С целой серией исторических очерков выступила на страницах «Маяка» краевед В. Г. Зеленина. В № 99 (8952) и 104 (8954) за 2004 г., в № 3 (8960) и 5 (8962) за 2005 г. был опубликован цикл под названием «Четыре года длился бой...», в котором автор рассказывает о событиях Великой Отечественной войны и осуждает фашизм как политическое, историческое и общественное явление.

В художественно-публицистическом стиле пишет Ф. Баскакова. Очерки этого автора отличаются художественностью повествования. Такой стиль изложения событий автор чаще всего применяет в зачине: «Когда все радиостанции Советского Союза объявили о нападении фашистской германии на СССР, Шурке Гуркину, жителю деревни Трубецкое Половинского района, было всего 14 лет. По малолетству никто его на войну с проклятыми фрицами брать не хотел, а потому помогал Шурка (наравне с другими ребяташками) родной деревне как мог, пока не исполнилось ему 17...» Так начинается очерк «Дошел до Берлина» об А. Б. Гуркине. В лид-абзац очерка «Солдатская вдова» об О. А. Ладиловой вынесена авторская интерпретация событий: «— Пляши, Ольга, тебе письмо с фронта пришло, — весело заявила деревенская почтальонка, размахивая перед женщиной конвертом с синим растекшимся штемпелем в углу. Дрожащими руками, едва сдерживая нетерпение, Ольга стала его распечатывать. Но долгожданного письма в конверте не было, только желтая казенная бумажка, а в ней... Ольга стала медленно оседать на землю, машинально хватаясь руками за воздух, словно подкошенная... И внезапно жуткий вой вырвался из ее груди, возвестив на всю округу о том, что в деревню пришла очередная похоронка...»

Значительное место среди публикаций на тему Великой Отечественной войны занимает эпистолярный жанр — письма в редакцию жителей района о ветеранах войны и труда, а также письма самих ветеранов.

Сегодня, как и в советский период истории нашего государства, перед средствами массовой информации стоит задача быть одним из источников патриотического воспитания в обществе. Деятельность СМИ должна быть направлена «на рассмотрение и освещение проблем патриотического воспитания, на формирование и развитие личности гражданина и защитника Отечества». Поэтому на страницах «Маяка» можно обнаружить большое количество материалов, освещающих различные общественно-значимые мероприятия, которые проводятся в районе с целью патриотического воспитания молодежи и подрастающего поколения. В основном для этих целей журналисты газеты используют информационные жанры: информационные корреспонденции, событийные заметки, мини-обозрения, блиц-опросы, обзоры, репортажи и фоторепортажи. Количество публикаций патриотической направленности значительно увеличивается в преддверии или в канун празднования очередной годовщины Победы. Аналитический жанр также присутствует, но представлен весьма ограниченно — обзорными статьями и комментариями.

Периодическая печать всегда была, остается и, возможно, будет тем институтом, который наиболее живо реагирует на происходящее вокруг, отражает порой едва уловимую динамику событий, сохраняя в памяти людей те моменты, которые впоследствии забываются или же специально «отсеиваются» в угоду конъюнктурным интересам. Именно поэтому материалы данного источника представляются ценными, так как позволяют нам понять, чем «дышало» общество в тот или иной судьбоносный момент прошлого, незаретушированного последующими оценками историков.

Газета — зеркало своего времени, с которым движется и развивается. Не случайно, изучая какой-либо период истории, исследователи обращаются к комплектам газет в поисках на их страницах информации о фактах, событиях, выступлениях, характеризующих время, которое их привлекает. Газета сохраняет аромат времени, которое она отражает.

E. G. Pozdnyakova
Kurgan State University

TOPIC OF THE GREAT PATRIOTIC WAR
ON PAGES OF THE REGIONAL PRESS:
HISTORY AND MODERN AGE
("KOLKHOZNAYA PRAVDA", KURGAN REGION)

Specificity of the topic of the Great Patriotic War in the regional newspaper "Kolkhoznaya Pravda" (Kurgan, Kurgan region) during 1941–1945 is researched in the article, furthermore the importance of this topic in modern media is emphasized.

Keywords: the history of journalism, the Great Patriotic War.

Г. П. Семёнова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Северо-Западный институт управления, С.-Перербург

«ЗА РОССИЮ МЫСЛИМУЮ, ЖЕЛАЕМУЮ И ВОЗМОЖНУЮ»
(ПУБЛИЦИСТИКА Л. Н. АНДРЕЕВА В ГОДЫ ВОЙНЫ
И РЕВОЛЮЦИЙ 1917 ГОДА)

В статье анализируется отношение Л. Н. Андреева к «русской идее», актуализированной Первой мировой войной и революциями 1917 г., а также частично корректируются существующие в специальной литературе представления о его позиции.

Ключевые слова: Л. Н. Андреев, война, революция, патриотизм, «русская идея».

Сложилась традиция рассматривать публицистику Л. Н. Андреева периода Первой мировой войны и революций 1917 года

© Г. П. Семёнова, 2015

как выражение его гражданской и эстетической позиции (Дж. Б. Вудворд, Р. Джулиани, Н. Н. Смоголь, Б. Хеллман, Л. И. Шишкина, С. Ю. Ясенский и др.). Гораздо реже его творчество анализировалось в соотношении с «русской идеей» (Т. А. Нестерова), и потому эта тема нуждается еще не в одном исследовании и в дальнейших уточнениях и корректировке сложившихся представлений.

Известно, что далеко не все одобрили патриотический пафос, с каким Л. Андреев откликнулся на события мировой войны. «Как противна наша присяжная литература, — писала З. Н. Гиппиус. — Завопила, как зарезанная, о войне с первого момента. И так бездарно, один стыд сплошной. Об Андрееве я и не говорю, этот присяжный дурак и бестактник не мог в лужу не сесть... Но Сологуб! Но Брюсов! Но Блок!»¹. Одно из ее стихотворений этой поры называлось «Тише, поэты!». Л. Андреев ответил статьей «Пусть не молчат поэты», считая это долгом и «душевным участием». Своей страстной публицистикой он поддерживал боевой дух солдат и населения, боролся с пораженческими настроениями, призывал к временному прекращению политической борьбы и к единению ради победы. Скоро он стал самым авторитетным публицистом «Русской Воли», наиболее яркие выступления которого перепечатывались отдельно и распространялись бесплатно.

В работах литературоведов Л. Андреев периода войны и революций упоминается в разных сочетаниях с писателями, на чье творчество повлияло кризисное сознание эпохи: с Д. С. Мережковским и В. В. Розановым, с И. А. Буниным и Ф. К. Сологубом, с неославянофилами и т. д. И хотя анализ их публицистики как «концептуального единства»² имеет основания, нельзя забывать, что желавший «быть и идти вместе»³ Андреев неизменно чувствовал себя одиноким в литературе, для многих оставаясь «чужим, мятущимся, умным, но непереубедимым собеседником»⁴. Его периодические сближения с тем или другим кругом литераторов порой вызвали недоумение: почему, например, он примкнул к «Среде», а не к более близким по духу модернистам? Но Андреев понимал, что даже по формальным признакам творчества он нигде не будет до конца «своим»: для декадентов — «презренный

реалист», для реалистов — «подозрительный символист»⁵. Тем более — по духу: «Брюсов и Сологуб и все они глубоко враждебны мне... тем, что... любят то, чего я не выношу или не люблю»⁶. Поэтому и Мережковский был «невыносим». Вряд ли стоит преувеличивать и сходство с Розановым — которого он считал «философским негодяем»⁷ — «в форме выражения» позиций⁸. В «Современном мире» он чувствовал себя «соринкой в глазу» критиковавших его социал-демократов⁹. Все больше углублялось и его расхождение с М. Горьким. Он признавался, что в годы войны со многими был «на ножах». Его возмущали их, как ему казалось, «вялость, нерешительность», непонимание отличий мировой войны от японской¹⁰. Он чувствовал себя «одиноким, как осина на бугре»¹¹.

Конечно, и Л. Андреев бывал парадоксальным и категоричным в оценках, но, как заметил И. Бунин, именно своей «предвзятостью» все они и будут интересны. Раздумья Андреева о «русской идее», о России «мыслимой, желаемой и возможной» несут в себе уроки, значимые и для нашего времени. Недаром Горький называл его человеком «редкой оригинальности, редкого таланта и достаточно мужественным в своих исканиях истины»¹². Писать об Андрееве трудно не только потому, что сложными были эпоха и ее осмысление, но еще и потому, что он сам порой заставляет сомневаться в том, где он «настоящий». Так, свое обращение к теме «война и отечество» он позже объяснил инстинктом самосохранения: чтобы война не оставалась только «красным смехом», лишаящим рассудка¹³. Поверив, мы упростили бы и исказили содержание его творчества и мыслей о России.

В мирное время писатель редко говорил о России и потому многим запомнился не пафосным, а ярким собеседником, с замечательным чувством юмора. Иным предстал он в годы военных и революционных потрясений. «Последнее время я как-то особенно горячо люблю Россию», — признавался он в начале революции 1905 г.¹⁴, а после ее поражения констатировал, что Россия «снова долго будет жить распивочно и на вынос»¹⁵. Именно тогда «скучно и нехотя» заговорив о России, он процитировал строку из стихотворения П. Ф. Якубовича «Родине»: «За что любить тебя,

какая ты нам мать?»¹⁶. Но когда в 1914 г. Германия объявила России войну, он опять произносил «страстные и решительные речи» о России, которую чувствовал «как мать, как что-то живое и личное», — свидетельствует Г. Чулков.

Смысл Первой мировой виделся Л. Андрееву великим и значительным¹⁷. Он был в борьбе мировых демократических сил с германским цезаризмом и деспотией, которая закончится «разгромом всей европейской реакции и началом целого цикла европейских революций»¹⁸. Авангардную роль в этом должна сыграть Россия. Итогом же всех перемен будет образование Соединенных Штатов Европы, в которых его страна займет достойное место. Вот почему он полагал, что эта война «во спасение» и возрождение отечества, и такое понимание стало «организующим для его публицистического творчества первого года войны». Одним из смыслов Первой мировой войны он считал борьбу с «немецким мещанством» и, хотя призывал не забывать великих имен Германии, объявил задачей «особой важности» противопоставить немецкому духу, устремленному к «созданию на земле образцовой тюрьмы», дух русский, стремящийся к «последней свободе, вплоть до анархии»¹⁹. В статье «Перед задачами времени», подняв актуальный вопрос о создаваемом войной духовном вакууме, свои надежды на духовное возрождение России и Европы он связал с воздействием русской культуры и литературы.

Л. Андреев, конечно, знал и не любил слабые стороны своего народа, но ему претила русская страсть к «самооплеванию» и потому не могло быть близким заявление Розанова: «Ну, какой конь Россия, свинья, а не конь... Крупом, задом живёт человек, а не головой». Вывод Розанова парадоксален: «Нам другой Руси не надо»²⁰. Даже Мережковского покорило такое «небывалое» самооплевание: «до этого еще никто никогда не доходил». Для автора «Грядущего Хама» это было не что иное, как «вечная война России с Европою — космического зада с человеческим лицом»²¹. Подобные взгляды — и Розанова, и Мережковского, при всем их различии — были неприемлемы для Андреева. Его отношение к «больным» вопросам военного лихолетья нельзя однозначно объяснить тяготением к «ура-патриотизму», неославянофиль-

ству и национализму, хотя не только Гиппиус казалось, что он и «многие другие осатанели от православного патриотизма»²². Так думал и М. Горький (Новая жизнь. 1918. 17 (30) янв.). Дело, однако, в том, что, хотя «эксцессы национализма» встречаются в публицистике Андреева, национализм он считал враждебным «свободному русскому духу». Тревога о судьбе России и других славянских народов естественно сопрягалась у него с уважением к союзным державам и их народам, с состраданием ко всем, на чью территорию ступил вражеский сапог. Пьесу «Король, закон и свобода» он посвятил Бельгии. Не вписывается в славянофильское представление о «самодостаточности» России и его мечта о Соединенных Штатах Европы. «Ура-патриотизм» же он называл «моветоном»²³.

Отказавшись признать тактику большевиков лишь «курьезным видом революционного фатовства» (Рус. воля. 1916. 23 дек.), Андреев стал одним из самых яростных противников «пораженцев». К тому же он открыто солидаризировался с лидером меньшевиков и «оборонцем» Г. В. Плехановым²⁴, о чем писал в статье «Пусть не молчат поэты», брату, в дневнике, отмечая, что «даже Плеханов со всей его ясностью и безупречностью попал в „патриоты“, черносотенцы и „Смердяковы“»²⁵. Возможно, при этом он думал и о своих критиках. В 1917 г., когда он стал главным редактором, в «Русской воле» было еще раз подчеркнуто, что мнение редакции «совпадает с мнением Плеханова» (Там же. 1917. 8 сент.).

В советскую эпоху пораженческая тактика большевиков оставалась вне критики, что оборачивалось тенденциозной оценкой сторонников защиты отечества в период Первой мировой войны. В известном смысле Г. П. Федотов был прав, когда утверждал, что во время той войны в России «прозевали выветривание русского патриотизма». Он опасался повторения этого во время гитлеровского нашествия. «Если, — писал он, — народ откажется защищать Россию Сталина, как он отказался защищать Россию Николая II и Россию демократической республики, то для этого народа, вероятно, нет возможности исторического существования». В эмиграции этот философ был далеко не единственным, кто понимал: «Там,

где одна из возможностей есть смерть России, расчеты смолкают. Кто не с Россией в эти роковые дни, тот совершает... последнее и безвозвратное отречение от нее»²⁶. Возможно, исходя из подобных соображений, мюнхенский исследователь творчества Андреева, отбросив понятия «квасной патриотизм» и патриотизм как «последнее прибежище подлеца», уверенно относит этого писателя «к числу истинных патриотов» России²⁷.

С конца XIX в. русская интеллигенция активно обсуждала «русскую идею». Для В. С. Соловьева она состояла в обретении социальной Троицы, или единства церкви, государства и обществ; для Д. С. Мережковского — в построении «живой церкви», или религиозного единения интеллигенции с народом. Существует мнение, будто в атмосфере общего религиозного подъема и Л. Андреев «воспринимал политику России в мистическом ключе»²⁸. Но Андреев всегда считал, что «царство человека должно быть на земле», и потому не был склонен взывать к Богу²⁹. Поэтому он оставался чуждым «всей этой схоластически-мистической свистопляске»³⁰ — богостроительству Мережковского, богоискательству Луначарского и Горького, мистике символистов. В качестве одного из аспектов «русской идеи» тогда же обсуждалось положение о «женственности» России, в которое Л. Андреев тоже внес свои коррективы.

Вслед за автором «Утра России», актуализировавшим в общем не новую мысль о том, что «все общественные наши идеалы... суть женские, женственные»³¹, В. Розанов в очередной раз поразил парадоксальным суждением: женское начало России — это признание мужа главой, а жены шейей, при том, что муж «добровольно и счастливо» отдает «господство» только «безвольной», «самой покорной, безропотной» жене³². Таковую женственную пассивность Н. Бердяев назвал гибельной для России «розановщиной», выразив надежду, что «желанным смыслом» войны станет «выковывание мужественного, активного Духа»³³. В отличие от Розанова, женское начало в понимании Андреева было связано в русском характере не с покорностью и пассивностью, а с духовностью и милосердием. В отличие же от Бердяева, он не считал, что для обретения мужественности русскому народу нужна война. Еще в 1912 г., возражая М. Горькому, он писал: «Говори о вар-

варстве, о некультурности, об исторической отсталости народа, но не говори о слабости и пассивности того, кто так действенно, хоть и грубо, создает огромное государство»³⁴. Поэтому вряд ли правомерно объявлять главным лейтмотивом всей его военной публицистики лишь положение о самодостаточности женского начала в русском народе. Позже к признанию присутствия в народном характере обоих начал придет и Бердяев.

Быстрая смена событий, новые проблемы вносили коррективы во взгляды писателя. Долгожданной демократической революции он радовался недолго. Вера в то, что «восстань русская армия... и германцы оказываются между молотом и наковальней» (Рус. воля. 1917. 30 апр.), таяла. Вялая политика Временного правительства, сложное положение и упадочнические настроения в армии и в тылу, активизация пораженческой пропаганды, призывы Ленина к новой революции — всё это вселяло тревогу о будущем России. Статья Андреева «Гибель», отдельно вышедшая с подзаголовком «Что ждет Россию», полна сомнений в осуществлении ею своего предназначения. В его обращении «К тебе, солдат» мольбы и призывы («Восстань же, милый солдат! Поднимись из праха... Очнись!.. Родина умирает, Родина зовет тебя. Встань, милый солдат!») соседствовали с угрозой смертной казни для дезертиров и предателей (Там же. 14 июля).

В статье «К любящим родину» он призывал исторгнуть большевиков «из тела народного» (Там же. 11 июля), а в статье «Во имя революции» требовал «беспощадно уничтожить» творцов бунта. Остро переживая надвигающуюся катастрофу, он почти впадал в истерику: «Мне страшно. Я не могу жить без России. Отдайте мне мою Россию! Я на коленях молю вас, укравших Россию: отдайте мне мою Россию, верните, верните» (Там же. 17 сент.). «Его» Россия — это демократическая республика с ее надеждами на лучшее будущее; это государство, верное союзническому долгу и продолжающее войну до победного конца; это народ, любящий отечество, как мать. Вот как впоследствии описывал эту ситуацию в России У. Черчилль: «По тем ударам, которые Российская империя пережила, по катастрофам, которые на нее свалились, мы можем судить о ее силе... Несмотря на большие и страшные

ошибки, существовавший в ней строй к этому времени уже выиграл войну для России...» — утверждал он и констатировал то, что тогда виделось Андрееву: «На пороге победы она рухнула на землю, заживо пожираемая червями»³⁵.

Предназначая повесть «Детство» для советской печати и желая «реабилитировать» отца, Вадим Андреев объяснил его неприятие Октября любовью к России, которая «делала его близоруким», мешала многое понять, делала его предвидения далекими от реальности³⁶. Действительно, в статье «Путь красных знамен» Л. Андреев наивно рассуждал о послевоенной ликвидации армий и казарм, этих «тюрем милитаризма». Но ведь и главному стратегу социалистической революции казалось, что распространение революций сделает регулярные армии ненужными. Что касается Октября, то, как справедливо заметили составители книги «Леонид Андреев. S.O.S.», писатель «большевистскую революцию как раз понял и именно поэтому её не принял». Не принял, потому что осознал: происходящее «не революция... Это Хаос и Тьма, вызванные войною из своих черных подполий»³⁷.

Некоторые историки литературы привычно повторяют, будто к концу жизни Андреев эволюционировал «от требований активного сопротивления к постепенному уходу в себя»³⁸. Это не вполне точно. Да, «гибель России и революции», у которой, в отличие от бунта, всегда есть «мечта», оказалась для него равносильной «гибели всей жизни»³⁹. Он мучительно размышлял: почему нельзя оставить «мать, которая зовётся родиной, раз стала она шлюхой и тварью продажной»? Конечно, «жаль» Россию, но если бы был «воистину свободен и смел духом... поднял бы крест и пошёл в пустыню»⁴⁰. Это написал в горькую минуту уставший и отчаявшийся человек, недавно обещавший оставаться с Россией, даже если весь мир отвернется от нее.

Но и оказавшись после отделения Финляндии в эмиграции, он продолжал «активно сопротивляться». Публиковал статьи в еще не закрытых петроградских газетах, которые выписывал «пачками», а когда прервалась связь, черпал новости из русских газет, выходивших в Гельсингфорсе. Получив предложение участвовать в антибольшевистской пропаганде, он собирался развер-

нуть ее «во всероссийском масштабе». Однако, будучи обременен большой семьей, потеряв все капиталы, тоскуя о роли, которую играл в «Русской воле», он выдвинул условия, которые были признаны чрезмерными: жалованье в 10 тыс. марок и пост министра просвещения в правительстве Юденича. Главным же было то, что они оставались чужими.

В феврале 1919 г. появилось и было перепечатано в Европе воззвание Л. Андреева к народам Антанты («S.O.S.») с мольбой о спасении России от большевиков, но, в отличие от З. Гиппиус, без выстрелов — одной силой присутствия. Когда и эта надежда рухнула, он «все еще хотел думать, что силою слова можно что-то сделать»⁴¹, готовился к пропагандистской поездке по Европе и Америке с лекциями о большевистской России. Особые опасения у него вызывала «страшная убыль в людях»: «защищая себя, большевизм съел среди рабочих и демократии всё наилучшее, сильнейшее, более других одарённое», — писал он в сентябре 1919 г., за три дня до смерти, В. И. Бурцеву, — «нападая, он съел огромное количество образованных людей, умертвил их физически, уничтожил морально своей системой подкупов, прикармливания». Он хотел верить, что большевики пришли ненадолго, но возвращения к монархии не мыслил: «дурак, мерзавец и мозгляк» был «еще более отвратительным, нежели теперешнее четвероногое»⁴². Желаемой была Россия и без царя, и без большевиков; «освободительница угнетенных народов»; «прекрасная страна добрых, трезвых и сильных людей», несущая в мир духовность; страна, в которой не прекращается культурная работа, а человек обрел достоинство и ценность. Считал ли он такую Россию возможной? Вне всяких сомнений. Краткий срок, отмеренный ему после Октября, вновь стал для него временем «необычайно острого ощущения себя русским»⁴³. И хотя его терзало «сознание унижения русского имени» и России, он говорил, что с гордостью носит имя русского и верит в «грядущую славную жизнь» России⁴⁴.

В течение нескольких лет, насыщенных историческими потрясениями, «русская идея» претерпела у Л. Андреева заметные изменения. Итогом его раздумий о России стало понимание того, что ей «нужны великие реформы»⁴⁵, а «революция столь же малоудовлетворительный способ разрешать человеческие споры, как и война»⁴⁶. В

сегодняшней России по-новому актуальны практически все аспекты его «русской идеи»: возрождение страны как великой державы; сохранение и развитие одухотворяющего потенциала русской культуры; духовное и нравственное восхождение народа; достойное место России в европейском и мировом сообществе... «Такие колоссы, как Народ Русский, не погибают!», — написал он в 1919 г., веря, что «в урочный час» Россия «встанет со своего одра, и выйдет просветленной, и по праву займет свое место среди великих народов мира»⁴⁷.

Примечания

- ¹ Мережковский Д. С. Больная Россия. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С. 212.
- ² Смоголь Н. Н. Кризис сознания и его отражение в русской публицистике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орёл, 2000. URL: <http://www.dissercat.com/> (дата обращения: 05.09.2014).
- ³ Горький и Леонид Андреев. М.: Наука, 1965. С. 314, 555. (Лит. наследство. Т. 72).
- ⁴ Андреев, Вадим. Детство: повесть. М.: Сов. писатель, 1966. С. 37.
- ⁵ Горький и Леонид Андреев. С. 351.
- ⁶ Там же. С. 540.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Нестерова Т. А. «Русская идея» и публицистика Л. Н. Андреева 1910-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ишим, 2007. URL:<http://cheloveknauka.com/> (дата обращения: 05.09.2014).
- ⁹ Горький и Леонид Андреев. С. 552.
- ¹⁰ Там же. С. 546.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 396.
- ¹³ Андреев Л. S.O.S. / под ред. Р. Дэвиса и Б. Хеллмана. М.; СПб.: Atheneum — Феникс, 1994. С. 51.
- ¹⁴ Вересаев В. В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. М., 1985. С. 392.
- ¹⁵ Горький и Леонид Андреев. С. 387.
- ¹⁶ Там же. С. 388.
- ¹⁷ Там же. С. 547.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Розанов В. В. Сумерки просвещения. М., 1990. С. 339.
- ²¹ Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 170, 179.
- ²² Там же. С. 209.
- ²³ Горький и Леонид Андреев. С. 547.
- ²⁴ Семёнова Г. П. Г. В. Плеханов о творчестве Леонида Андреева // Рус. литература. 1970. № 3. С. 139–149.
- ²⁵ ЦГАЛИ. Ф. 11. Оп. 4. Ед. хр. 31.

- ²⁶ Федотов Г. П. Судьба и грехи России: в 2 т. Т. 2. СПб.: София, 1991. С. 123–125.
- ²⁷ Айнгорн Л. Леонид Андреев: человек и писатель. URL: <http://www.russika.ru/ra.php?s=223> (дата обращения: 05.09.2014) . — О традиции русского патриотизма см.: Семёнова Г. П. Русский патриотизм: культурная традиция и современность // Науч. труды СЗАГС.Т. 2, вып. 2. СПб., 2011. С. 267–282.
- ²⁸ Нестерова Т. А. Указ. соч.
- ²⁹ Литературный архив. Вып. 5. М.; Л., 1960. С. 106.
- ³⁰ Там же. С. 109.
- ³¹ Ардов Т. (Тардов В. Г.) Судьба России: избр. очерки. М., 1918.
- ³² Розанов В. В. Сочинения. М.: Сов. писатель, 1990. С. 339.
- ³³ Бердяев Н. А. Русская идея: судьба России. М., 1997.
- ³⁴ Горький и Леонид Андреев. С. 334.
- ³⁵ Черчилль У. О России периода Первой мировой войны. URL: <http://www.russika.ru/ra.php?s=223>
- ³⁶ Андреев, Вадим. Указ. соч. С. 118, 264.
- ³⁷ Андреев Л. S.O.S. С. 10, 347.
- ³⁸ Смоголь Н. Н. Указ. соч.
- ³⁹ О различении им бунта и революции см.: Шишкина Л. И. Писатель перед лицом истории // Науч. труды СЗИУ РАНХиГС. Т. 4, вып. 2 (9). СПб., 2013. С. 225–236.
- ⁴⁰ Андреев Л. S.O.S. С. 106–107.
- ⁴¹ Андреев, Вадим. Указ. соч. С. 241–142.
- ⁴² Андреев Л. S.O.S. С. 33.
- ⁴³ Горький и Леонид Андреев. С. 597.
- ⁴⁴ Андреев Л. S.O.S. С. 344.
- ⁴⁵ Там же. С. 83.
- ⁴⁶ Там же. С. 37.
- ⁴⁷ Там же. С. 344.

G. P. Semenova

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
North-West Institute of Management, St Petersburg

“FOR RUSSIA, CONCEIVABLE, DESIRED, AND PROBABLE”
(SOCIAL AND POLITICAL JOURNALISM
OF L. N. ANDREYEV IN THE TIME
OF WAR AND THE 1917 REVOLUTIONS)

The article is aimed at analyzing L. N. Andreyev’s attitude to “the Russian Idea” and to the theme of Russia, which became important due

to the First World War and the Revolutions of 1917; it also revises some misconceptions about his position, existing in the specialist literature.

Keywords: L. N. Andreyev, social and political journalism, war, revolution, “Russian Idea”, patriotism, nationalism.

О. В. Сляднева

С.-Петербургский государственный университет

ВИЗУАЛЬНОЕ ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ
КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ
В «РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ЛИСТКЕ»

Статья посвящена рисункам, опубликованным в журнале «Русский художественный листок» в период Крымской войны (1853–1856). В то время журнал был единственным иллюстрированным изданием в России. Каждый номер журнала содержал рисунок на тему войны. Большинство рисунков выполнено художником Василием Тиммом — издателем «Русского художественного листка»; многие художники-современники также участвовали в издании. В рисунках читателям были представлены портреты участников войны (не только адмиралов и высших сановников, но и нижних чинов, простых солдат и матросов), места боев, изображения членов царской семьи, принимавших участие в военных действиях.

Ключевые слова: иллюстрированное издание, визуальная информация, рисунок.

«Русский художественный листок» — первое в истории русской журналистики периодическое издание, которое систематически предоставляло читателям визуальную информацию о войне. До появления «Листка» (1851) иллюстрированные периодические издания в России можно пересчитать по пальцам: журналы мод,

© О. В. Сляднева, 2015

«Журнал изящных искусств» (издание Академии художеств), «Художественная газета» Н. Кукольника и А. Струговщикова, «Живописное обозрение» А. Рене-Семена, «Иллюстрация» Кукольника. Но ни одно из них, за исключением последнего, не отражало в рисунках действительных современных событий. Еженедельник «Иллюстрация» первым начал регулярно публиковать рисунки что называется на злобу дня, зарисовки современного быта, однако он прекратил свое существование в 1849 г., так что к началу Крымской войны в России выходило только одно иллюстрированное издание — «Русский художественный листок».

Потребность российского общества в визуальной информации к середине XIX в. была велика, ее остро чувствовал будущий издатель «Русского художественного листка» — художник Василий Федорович Тимм. После окончания Академии художеств он побывал в Африке, во Франции, на Кавказе; привез из путешествий массу рисунков, отражавших современную жизнь. И почти сразу по возвращении в Петербург у него возникла идея иллюстрированного издания. В самом первом номере «Листка» в статье «От издателя» (1851. № 1) издатель сообщил о целях и задачах издания: «Листок» будет знакомить читателей с текущими замечательными событиями в России — изобретениями, достижениями наук, промышленности, искусств, представлять портреты знаменитых людей, виды городов. Автор подчеркнул, что «все художественные произведения, которыми наполнены магазины, почти исключительно привозятся из чужих краев, и публика имеет перед глазами виды чужеземных городов..., портреты замечательных людей иностранных... между тем как свое, русское, остается почти в совершенном забвении».

«Листок» был совершенно необычным изданием. Это действительно был один листок (2 страницы) текста; отдельно от него подписчикам присылали в конверте сложенный вдвое лист с литографическим оттиском рисунка. Можно было заказать нескладываемый рисунок, но это стоило намного дороже. Рисунок был исполнен в два цвета — коричневый и черный, с оттенками, т. е. напоминал рисунок сепией, выгодно отличаясь от черно-белой гравюры, и выглядел очень выразительно.

Текстовый листок содержал одну или несколько статей, а рисунок иллюстрировал один из их сюжетов. Почти всегда рисунок был иллюстрацией к тексту, крайне редко появлялись изображения, не связанные с текстом.

До начала Крымской войны тематика рисунков в «Листке» была разнообразна и целиком, как и было обещано издателем, посвящена российским событиям: открытие Благовещенского моста и строительство Исаакиевского собора в Петербурге, пожар в Большом театре в Москве, Выставка сельских произведений 1851 г., организованная Вольным экономическим обществом в Петербурге, участие России в Первой всемирной промышленной выставке в Лондоне (1851) и посещение русского павильона королевой Викторией и принцем Альбертом и т. п. Постоянная тема — русское искусство, литература, театр: портреты современных писателей, композиторов, актеров, художников.

Жизнь первого лица государства и его ближайшего окружения — эта тема во все времена интересна публике. В редакции «Листка» это отлично понимали, и значительное число рисунков было посвящено хронике жизни царской семьи. Такие рисунки Тимм обычно делал сам. В № 31 за 1851 г. он представил читателем рисунки о поездке Николая I с семьей по новой железной дороге из Петербурга в Москву (поездка в то время заняла 19 часов), изобразив сцену встречи царской семьи главным строителем железной дороги Клейнмихелем, а также интерьер царского вагона. А в № 32 того же года — открытие памятника императору Павлу I в Гатчине. Подписчики «Листка» имели возможность также видеть картину смерти Николая I: император запечатлен Тиммом в кабинете Зимнего Дворца, на походной кровати (1855. № 11). Сцены коронации преемника — Александра II — представлены многими рисунками Тимма (1856. № 35 и др.). В 1857 г. художник зарисовал момент посещения Александром II мастерской скульптора К. Клодта, работавшего над памятником Николаю I (№ 21).

Тема «Император и его семья» — одна из постоянных тем «Листка»: он вел хронику жизни царской семьи, и совершенно закономерно, что на выставке, посвященной 400-летию

дома Романовых (в декабре 2013 г. в Музее истории Санкт-Петербурга), было представлено более пятнадцати рисунков из этого издания.

Особенностью «Русского художественного листка» было безусловное предпочтение событий, представлявших интерес с точки зрения изображения, т. е. таких событий, которые можно было нарисовать, изобразить. События, игравшие огромную роль для России в сфере законодательства, экономики, внутренней политики, но не имевшие какого-то эффектного визуального воплощения, не очень интересовали редакцию «Листка». Например, судьбоносному для России Манифесту 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права «Листок» уделил всего один номер: «Очерк истории крепостного права в России» и самый текст Манифеста заняли 8 страниц (в особых случаях, как видим, текстовая часть «Листка» могла быть расширена), их сопровождали два рисунка на одном листе: «Зала в 1-м Кадетском корпусе, в котором происходили заседания редакционной Комиссии по крестьянскому делу. Рис. В. Тимма» и «Чтение Всемилодивейшего Манифеста 19 февраля 1861 года в Москве в Успенском Соборе 5 марта 1861 г.» (1861. № 20). Событие было подано в «Листке» как эпизод российской жизни.

Необычной была и периодичность «Листка»: он выходил три раза в месяц, по 1-м, 10-м и 20-м числам, и за 13 лет ни разу не отступил от этого графика.

Типологически издание Тимма нельзя отнести ни газете, ни к журналу. По внешнему виду текстовый листок выглядел, конечно, газетой, но в нем отсутствовала такая принципиальная для газеты опция, как оперативность. В «Русском художественном листке» оперативности не было. Довольно большой временной интервал между событием и публикацией определялся прежде всего трудностями литографической печати. Рисунки (и вместе с ними соответствующие тексты) выходили в свет спустя несколько месяцев после события, иногда с момента события проходило более полугода. Публиковать рисунки было не просто не только по техническим, но и по цензурным причинам. Если речь шла о военных событиях или касалась царской семьи, согласований

и разрешений требовалось особенно много. Так, о смерти Николая I, умершего 18 февраля 1855 г., впервые было сообщено в «Русском художественном листке» 10 апреля 1855 г., в № 11, с этого номера издатель, по собственному заявлению, «начинает помещение изображений, касающихся до горестного события, поразившего всю Россию, и с нетерпением ожидаемых всеми подписчиками Художественного Листка»: между событием и публикацией интервал в два с лишним месяца.

То же происходило и с другими публикациями. Между взятием крепости Баязет генералом-лейтенантом Врангелем (19 июля 1854 г.) и публикацией об этом событии в «Листке» (1855. № 1, 1 янв.) — полгода. Донесение настоятеля Соловецкого монастыря архимандрита Александра о том, как 10 июля 1854 г. английские корабли подошли к Соловецким островам, опубликовано в апреле 1855 г., в № 10, т. е. десять месяцев спустя. Так что по оперативности информации «Русский художественный листок», конечно, отставал от других современных изданий — «Санкт-Петербургских ведомостей», «Русского инвалида» и «Северной пчелы», но у «Листка» была своя харизма, своя задача — дать визуальную информацию, и в этой области у него конкурентов не было. Авторами рисунков помимо В. Тимма были художники И. Айвазовский, М. Зичи, А. Боголюбов, П. Соколов, К. Трутовский, М. Микешин и др.

Чтобы осуществить издание «Листка», Тимму нужны были помощники, профессионалы-журналисты. Не будем забывать, что Тимм был художником, рисовальщиком, карандашником. Помощники нашлись — известные и опытные журналисты Н. И. Греч и Ф.В. Булгарин, издатели самой популярной в России газеты «Северная пчела», хорошо умевшие улавливать и отражать в газетных материалах правительственные предпочтения и конъюнктурные изменения, известные своей чрезмерной приверженностью всему исходящему от престола. Они и определяли идеологию «Листка», и эта идеология была официально-патриотической, полностью совпадала с идеологией правительства.

Главным событием, отраженным в «Русском художественном листке» и принесшим ему огромную популярность, стала Крым-

ская война (1853–1856). Рисунки военной тематики в издании можно разделить на три категории: 1) портреты участников войны («Листок» в течение всех военных лет помещал портреты генералов, офицеров, низших чинов и изображения боевых подвигов солдат, матросов и офицеров. Благодаря «Русскому художественному листку» Россия знала в лицо своих героев — адмиралов П. С. Нахимова, В. И. Истомина, В. А. Корнилова, генерала Э. И. Тотлебена. Не только русские военачальники были представлены в издании, но и неприятельские адмиралы, дипломаты, ведущие политики); 2) изображения крепостей, городов и селений, где происходили военные действия («Листок» постоянно публиковал рисунки укреплений, городов и селений, где происходили бои: Синоп, Севастополь, Карс, Баязет. Такие изображения делали более наглядными представления читателей о текущей войне; 3) сюжеты с участием членов императорской семьи на театре военных действий.

Первый период Крымской войны (ноябрь 1853 — апрель 1854 г.), когда противником России была только Османская империя (Турция), был удачным для России, главным ее событием стало Синопское сражение 18 ноября 1853 г., когда адмирал Нахимов разгромил турецкий черноморский флот. Публикации об этом появляются в «Листке». В № 1 (1 января) 1854 г. помещен рисунок А. Боголюбова: «Истребление турецкой эскадры адмирала Осман-Паши при городе Синоп, эскадрой Черноморского флота, под командою вице-адмирала Нахимова 18 ноября 1853 г.» В № 2 (10 января) 1854 г. «Листок» помещает несколько рисунков И. Айвазовского, вернувшегося с театра военных действий: портрет Османа-паши, вице-адмирала и командующего турецким флотом при Синопе, который раненым был взят в русский плен, и Адим Бея, командира фрегата «Фазли-Аллах», также плененного в ходе Синопской битвы. А в следующем номере (№ 3 от 20 января) читаем перепечатку из «Северной пчелы» о том, что «герой победы, Нахимов, с которого Айвазовский хотел нарисовать портрет, не позволил того, и держит себя простодушно скромно. «Не важность, говорит он, побить турок; иное дело, если б были вместо них другие (т. е. французы и англичане. — О.С.)» Победы

русского флота представляет своим читателям «Листок» в первые месяцы 1854 г., причем многие рисунки сделаны самим Тиммом.

Интересно, что журналистский талант Тимма проявился и в выборе сюжетов: он не просто рисует портреты участников войны, береговые укрепления, корабли, но и выбирает момент героических действий солдат или офицеров и делает к рисунку небольшую поясняющую подпись — и получается настоящий репортажный рисунок. Например, в № 8 за 1854 г. опубликован рисунок, где изображен драматичный момент сражения при Ольтенице 23 октября 1853 г.: раненый знаменосец падает, а идущий рядом солдат перехватывает у него простреленное в клочья знамя. Подпись следующая: «Знаменщик Андрей Снозик 2-ой Гренадерской роты унтер-офицер... получил сильную контузию и упал со знаменем. Тогда другие подскочили к нему и хотели взять знамя, но Снозик, поднявшись, сказал: „Пока жив, никому знамени не отдам“».

В № 11 за 1854 г. описано сражение при селе Четати 25 декабря 1853 г., помещен рисунок Тимма со следующей подписью: «Прапорщик Тобольского пехотного полка Кудрявцев с рядовым 10-ой мушкетерской роты Иваном Куцы и 9-ой мушкетерской роты Данилом Беном, вбежав в церковь и застав, что несколько турок зарезали уже священника и срывают с образов украшения, бросились на них и всех перекололи».

В № 13 за 1854 г. Тимм публикует рисунок, где изображен молодой подпрапорщик Андронников, который в сражении под Баш-Кадык-Ларом 19 ноября 1853 г. выносит с поля боя раненого однопольчанина.

Второй период войны, с марта 1854 г., когда в войну вступили Англия и Франция, был для России неудачным, серьезное поражение русская армия понесла в сражении на реке Альма, закончившемся сдачей Евпатории, а с октября 1854 г. началась 11-месячная осада Севастополя. Крепость защищал гарнизон моряков и солдат под руководством адмиралов П. С. Нахимова, вице-адмирала В. А. Корнилова и контр-адмирала В. И. Истомина. Все они погибли и похоронены в крепости, в недостроенной церкви Святого Владимира (рисунок Тимма в № 26 за 1855 г.). В течение этих месяцев, начиная с № 32 за 1854 г., «Листок» публикует рисунки Се-

востополя, Балаклавы, Малахова кургана, портреты адмиралов и рядовых защитников Севастопольской крепости и младших офицеров — матросов Кошки, Зубова, Кузменкова, лейтенанта Бирюлева. Наряду с некрологами о погибших адмиралах помещены их подробные жизнеописания, отчеты военных медиков о последних минутах их жизни и, конечно, рисунки. Так, в № 24 за 1855 г. находим рассказ «О геройской смерти контр-адмирала Истомина», где говорится о том, что адмирал Нахимов уступил убитому контр-адмиралу приготовленное для себя место близ могилы погибшего ранее Корнилова, а уже в следующем № 25 читаем «О ранении и смерти адмирала Павла Степановича Нахимова», и к номеру приложен ставший знаменитым рисунок Тимма «Нахимов. С натуры. Севастополь». В № 26 — рисунок с натуры Тимма «Могила адмиралов М. П. Лазарева, П. С. Нахимова, вице-адмирала В. А. Корнилова и контр-адмирала В. И. Истомина».

Что касается характера освещения событий войны, то он в «Листке» был традиционным для российской печати: традиция заключается в безоговорочной поддержке и одобрении политики правительства, в восхищении действиями российской дипломатии, мудростью генералитета и изредка в признании героического поведения нижних чинов армии. Никогда не обсуждались цели войны (для России это была война за влияние на проливах Босфор и Дарданеллы, т. е. война за утраченный международный авторитет России, — цель, не слишком близкая и понятная русскому народу), не обсуждались и не оценивались тактика и стратегия военных действий; не обсуждалось соотношение потерь с целями войны. Разумеется, не обсуждалась огромная проблема Крымской войны — казнокрадство, воровство, коррупция на всех уровнях, которые держали армию в бедственном, голодном состоянии. Таких проблем российские газеты, конечно, не касались. Бодро описывали боевые действия армии, восхищались героями Севастополя, умилялись присутствием сыновей Николая I — Николая и Михаила — на театре военных действий. «Листок» представлял войну как серию успешных действий командования и армии, не взирая на чудовищные неоправданные потери и поражения.

Поскольку во время войны военная информация проходила под особо строгим надзором цензуры, «Листок» Тимма часто заимствовал тексты из других изданий: из «Северной пчелы», «Санкт-Петербургских Ведомостей», «Русского инвалида», «Морского сборника».

С № 13 за 1856 г. «Листок» начинает публиковать серию иллюстрированных материалов, посвященных Парижскому миру, где воюющие стороны договаривались об итогах войны. Это был невыгодный для России мир, позже его стали называть позорным. Главный итог: Парижский трактат запрещал России иметь в Черном море военный флот и иметь по берегам военные укрепления, а контроль над проливами оставался у Османской империи. Россия войну проиграла. Но страна вздохнула с облегчением, потому что это был конец войны, так что и невыгодный мир воспринимался обществом весьма позитивно. «Листок» вместе с текстом Парижского трактата опубликовал портреты уполномоченных от России представителей на Парижской конференции генерала-адъютанта А. Орлова и тайного советника барона Ф. Бруннова (№ 13), портреты всех уполномоченных от Франции, Англии, Австрии, Пруссии, Османской империи и Сардинского королевства (№ 14), изображение зала в Доме Министров иностранных дел в Париже, где проходила конференция (№ 13), парад в Париже в честь заключения мира, где во главе процессии едут верхом Наполеон Ш и граф Орлов (№ 15). Визуальная информация такого рода была безусловно интересна читающей публике.

Интересен феномен рисунков «Русского художественного листка» в контексте уже появившейся фотографии (изобретенной французом Дагерром в 1837 г). В 1840-х годах фотографические снимки продавались в российских книжных магазинах и воспринимались публикой как заграничная диковинка. В российских периодических изданиях фотографии появятся очень нескоро. А в Европе фотография развивалась быстрее, в 1855 г. в Лондоне было создано Фотографическое общество, и весной того же года в Севастополь приехали английские фотографы Роджер Фентон и Джеймс Робертсон, они сделали много снимков военных укреплений, в том числе и Малахова кургана после его сдачи русской армией, много портретов ан-

глийских и французских солдат и офицеров. Позже Крымскую войну снимали также французы Дюран-Бранже, Фредерик Мартенс, Жан Лаглуа. После войны наборы их фотографий продавались в европейских столицах. Безусловно, Тимм следил за этим новшеством; возможно, чувствовал в нем конкурента, и, конечно, понимал будущие возможности фотографии. Несколько раз Тимм пользовался фотографиями для презентации событий, визуальных свидетельств которых он не имел: в № 28 за 1855 г. он опубликовал фотографии (напечатаны они были тоже в технике литографии) представителей Российской империи на Венских конференциях (по Молдавии и Валахии), — тайного советника князя А. Горчакова и тайного советника В. Титова. В подписи сообщалось: «С фотографий, доставленных из Вены А. Н. Демидовым».

Значение «Русского художественного листка» для российской читающей публики было огромно. При полном отсутствии в то время визуальной информации появление иллюстрированного издания, стремящегося к презентации наиболее значительных для России событий, позволяло читателям яснее «видеть картину мира»: в мирное время содержанием «Листка» были российские реалии в области градостроения, искусства, общественной жизни, а в годы войны он регулярно представлял своим подписчикам важнейшие события с театра военных действий. Эти иллюстрации пользовались такой популярностью, что другие издания нередко заимствовали рисунки у «Русского художественного листка» без ведома издателя, так что Тимм вынужден был обратиться к царю за специальным распоряжением, охранявшим его права на опубликованные рисунки.

O. V. Sliadneva
St Petersburg State University

VISUAL INFORMATION ON THE CRIMEA WAR IN «RUSSKIY KKHUODODZESTVENNIY LISTOK»

The article is devoted to the illustrations published in «Russkiy Kkhudodzestvennyiy Listok» during the period of the Crimea War (1853–

1856). At that time it was the only illustrated magazine in Russia. Regular visual information on the war events was its unique peculiarity: every issue contained a special drawing devoted to the current war events. Most of the drawings were made by a painter Vasilii Timm, the editor of «Russkiy Kchudodzestvennyi Listok»; many contemporary painters also took part in that edition. Portraits of the war-people (not only of admirals, but of simple soldiers and sailors as well), pictures of fortresses and other battle-places, pictures of the tsar's family taking part in the war events were introduced to the subscribers of the magazine.

Keywords: visual information, illustrated magazine, drawing.

Д. В. Соколова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ОТНОШЕНИЯ СМИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА США В ГОДЫ ВЬЕТНАМСКОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются отношения СМИ и правительства США во время войны во Вьетнаме (1957–1975). В поле зрения автора входит цензурная политика Белого дома и факты препятствий профессиональной деятельности, с которыми столкнулись журналисты, освещавшие данный конфликт.

Ключевые слова: Вьетнам, США, цензура, горячие точки, фотожурналистика.

Война во Вьетнаме — один из крупнейших конфликтов XX в., оставивший заметный след в истории не только этой азиатской страны, но и других государств, включая СССР и США.

Первоначально конфликт зарождался как локальный на территории Южного Вьетнама. Созданная в начале Второй мировой войны Лига за независимость Вьетнама (Вьетминь) объединила под своими знаменами всех противников французской колониальной администрации. В 1945 г. Вьетминь захватила столицу — Ханой — и другие ключевые города. В ответ на провозглашение

независимой Демократической Республики Вьетнам, желая вернуть утраченные территории, Франция начинает войну. Однако Четвертая республика не смогла самостоятельно справиться с партизанским движением. Президент Франции Венсан Ориоль (1947–1954) стал искать союзников. С 1950 г. оказывать военную помощь стали США. Они рассматривали события во Вьетнаме как часть экспансии коммунистов, победивших на выборах в Китае. В то же время Франция, отказываясь от колониальных претензий, прекращает свое участие в конфликте.

Согласно Женевским соглашениям 1954 г., завершившим участие французов в военном конфликте, территория Вьетнама была временно разделена по 17-й параллели, где была создана демилитаризованная зона. Северный Вьетнам перешел под контроль Вьетмина, Южный оставался под властью назначенной французами местной администрации.

В конце 1960 г. был образован Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама (Вьетконг). В ответ на это США усилили военную помощь правительству Северного Вьетнама, а затем, в конце 1961 г. перебросили на полуостров первые регулярные подразделения Вооруженных сил.

«Это война за будущее Азии». До 1960-х годов новостные СМИ США практически не обращались к конфликту во Вьетнаме. Центральные американские издания проявили небольшой интерес к этой азиатской стране в начале 1955 г. после назначения Нго Динь Зьема первым президентом Республики Вьетнам. В этот период публикации отражали то, что больше все занимало внимание американской общественности: укрепляющий свои позиции в азиатском регионе коммунизм и усиливающаяся конфронтация с Советским Союзом. События освещались не как «сюжет о Вьетнаме, а как сюжет о Вашингтоне или Москве, или Париже»¹. Если мы обратимся к редакторской колонке журнала "Life" за 1966 г., то обнаружим, что главный редактор Хэдди Donovan называет данную военную кампанию не просто войной за Вьетнам: «Это даже не война против Китая. Это война за будущее Азии. Это, возможно, также важно, как все предыдущие войны США в этом столетии»².

Лейтмотивами новостных сообщений стали тема национального единства и убежденность в скорой и окончательной победе США. СМИ представляли роль Белого дома лишь с позиции советника, проводящего консультации и поддерживающего национальную войну против коммунизма. Дипломатическая телеграмма 1006, касающаяся освещения событий во Вьетнаме, четко определяла характер разрешенных новостных сообщений: «Не в наших интересах... появление историй, показывающих, что американцы возглавляют и направляют военную миссию»³.

Противодействие вьетнамского правительства. Американская пресса пересмотрела свои взгляды на события во Вьетнаме после смерти четырехсот мирных жителей в результате государственного переворота, организованного против Зьема в 1960 г. Ставленник Белого дома уже не был человеком с незапятнанной репутацией: Зьем предстал в глазах американской общественности деспотичным правителем. И если до этого о событиях во Вьетнаме корреспонденты писали, находясь в США, Сингапуре или Гонконге, то после госпереворота ситуация поменялась: влиятельная "The New York Times" послала своих первых корреспондентов в Сайгон. За ними последовали журналисты из агентств Reuters, Agence France Presse, журналов "Times" и "Newsweek". В Южный Вьетнам были командированы восемь американских спецкорров.

Отношения журналистов и президента Зьема были далеко не безоблачными: в марте 1962 г. он подписал указ о депортации Франсуа Салли и Гомера Бигарта, сотрудничавших с журналами "Times" и "Newsweek". Корреспонденты высказывали идею, что правительство Зьема никогда не сможет побороть такого изобретательного врага, как Вьетконг. Лишь после вмешательства американского посла удалось смягчить санкции: журналистов не выслали из страны, но им ограничили доступ к официальным интервью и спонсируемым правительством поездкам на поле боя.

Во время Буддистского кризиса (с мая по ноября 1963 г. жители Южного Вьетнама, исповедующие буддизм, протестовали против запрета буддистского флага и убийства девяти гражданских лиц в Хьюэ) вызвало озабоченность американского общества

указание Нго Динь Зьема, разрешившего полиции применять физическое воздействие в отношении журналистов, оттеснять их от протестующих и даже напрямую атаковать. Несмотря на агрессивный шаг правительства число специальных корреспондентов во Вьетнаме возросло до 60.

Концепция максимальной откровенности. После свержения власти и убийства Нго Динь Зьема в ноябре 1963 г. образ вьетнамской войны как борьбы с мировым коммунизмом стремительно терял логическое обоснование. Президент Линдон Джонсон (1963–1969), выступавший на выборах за мир в регионе, тем не менее не торопился минимизировать американское военное присутствие во Вьетнаме. В ответ на протестные настроения в обществе Линдон Джонсон был вынужден начать информационную кампанию в поддержку присутствия американских войск во Вьетнаме.

Американское Командование по оказанию военной помощи Вьетнаму — Military Assistance Command (MACV) — приняло решение, согласно которому журналисты должны быть основательно осведомлены о ходе войны. Главным пресс-аташе во Вьетнаме стал Бэрри Зортиан. Вскоре, в июле 1964 г., был создан Информационный офис — MACV Information Office. Зортиан озвучил намеченные цели: налаживание добрых отношений между журналистами, MACV и американским посольством во Вьетнаме, корректировка новостных сообщений, помощь прессе в освещении позитивной стороны войны.

Реализуя концепцию максимальной откровенности, Зортиан начал проводить еженедельные закрытые брифинги, призванные ознакомить журналистов с тонкостями ситуации во Вьетнаме. Кроме того, под эгидой военного ведомства США был опубликован краткий вводный курс в историю и культуру Вьетнама. Однако данная брошюра не была востребована репортерами. Число корреспондентов, командированных во Вьетнам во время эскалации конфликта, постоянно росло. Если к январю 1966 г. в зоне вооруженного конфликта работали 282 журналиста, то к августу это число резко увеличилось до 419. Интересно, что доля американцев составляла менее половины от общего числа ре-

портеров, работавших на тот момент во Вьетнаме: только 110 из 282 корреспондентов были гражданами США. В «горячей точке» также работали: «67 южно-вьетнамцев, 26 японцев, 24 британца, 13 корейцев, 11 французов и 7 немцев»⁴.

Всего же за все время Вьетнамской войны MACV выдало официальную правительственную аккредитацию свыше 5100 репортерам⁵: 90 % из них — мужчины, 10 % — женщины. Они представляют 64 государства, но только 16 стран мира имели свыше 20 журналистов в Южном Вьетнаме. Большинство — граждане США (2231), Японии (424), Великобритании (366), Франции (266), Южной Кореи (222), ФРГ (214) и Австралии (188). Помимо корреспондентов и редакторов в зоне боевых действий находились режиссеры-документалисты, писатели, фотографы, видеооператоры, технический персонал.

Чтобы получить карточку, обеспечивающую доступ к военным объектам и транспорту, корреспонденты с действующей аккредитацией показывали свое удостоверение личности. Все другие репортеры, не имеющие правительственной аккредитации, вынуждены были предоставлять письма от своих редакторов, подтверждающих, что они сотрудничают с добросовестными новостными организациями, которые берут на себя ответственность за их передвижения. Фрилансеры же демонстрировали письма от своих нанимателей, доказывающих, что могут оплатить работу внештатных репортеров.

Первоначально журналисты описывали ход военных действий лишь с территории Южного Вьетнама, контролируемого США. Хотя попасть в Северный Вьетнам зарубежным репортерам было достаточно сложно, это не было полностью невозможным. Во время бомбардировок в сентябре 1966 года корреспондент "The New York Times" Гаррисон Солисбери стал первым журналистом центральных американских СМИ, добравшимся до северной части боевых действий выше 17-й параллели. Корреспондента пригласило в страну правительство Северного Вьетнама. Его репортаж о разрушении гражданских объектов, пострадавших от американских бомбардировок, заставил Пентагон признать, что произошел несчастный случай, вызвавший сопутствующие раз-

рушения. После публикации Солисбери подвергся критике со стороны как официальных лиц, так и своих коллег.

Кто не с нами — тот против нас. Со временем, когда становилось ясно, что борьба с мировым коммунизмом — это фикция, когда в обществе возросли антимилитаристские настроения, а около Белого дома появились первые демонстранты, пресса изменила свой взгляд на происходящие события. Традиционных источников информации, которыми пользовались на начальных этапах конфликта (пресс-конференции, официальные пресс-релизы, доклады военного ведомства), оказалось недостаточно. Репортеры «проводили больше собственных расследований, брали больше интервью, публиковали больше аналитических эссе»⁶. Стали появляться кадры, свидетельствовавшие о страданиях мирного населения Вьетнама, о военных преступлениях, совершаемых американскими военнослужащими. Телевизионная картинка изменилась: она уже не показывала одних только храбрых солдат США, несущих своим оружием в Азию «мир».

Медиаисследователь Даниэль Халлин в своих работах, анализирующих освещение вьетнамской войны американским телевидением, пишет, что новостные программы никогда не показывали подлинное лицо войны. «Что касается телевизионного освещения Вьетнама, то фактически оно было дезинфицированным, — пишет Халлин. — В противовес устоявшейся точке зрения было всего несколько моментов, когда люди с экранов телевизоров могли видеть «реальный ужас»⁷.

До начала 1970-х годов альтернативной точке зрения было не просто попасть и на страницы американских изданий. Как рассказала в интервью автору данной статьи Барбара Глюк, одна из трех женщин-фотографов, снимавших вьетнамский конфликт, много раз редакторы не публиковали ее фотографии: «Я часто делала фотографии, демонстрирующие человеческие страдания „на периферии войны“, но “The New York Times” публиковала единицы». Барбара Глюк подготовила целую серию фотографий о вьетнамских детях, пострадавших от химической атаки американской авиации. Снимки показывают обратную сторону «войны против мирового коммунизма»: на ее фотографиях изображе-

ны женщины, корчащиеся от боли, дети-инвалиды, потерявшие руки и ноги в результате военной атаки США.

Огромное количество графических изображений этого конфликта развернули мнение американской общественности против военной поддержки. В 1972 г. фотокорреспондент агентства Associated Press Ник Ут сделал знаменитый снимок «Напалм во Вьетнаме»: на фоне клубов дыма изображена группа кричащих от ужаса детей, в центре бежит с искаженным от боли лицом обнаженная 9-летняя Ким Фук, сорвавшая с себя горящую одежду. Этот снимок, удостоившийся в дальнейшем Пулитцеровской премии, шокировал американское общество, а правительство во главе с Ричардом Никсоном получило дополнительное доказательство в пользу завершения боевых действий.

В то же время резонансные снимки далеко не всегда были доступны широкой публике. Например, снимки американского военного фотографа Рональда Хэберли, сделанные во время массовых убийств мирных жителей в деревенской общине Милай (Южный Вьетнам), не публиковались почти два года с момента этих драматических событий. Мы имеем возможность видеть данные кадры во многом благодаря тому, что у Хэберли было два фотоаппарата: черно-белый служебный и личный цветной. После увольнения со службы фотограф сохранил цветные снимки, однако он не показывал их до тех пор, пока в ноябре 1969 г. чудовищные действия американской армии не получили огласку после сообщения журналиста Сеймура Херша. Были уничтожены по разным оценкам от трех до пяти сотен местных жителей, многих жертв перед убийством пытали, а женщины подвергались групповым изнасилованиям. Американское общество первоначально просто отказывалось верить в правдивость сообщений о страшных событиях в местечке Милай — это никак не вязалось с героическим образом американских войск, освобождающих вьетнамский народ от гнета коммунистов. Кроме того, данные действия резко противоречили доктрине Никсона, его политике «вьетнамизации», постепенной передаче контроля над ситуацией правительству Южного Вьетнама и выводу американских войск. Первые снимки Рональда Хэберли появились в

кливлендской газете "The Plain Dealer", затем он продал права на публикацию американскому журналу "Life", немецкому «Stern» и английской газете "The Sunday Times". Несмотря на это после публикации снимки не получили широкого распространения, ведь многие издания даже после выхода в свет "Life" с фотографиями Хэберли отказывались печатать его работы. Этот барьер не был преодолен даже после интервью телеканалу CBS одного из американских солдат, участвовавших в убийствах в Милай. Ни один из снимков Рональда Хэберли не стал, как фотография Ника Ута, каноническим изображением вьетнамской войны. Сам Хэберли признавался, что скрывал свои работы из-за опасения, что их уничтожат власти США как доказательства военных преступлений. К слову, за резню в деревне Милай был осужден американским судом всего один военнослужащий, да и то он вышел на свободу после 3,5 лет отбывания наказания.

Воспоминания фотографов и журналистов, освещавших войну во Вьетнаме, свидетельствуют о проявлениях цензуры со стороны как редакторов СМИ, так и правительства США. Журналистов вносили в «черные списки» и медийным компаниям вовсе запрещали с ними работать, человек, таким образом, терял средства к существованию. Выходом становилось сотрудничество с зарубежными изданиями. Например, Марта Гелхорн, опытный и уважаемый военный корреспондент, пыталась опубликовать серию материалов о потерях вьетнамского населения, о партизанах и детях, ставших сиротами в результате военных действий армии США, однако американские издания забраковали ее работы. Тогда Гелхорн выпустила серию из пяти публикаций в британской газете "The Guardian", после чего заявление журналистки на получение вьетнамской визы отклонили и ей было запрещено когда-либо возвращаться в Южный Вьетнам. Ее коллега, фотограф Филипп Джонс Гриффитс, также столкнулся с проявлениями цензуры: его работы, снятые во Вьетнаме, отказывались публиковать американские издания. На вопрос о причине отказа ему заявляли, что его снимки буквально «слишком душераздирающи для американского медиарынка»⁸. После того как Джонс Гриффитс выпустил фотокнигу, свидетельствующую о страданиях ни

в чем не повинного гражданского населения, правительство Южного Вьетнама запретило ему въезд.

Жесткие вопросы задавались прессой конгрессменам после серьезных потерь армии США после битвы у Hamburger Hill в мае 1969 г. Росло напряжение в отношениях СМИ и администрации Никсона. В конце того же года члены президентской администрации открыто обсуждали методы, к которым необходимо прибегнуть, чтобы сделать прессу покорнее. К потенциальным методам воздействия относили: проверки налоговых служб, иски Министерства юстиции против крупных телевизионных сетей и медиаконцернов, которых можно обвинить в монополизации рынка и картельных сговорах. Также правительство Никсона рассматривало возможность инициирования судебных исков со стороны Федеральной Комиссии связи к теле вещательным компаниям в свете «неясного» ведения бизнеса⁹. Ситуация накалялась: власть и пресса становились антагонистами. К концу 1971 г. число аккредитованных американских журналистов в Южном Вьетнаме сократилось до двух сотен, а к сентябрю 1973 г. их осталось только 59¹⁰.

В июне 1971 г. «The New York» Times начала публикацию секретного сборника «Американо-вьетнамские отношения, 1945–1967: исследование», что вызвало значительное недовольство администрации Никсона, баллотировавшегося как сторонника завершения войны «почетным миром». Сборник был обнародован благодаря аналитику государственного департамента Дэниелу Эллсбергу, который при увольнении с работы сумел тайно скопировать часть документов. В материалах госдепартамента указывалось, что администрация Линдона Джонсона намеренно предпринимала акции по эскалации войны, несмотря на заверения самого президента, что Америка не стремилась к расширению театра боевых действий. Дело о публикации документов дошло до Верховного Суда США, который постановил, что американские газеты имеют право их публиковать. Обнародование этих документов усилило недоверие американского общества к высшим властным структурам. Согласно опросам организации Harris, меньше половины респондентов согласились с утверждением, что для США бесчеловечно и аморально бомбить центр

Ханоя: 71 % опрошенных посчитали, что «тот факт, что их страна бомбардировала вьетнамскую столицу, был не лучше, чем те вещи, которые сделали во Вьетнаме коммунисты»¹¹. Жители США больше не верили в высшую цель военной миссии.

В 1973 г. подписание Парижского мирного договора положило конец войне США во Вьетнаме.

Сложно согласиться с тезисом, которого придерживались военные: некоторые вещи могли сложиться по-иному, если бы существовала цензура и пресса не была бы настолько свободной. Президент Ричард Никсон, при котором из Вьетнама были выведены американские войска, высказывал интересную идею: «Как пишет колумнист “Newsweek” Кеннет Кроуфорд, это была первая в нашей истории война, в которой средства массовой информации были дружелюбнее по отношению к нашим врагам, чем к нашим союзникам. Победы американских и южновьетнамских войск, такие как разгром Десяти Силовиков в 1968 г., были преподнесены СМИ как поражение. Соединённые Штаты, которые только намеревались помочь Южному Вьетнаму защитить себя, были преподнесены как агрессор, а поддерживаемый Советским Союзом Северный Вьетнам — как борцы за свободу»¹².

Назвать годы войны во Вьетнаме простыми для американских СМИ нельзя: государственная политика в области печати не позволяла посмотреть на ситуацию широко раскрытыми глазами. Однако с течением времени отношение прессы к происходящим событиям изменилось: журналистские расследования, репортажи с передовой и эмоциональные фотографии показали истинное лицо войны. Жертвы среди гражданского населения, бесчеловечность войны и потери среди личного состава сил США — все это, показанное журналистами, «стало своего рода обвинением, и американское общество лишило правительство своей поддержки в этой войне»¹³.

Спустя полвека мы можем дать оценку событиям, происходившим во Вьетнаме в 1957–1975 гг. Возможно, глядя с позиции, лишённой политических пристрастий, мы сможем подвести черту под всеми вооружёнными конфликтами, произошедшими в минувшем XX в.

Примечания

- ¹ Wyatt C. R. Paper Soldiers: The American Press and the Vietnam War. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1993. P. 52.
- ² Donovan H. Vietnam: The War is Worth Winning // Life. 1966. N 6 (40), 21 March. P. 7–11.
- ³ Hammond W. M. Reporting Vietnam: Media & Military at War. [S. l.]: Univ. Press of Kansas, 1988. P. 3.
- ⁴ Ibid. P. 149.
- ⁵ Ibid. P. 10–11, 38–39.
- ⁶ Ibid. P. 231.
- ⁷ Цит. по: Griffin M. Media images of war // Media, War & Conflict. 2010. N 3 (1). P. 15.
- ⁸ Knightly P. The First Causality: The War Correspondent as Hero and Myth-Maker from the Crimea to Iraq. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2004. P. 428.
- ⁹ Ibid. P. 231.
- ¹⁰ Ibid. P. 250.
- ¹¹ Hammond W. M. Op. cit. P. 610.
- ¹² Hudson M., Stanier J. War and The Media. [S. l.]: Sutton Publishing, 1999. P. 117.
- ¹³ Eilders C. Media under fire: Fact and fiction in conditions of war // Internat. Rev. of the Red Cross. 2005. N 87 (860). P. 639–648.

D. V. Sokolova

Lomonosov Moscow State University

RELATIONSHIPS BETWEEN MEDIA
AND US GOVERNMENT DURING VIETNAM WAR

The relationship between media and US government during Vietnam war (1957–1975) is analyzed in this article. In the author's view are censorship politics of White House and obstacles that journalists dealt with, while reporting this conflict.

Keywords: Vietnam, USA, censorship, hot zones, photojournalism.

О. В. Харук

С.-Петербургский государственный университет

СОВРЕМЕННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА
ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА:
ПРОБЛЕМЫ И ТВОРЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ

Празднование юбилея победы в Отечественной войне спровоцировало появление на страницах российской прессы большого количества публикаций на тему наполеоновского нашествия. Исторические события подаются журналистами с учетом особенностей как современного этапа развития прессы, так и настоящей политической и социальной ситуации в России.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., исторические параллели, примитивизация истории, обновление исторической информации, идеологема врага.

2012 г., объявленный годом истории в России и 200-летнего юбилея победы в Отечественной войне 1812 г., стал знаковым для исследования темы войны с Наполеоном. Она «пережила» небывалый за последнее столетие всплеск публицистического интереса и нашла отражение практически во всех типах российских изданий. В предлагаемой читателю статье исследуются особенности публицистики о войне 1812 г.

В творчестве современных журналистов прослеживаются три основные группы методов, которые обеспечивают органичное появление исторической информации на страницах современных изданий.

Метод исторических параллелей. Он позволяет авторам выйти за рамки исследуемой эпохи и тем самым посмотреть на событие с иной точки зрения, понять его масштаб и значение. Грамотное использование метода придает журналистскому тексту аналитический характер, настраивает читателя на мыслительную работу. В массиве публикаций об Отечественной войне можно встретить, с одной стороны, аналогии между наполеоновским нашествием и современными процессами, с другой — срав-

нение войны 1812 г. с подобными явлениями других исторических эпох.

Исторические параллели с современностью, как правило, носят условный характер. Сопоставлению подвергаются разные эпохи, которые не имеют существенных объединяющих признаков. Здесь можно говорить, скорее, об актуализации исторических событий. Цель таких публикаций не всегда состоит в раскрытии самого исторического факта. Часто последний выступает только в качестве анализа более злободневных проблем. Нередко подобные аналогии намеренно создаются в кругах политического менеджмента и уже в готовом виде преподносятся обществу и журналистам. Последние либо используют полученную информацию в чистом виде, либо перерабатывают и анализируют. Примером может служить серия публикаций российских СМИ, информационным поводом которой стало обращение Патриарха Кирилла к верующим в связи с празднованием 200-летнего юбилея Отечественной войны. Глава Русской Православной Церкви провел аналогии между наполеоновским нашествием на Россию и современными антицерковными акциями, в частности рок-молебном группы Pussy Riot в храме Христа Спасителя. В связи с этим редакция «Ведомостей» в статье «Вперед в прошлое» писала: «Кирилл обращается к истории скорее как политик-антизападник, выдающий нашу страну противостоящей Европе и пытающийся сравнить нынешних недовольных с иноземными захватчиками». В статье предпринята попытка продолжить ряд исторических параллелей, заданный Патриархом: «Но это опасная аналогия: получается, что нынешние атеисты и религиозные скептики — это враги, с которыми следует поступать, как с наполеоновскими солдатами и офицерами» (Ведомости. 2012. 10 сент.). Параллель главы РПЦ имеет скорее метафорический, чем сугубо исторический характер и основана только на факте причинения вреда церкви. Журналист в данном тексте продолжает ряд аналогий, что приводит к парадоксальным умозаключениям. Этот прием косвенно показывает несогласие редакции с точкой зрения Патриарха.

Тема наполеоновского нашествия актуализируется в юбилейный год и в связи с политическими процессами, среди которых

наиболее значительными были выборы президента РФ и оппозиционные движения в стране. Эксплуатация образов войны имела место в ходе предвыборной кампании Владимира Путина, что вызвало ряд журналистских откликов, порожденных стремлением осмыслить тенденцию.

Я. Шилов, автор комментария «Бородино-2012», пишет: «Слушается, что фраза, будучи выпущенной в свет, отделяется от произнесшего ее и начинает корчить ему издевательские рожи. Что-то подобное произошло с Владимиром Путиным и его воспоминанием-аллюзией о лермонтовском „Бородине“ — а через него и о битве 200-летней давности. Жизнь, кажется, устроила Путину Бородино — но не такое, о каком ему мечталось... После выборов 4 марта 2012 года Владимир Путин вдруг оказался в положении не русского фельдмаршала, а, наоборот, французского императора. Кампания вроде бы выиграна, даже Москва взята. Но где ключи от города? Где парламентареры? Противник отступил, в переговоры не вступает, готовится, судя по последнему митингу на Новом Арбате, к продолжению кампании» (Новая газета. 2012. 19 марта). Журналист использует все тот же прием — продолжая заданную Путиным тему для сравнений, проводит уже собственные аналогии. Это в данном случае помогает автору показать неоднозначность победы Путина на выборах и по-своему проанализировать политический климат в стране.

Не все исторические параллели с современностью породили острота «сиюминутной» политической обстановки в стране и высказывания лидеров мнений. В текстах авторской аналитики и собственно исторических публикаций есть примеры сопоставлений, направленных, скорее, на то, чтобы современный читатель лучше понял события двухсотлетней давности. Так, Г. Стерлигов в комментарии «Где же собака зарыта?» пишет: «Кампания 1812 больше всего напоминает соревнование двух масонских группировок, кто больше своих солдат угробит в борьбе за господство в создаваемом тогда Едином Европейском Союзе... Возглавить тогдашний ЕС хотели и Александр, и Наполеон. Не получилось тогда ни у одного, ни у другого. ЕС в результате этой грызни не состоялся» (Взгляд. 2012. 13 авг). Журналисты используют для

пояснения своего взгляда на цели войны и расстановку сил в начале XIX в. современную систему политических терминов.

Таким образом, аналогии с современностью в исторической публицистике развивались в двух направлениях: позволяли актуализировать тему войны 1812 г. в соответствии с запросами дня сегодняшнего, а также способствовали лучшему пониманию исторических событий посредством взгляда с точки зрения лингвистики, политики, мировоззрения людей XXI в.

Исторические параллели между двумя и более историческими событиями. Они помогают авторам точнее оценить масштаб произошедшего, выявить некоторые закономерности исторического развития России, сделать намеки и дать читателю повод к размышлению. Основной массив такого рода параллелей — сопоставления Отечественной войны 1812 года и Великой Отечественной войны. Аналогии строятся на основании стратегии и хода войн, национально-культурных факторов победы, подчеркивается взаимозависимость двух войн, проводится сравнение Наполеона и Гитлера.

Е. Андрущенко в статье «От Малоярославца в 1812 до Волги в 1943-м» сопоставляет ошибки немецкого командования, в результате которых армия была уничтожена во время Сталинградской битвы, с причинами поражения Наполеона в 1812 г.: «Выбор германским руководством для расположения командования фронтом Старобельска привел к тому, что штаб оказался на чрезмерном удалении от своего фронта. События Сталинградской операции удивительным образом, но весьма поучительно перекликаются с причинами поражения Наполеона в России». Журналист пишет о взятии советскими войсками станицы Тацинской — центра аэро- и железнодорожного сообщения, вместе с которым немецкое командование потеряло возможность снабжать окруженную под Сталинградом армию Паулюса. Автор указывает на схожесть этой ситуации с ошибками наполеоновской армии в 1812 г.: «Наполеон совершил ошибку, которую повторил Гитлер. Манштейн сформулировал ее так: „Погнавшись за этой территориальной целью, забыли, что всякому достижению и удержанию такой цели должен предшествовать разгром главных

сил противника» (Лит. газета. 2013. 31 янв.). Через сопоставление русской военной кампании Наполеона с крупнейшей битвой Великой Отечественной войны, выявление общих для французского и немецкого командования ошибок, публицист делает заключение о наличии схожих причин поражения противников Российской империи и Советского Союза.

Авторы некоторых публикаций не просто сравнивают две войны, но ставят эти эпохальные события в некоторую зависимость. В интервью А. Моисеенко «Если бы Наполеон не напал на Россию, в истории не было бы Гитлера» автор поднимает тему отношений Наполеона и русского двора до войны, говорит о желании Бонапарта породниться с Романовыми: «А если Наполеон все-таки осуществил бы свои брачные намерения? России по экономическим соображениям все равно пришлось бы поддерживать Англию. Но политический расклад мог стать другим. Прочный союз России и Франции изменил бы всю Европу. Не было бы войны 1812 года и Крымской войны. В 1870 году Пруссия не осмелилась бы воевать с Францией, не произошло бы объединения немецких земель и как следствие не было бы страшных Первой и Второй мировых войн» (Комсом. правда. 2012. 7 сент.). В приведенном примере используется метод исторических параллелей с целью создания альтернативной версии развития событий.

Журналисты и приглашенные эксперты нередко говорят о несравнимости войны 1812 г. с Великой Отечественной войной по численности участников, по техническому оснащению, по тактике и стратегии. Главное основание, позволяющее сопоставлять эти исторические события, — национальное сознание русского народа, утверждает Наталья Нарочницкая в статье «Ярость благородная»: «В годину «грозы 1812 года» это чувство пронизало всё общество... Царь, офицер, аристократ и простой мужик были едины. Такое же чувство — „ярость благородная“ „вскипело, как волна“ во время гитлеровского нашествия, хотя многие пребывали в ужасе от революции и её следствий, не принимали государство» (Лит. газета. 2012. 26 сент.). Внешняя опасность, как фактор объединения русского общества, выступает здесь основой для проведения исторических параллелей.

В целом метод исторических параллелей дает возможность расширить временные границы темы, посмотреть на минувшие события с современных позиций или с позиций иных временных отрезков. Частое обращение публицистов к параллелям с Великой Отечественной войной указывает на то, что, несмотря на наличие существенных отличий, оба исторических события имели огромное национальное значение. Такой подход к разработке темы был присущ преимущественно качественной печати.

Методы подачи исторической информации, ориентированные на привлечение массового читателя. Но и массовая пресса активно разрабатывала тему Отечественной войны 1812 г. Печатные и электронные газеты «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Московский комсомолец», «Правда.ру» и др. стремились привлечь к теме даже того читателя, который не интересуется историей. Это проявлялось, как в оформлении той или иной публикации, так и в их содержании, что вело к примитивизации истории. Эта тенденция в современной российской прессе, отразившая особенности ее развития, процесс ее таблоидизации, выразилась в нескольких основных моментах.

«Школьный» характер подачи исторического материала. Авторы сознательно отказываются от аналитического начала в освещении темы, в результате чего публикации напоминают «сборную солянку» фактов и событий. Такие тексты не отличаются глубиной исторических оценок, раскрывают тему «вширь». Так, С. Морозова в статье «Отечественная война 1812 года и Россия XXI века: есть ли связь?» (Аргум. и факты. 2012. 24 июня) начинает с краткого описания русского военного опыта и дает информацию о том, сколько всего отечественных войн было в России и какое место среди них занимает Отечественная война 1812 г. Затем она пишет о значении этого события для русского общества, а в заключение предлагает читателю опрос фонда «Общественное мнение». Его результаты показывают, что знания молодых людей по теме крайне скудны. Статья является примером стремления рассказать обо всем, но поверхностно, не углубляясь в детали. Она ориентирована на непритязательного читателя, которому стоит напомнить о том, что Отечественная

война 1812 г. вообще имела место. В статье С. Осипова «Гроза 1812 года: к 200-летию Отечественной войны» (Там же. 20 июня) вниманию аудитории представлено сравнение двух армий — русской и французской. Сопоставление другого рода находим в публикации «Комсомольской правды»: «В каждом столетии 12-й год становится для России определяющим, выбирается вектор развития страны. Продолжает ли 2012 эту странную цепочку — судите сами: «1612 — изгнание поляков, окончание Смутного времени — новое рождение Российского государства. 1712 — Петр Первый переносит столицу из Москвы в Петербург. 1812 - война с Наполеоном. 1912 — выборы в IV Государственную Думу. 2012?» (Комсом. правда. 2012. 23 июня). Приведенный пример демонстрирует желание журналиста найти совпадения, основываясь на двух основных событиях: изгнании поляков в 1612 г. и войне с Наполеоном в 1812 г. Остальные даты скорее можно назвать «подогнанными», чем действительно знаковыми.

Журналисты группируют информацию, анализируют и систематизируют ее, но, как правило, на упрощенном уровне. Заметно стремление ввести исторические данные в какую-либо систему, представить их схематично, дробно. Здесь свою роль играет фрагментарная подача, которая выражается в таком оформлении текста, при котором он делится на множество небольших блоков, предваряемых подзаголовками (см. уже упоминавшиеся статьи С. Осипова, А. Моисеенко, а также статью А. Моисеенко «Мифы и правда о Бородинской битве. — Комсом. правда. 2012. 7 сент.). Этот прием лишает публикацию той внешней массивности, которая может пугать читателя, и облегчает восприятие информации.

Смещение тематики исторического события. Этот прием порождает некую подмену тем, в итоге чего публикации, непосредственно касающиеся Отечественной войны, не затрагивают принципиально важных аспектов: причин и итогов, сражений и деятельности полководцев, — а переносятся в иную плоскость. Такую тенденцию наглядно демонстрирует очерк И. Буккера «Как Багратион победил на любовном фронте Наполеона» (Правда. ру. 2013. 19 окт.). Период наполеоновского нашествия выступает

здесь в качестве фона, на котором разворачиваются события совсем иного характера, хотя и с сохранением главных действующих лиц. Роль последних смещена от участников существенных исторических событий к героям любовного романа. Подобный тематический перекокс происходит и в статьях «Шпион и белошвейка. Как разбилось сердце французского подполковника» С. Кашницкого (Аргум. и факты. 2012. 19 дек.), «Помимо двух жен, у Наполеона была польская коханка» И. Буккера (Правда.ру. 2011. 13 ноября), «Наполеон и Жозефина» И. Шмонской (Там же. 23 окт.).

Такие публикации ориентированы преимущественно на женскую аудиторию, которую мало интересует традиционно поданная военная история. Журналист начинает творить в формате «истории для домохозяек», что проявляется также во внимании авторов к бытовым мелочам, гастрономическим темам: в тексте публикаций нередко сообщаются рецепты — например, торта «Кутузов»¹.

Поддача автором исторических фактов облегченно — один из способов удержать внимание массового читателя. Другой прием этого типа — выстраивание интриги, обещание интересных фактов. И в том и в другом случае журналисты эксплуатируют эмоции и потребности аудитории. С этой целью используются шокирующие или интимные подробности, тексты и заголовки конструируются таким образом, чтобы создать интригу².

Одним из популярнейших поворотов в таком освещении Отечественной войны 1812 г. является нагнетание ужасов. В статье «Жуть под Гжатском» автор, В. Цепляев, рассказывает об убийстве русских военнопленных. В тексте содержится множество экспрессивных слов и словосочетаний. «В 6-й главе своих мемуаров де Сегюр подробно рассказывает об отступлении наполеоновской армии из Москвы. В том числе — о жуткой сцене, открывшейся командованию французских сил после того, как те миновали Можайск и Бородинское поле, где на тот момент все еще лежали „тридцать тысяч наполовину обглоданных трупов» (Аргум. и факты. 2012. 16 окт.).

Обещание шокирующих подробностей содержится в названии заметки «Ужасы полевого лазарета: солдаты молились, чтобы

сразу попасть на тот свет» (Там же. 15 авг.). Автор играет на природном любопытстве людей, рассказывая о тяжелых ранениях. Специфика военной темы делает приемы привлечения внимания, эксплуатирующие разного рода «ужасы» и насилие, наиболее распространенными в современных СМИ. Реже авторы используют интимные детали. В портретном очерке А. Дорфмана «Знаменитая кавалерист-девица: не муж, но при чинах» (Там же. 12 дек.) журналист поднимает вопрос о сексуальной ориентации Надежды Дуровой.

Таким образом, тема Отечественной войны 1812 г. в современной прессе испытывает на себе тенденции, в целом характерные для современного этапа развития журналистики. Это находит выражение в использовании приемов подачи информации, ориентированных на привлечение массового читателя, получивших развитие в процессе таблоидизации прессы.

Методы обновления исторической информации. Сами по себе исторические факты не представляют для журналистики непосредственного интереса. Они имеют вторичный характер, не содержат в себе новой информации и в чистом виде малопривлекательны для общественно-политических и информационных изданий. По этим причинам журналисты пытались отыскать в том, что читателям уже известно, новость, которая заставила бы историю «жить заново» на страницах периодики.

Среди методов обновления информации использовались такие, как восполнение пробелов в освещении темы и развенчание устойчивых мифов.

Восполнение пробелов в освещении темы. Одним из самых распространенных способов придания публикации информационного характера является заострение внимания читателя на таком моменте, как «непопулярность темы». Это позволяет вычлнить из заведомо не новой информации более новую. Так, К. Сонин, автор статьи «Забытый день победы» (Ведомости. 2014. 21 марта), рассказывает о взятии Парижа, дату которого, по его мнению, незаслуженно забыли. В заголовке «Гром исчезнувшей победы. „МК“ узнал о позабытом сражении войны 1812 года» (Моск. комсомолец. 2012. 1 авг.) указывается не только на про-

белы, но и на значительную роль издания в их восполнении. При помощи конструкции «МК» узнал создается тот же эффект, что и при оперативном освещении новостей, когда используются фразы типа как нам стало известно. Данный прием является попыткой, с одной стороны, приблизить историческую информации по стилистике к новостной, с другой — подчеркнуть некую эксклюзивность данных фактов. О популярности подобного метода при освещении событий войны 1812 года говорит массовое его применение разными изданиями³.

Развенчание устойчивых мифов. Обращаясь к мифам, журналисты задаются целью разрушить стереотипы. В статье И. Буккера «Мельница мифов: Кто лишил Кутузова глаза?» автор развенчивает легенду о повязке на глазу полководца: «Приведем свидетельства самого Кутузова о том, что он видел обоими глазами. 4 апреля 1799 года в письме супруге Екатерине Ильиничне он пишет: „Я, слава Богу, здоров, только от многого письма болят глаза“» (Правда.ру. 2012. 7 сент.). Примерами подобного приема также служат публикации «Мифы и правда о Бородинской битве» А. Моисеенко (Комсом. правда. 2012. 7 сент.), «Война 1812 года и миф о старOVERах» С. Тюлякова (Новая газета. 2012. 5 сент.).

Указанные способы придают уже известным фактам свежее звучание, но не создают принципиально нового содержания. Эту роль выполняет прием, который заключается в обращении СМИ к объектам и субъектам истории на современном этапе, с учетом произошедших изменений. Журналисты часто обращаются к судьбам ныне живущих потомков героев сражений. Несмотря на то что интервью с ними доступны многим изданиям, результатом работы каждого журналиста становится оригинальная информация. Таков очерк Л. Максмиенко «Потомок генерала Уварова живет в кузбасском селе Бородино» (Комсом. правда. 2012. 5 сент.). Через рассказ о жизни сибирского шахтера Сергея Уварова автор ведет повествование о фигуре Ф. П. Уварова — генерала, участника Бородинской битвы.

В совокупности выделенные три группы методов дают возможность журналисту рассказать о герое, событии Отечественной войны 1812 г. в соответствии с требованиями новизны и ак-

туальности, предъявляемыми к СМИ XXI в. Связь публицистики о наполеоновском нашествии с сегодняшним днем прослеживается также и на содержательном уровне. Это выражается в присутствии на страницах российской прессы современных оценок наиболее дискуссионных моментов Отечественной войны 1812 г.

Одной из самых спорных тем в истории наполеоновского нашествия является московский пожар. В отличие от научного дискурса, где основной спор идет о виновнике огня, в дискурсе публицистическом полемика смещена в иную плоскость. Журналисты пытаются ответить на вопросы: нужно ли было поджигать Москву и способствовал ли пожар русской победе? Эту проблему следует считать ключевой, говоря о дискуссионности темы поджога Москвы в прессе.

В статье А. Васькина «Три ошибки Наполеона» пожар представлен как благое и мудрое решение. Враг изображен обманутым, растерянным и жалким. Для достижения этого эффекта, говоря о французах, автор использует сниженную лексику: напалили, очухались (Новая газета. 2012. 30 авг.). Идея жертвенности проводится в статье «Новой газеты» «Война с Аполлионом»: «Пожар, испепеливший древнюю столицу, означал для русского сердца акт искупительной жертвы. Люди говорили не „Москва взята“, но „Москвы больше нет“ — и подымались на борьбу. Это и привело к бесславному исходу Великой армии Наполеона из России» (Там же. 3 авг.). Направление, в котором авторы таким образом рассматривают поджог города, можно назвать патриотическим. Его характеризует взгляд на пожар как на запланированное действие русских людей во имя победы.

В противовес патриотическому направлению в современной российской прессе представлено критическое. Так, А. Евсеев в статье «Кто поджег Москву?» обвиняет русское правительство в «ужасных бесчинствах» (Правда.ру. 2012. 16 сент.). Общей для произведений этой группы чертой является несогласие с пренебрежением общеевропейскими военными нормами и правилами. М. Троицына в статье «Надо ли было сдавать Москву?» пишет: «Если бы Наполеону доставили ключи от города, он считался бы сданным на милость победителя. Были бы наложены определен-

ные контрибуции, защищающие Москву от разграбления и гарантирующие неприкосновенность гражданскому населению. Однако, так как ни на какие переговоры русские не пошли, французская армия принялась мародерствовать, грабить, убивать, насиловать и поджигать... » (Там же. 5 сент.).

Анализ публикаций российских изданий показал, что тема московского пожара 1812 г. по-прежнему вызывает много споров и неоднозначно воспринимается исследователями и публицистами. В прессе высказываются полярные точки зрения на степень необходимости этого шага.

Множество журналистских произведений было посвящено Бородинской битве, которая является своего рода идеологемой, без нее невозможен дискурс об Отечественной войне 1812 г.

В оценках современной прессы Бородинское сражение занимает место важнейшего события войны. При этом существенного разброса мнений относительно его итогов нет. Большинство авторов рассматривают их как спорные. Ни одна сторона не признается однозначным победителем, но русским отдается морально-нравственное превосходство: «Да, конечно же, в военном отношении русская армия потерпела поражение. Однако морально проигравшим оказался... неприятель. После сражения в течение нескольких дней французские войска не решались начать преследования „побежденного“ противника. Согласитесь, что победители так себя не ведут»⁴.

Нравственную победу русской армии журналисты стараются подкрепить другими обстоятельствами. Они говорят о недостижении Наполеоном основной цели: «Надо признать, что формально французы одержали победу. Они заняли все ключевые позиции русской армии... Однако, с другой стороны, хотя французы и добились материального успеха, они не решили своей главной задачи — разгромить русскую армию при Бородине»⁵. Таким образом, авторы называют сохранение русской армии тем фактором, по которому можно судить как о неполной победе французов, так и о неполном поражении русских. Некоторые публицисты говорят о своеобразной компенсации поражения при Бородино победным результатом войны в целом. «Бородинская

битва стала предвестником грядущего разгрома интервентов в России и освобождения Европы. На Бородинском поле был положен конец военным успехам Наполеона»⁶.

Результат Бородинского сражения, таким образом, признается большинством авторов неоднозначным. Франции победа отдается в части тактики ведения боя, согласно принятым военной наукой правилам. Успех России под Бородино — моральный, а также стратегический.

Вопрос о противнике Российской империи в 1812 г., поднимается в современной российской прессе не только в исторической, но и в идеологической плоскости. Ключевую роль при этом играет образ врага и его современное переосмысление. В центре таких публикаций находятся современные политические тенденции, но рассматриваются они через призму прошлого. Тема врага в этом случае — способ обозначить место и роль России среди других государств, как в мире начала XIX в., так и в мире века XXI. Победа рассматривается не просто как разгром Наполеона и его армии, а как торжество России над «объединенной Европой» и «Западом». При этом просматривается четкое противопоставление «Россия — западный мир», которое переносится на настоящее время. В современной прессе эта тема находит отражение на двух уровнях. Помимо текстов, которые представляют врагов России указанным выше образом, есть публикации, критикующие эту тенденцию. Такого рода диалог в российских изданиях ведут не только и не столько журналисты, сколько специалисты и ученые — кандидаты и доктора наук, социологи, историки, политехнологи.

В статье «„Францоманы“ и „евророссияне“» доктор исторических наук Владимир Шульгин поднимает проблему российского «западнизма»: «Наше отечество продолжает жить в тех условиях, которые действовали и 200 лет назад. Мы до сих пор полагаем в духе «предвоенного» Александра I, что стоит только переименовать милицию в полицию — и дела по охране порядка сами собой пойдут на лад». Говоря о том, что «уроки 1812 года оказались забытыми», автор статьи проводит последовательную мысль о том, что и сегодня остается угроза со стороны Запада: «Эту за-

висимость внутренней нашей русофобии и западной агрессивности против России нам и надо понять. Нельзя соблазнять Запад отступничеством от русских святынь и народных начал, поощряя к новой агрессии, которая, к сожалению, все еще возможна» (Лит. газета. 2012. 18 июля). События начала XIX в. переносятся Шульгиным на современную почву. Он говорит не просто о необходимости сохранения русскими людьми национального своеобразия, но не исключает новой западной агрессии. О подобных перспективах пишет С. Гавров, автор статьи «Граница на Западе. Столица на Востоке» (Взгляд. 2012. 10 авг.). Идея «исключительности» России звучит в статье А. Разуваева «Запрос на величие» (Там же. 8 февр.).

Перечисленным публикациям противостоит ряд статей, авторы которых считают, что тенденция разграничения России и западного мира носит негативный характер и неразрывно связана с процессом создания образа общенационального врага как части государственной идеологии.

Историк Кирилл Серебреницкий в статье «Сегодня враг — это кто?» касается темы использования Отечественной войны 1812 г. в качестве «сырья» для создания современной идеологии. Аналитик пишет о том, что победа в войне с Наполеоном больше подходит в качестве современной идеологической основы единения общества, чем Великая Отечественная война: «В мифокорпусе Великой Отечественной войны только один Главный Враг, только одно олицетворенное и историзированное Зло: фашизм-национал-социализм-гитлеризм. Если эталон врага — это Гитлер, то кто сейчас? Какие-то там экзотические оппозиционные партии в Бельгии, Австрии, Словакии, теснимые со всех сторон? СС-дедушки из Латвии? Скинхеды? Дёмушкин? Брейвик? Так ведь даже и рыцарь Брейвик — манифестованно против Гитлера». Категория врага, по мысли автора, является определяющим фактором для любой идеологии. И этот враг должен быть актуален сегодня, в настоящих условиях, чтобы играть роль объединяющего начала для населения страны. Именно такого противника можно найти при условии «правильного» переложения событий Отечественной войны 1812 г.

на современность: «Отечественная война против Наполеона, собственно, идеальна в качестве идеологического сырья. Здесь для современных отождествлений — многообещающие креативные возможности. Наполеон — это Запад; 1812-й — это поход Двенадцати языков, то есть Запада. Против наших. Вот он кто — Враг. Приблизительно то, что требуется. И вполне актуально». Автор говорит о современной тенденции создания противопоставлений «Россия — Европа» и «Восток — Запад», что по мысли историка является сигналом новой холодной войны (Там же. 21 сент.). Цели и технологии создания образа врага в качестве обязательного компонента идеологии раскрываются в статьях Л. Гудкова «Идеологема врага» (Новая газета. 2012. 31 янв.), О. Морозова «Церковь выбирает для России историю» (Там же. 2013. 18 сент.), Шю Штолля «Полтава. Березина. Сталинград» (Моск. комсомолец. 2013. 1 февр.) и др.

Отечественная война 1812 г. отразилась в прессе не только как историческое событие, она была актуализирована в качестве основы для современного разговора о месте России в мире и ее пути, который по своему характеру является дискуссией славянофилов и западников XXI в.

Период подготовки и празднования 200-летнего юбилея стал качественно новым этапом в осмыслении публицистикой Отечественной войны 1812 г. Главной особенностью произведений журналистов о событиях двухсотлетней давности явилась их связь с современностью. Это прослеживается как на уровне методов и приемов, соответствующих нынешнему периоду развития прессы, так и на уровне содержания, что проявляется в переосмыслении событий войны с позиций опыта, культуры, знаний современных журналистов, а также в соответствии с социальными и политическими запросами сегодняшнего дня.

Примечания

¹ Рогоза А. Наполеон поспорил с Кутузовой: думаете, вы выиграли войну в 1812м году? // Комсом. правда. 2012. 6 сен.

² Добровольский А. Что скрывает могила полководца? // Моск. комсомолец. 2014. 5 марта.

³ Буккер И. 1812 год: несправедливо забытый герой // Правда.ру. 2012. 13 ноября; Звягинцев А. Генерал, друг поляков // Аргум. и факты. 2012. 27 июня; Федоров А. Герои лет минувших // Моск. комсомолец. 2012. 12 сент.

⁴ Евсеев А. Бородинская битва: победитель по-прежнему неизвестен // Правда.ру. 2010. 7 сент.

⁵ Баранец В. Французы не понимают, почему Россия в день Бородина отмечает юбилей целой войны // Комсом. правда. 2012. 7 сент.

⁶ Рощупкин В. Бородино — связь имен и времен // Новая газета. 2012. 21 сент.

O. V. Kharuk

St Petersburg State University

MODERN JOURNALISM ABOUT THE 1812 PATRIOTIC WAR: CHALLENGES AND CREATIVE SOLUTIONS

Anniversary of the victory in the 1812 Patriotic War provoked a lot of publications about Napoleon's invasion in the Russian press. When journalists wrote about history of the 1812 war, they took into account some aspects of modern stage of media and nowadays political and social situation in the Russian Federation.

Keywords: The 1812 Patriotic War, actualization of historical events, historical parallels, simplification of history, renovation of historical information, ideologem of enemy.

С. И. Якимова

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск

ЖУРНАЛИСТИКА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются особенности содержания и функционирования отечественной журналистики в годы Гражданской войны на территории бывшей Дальневосточной республики (ДВР).

Ключевые слова: журналистика, Дальний Восток, Гражданская война.

Владивосток, Хабаровск, Харбин в начале 20-х годов XX в. образовывали своеобразный дальневосточный «пятак», где разыгрывались значительные политические события 1918–1922 гг. По преимуществу во Владивостоке, как портовом и приграничном городе, столкнулись политические интересы многих государств и главных политических сил России. Заметным катализатором, активизировавшим жизнь на Дальнем Востоке, явились остатки золотого запаса России, попавшие в руки представителей местной верхушки. До октября 1922 г., времени, когда советская власть установилась в Приморье, общение между Харбином и Владивостоком было относительно свободным и регулярным, так как оно проходило по территории Дальневосточной республики.

Владивосток был в те годы крупным политическим и культурным центром России. Так же как в расположенной на другом конце России Одессе, стоявшей у истоков западного русского зарубежья, возникали и тут же прогорали журналы и газеты, особенно процветала поэзия — и Владивосток, и Одесса, несмотря на оккупацию, не хотели умирать. Владивостокские противобольшевистские образования отличались от их южных собратьев, так как не были военными образованиями, а создавались из общественных организаций гражданскими лицами. Одной из таких организаций был Дальневосточный комитет в Харбине. Международная обстановка содействовала такому роду гражданских начинаний, потому что все страны Азиатско-Тихоокеанского региона были крайне заинтересованы охранить Азию от разгоравшейся на их глазах русской гражданской войны. Соседние державы долго держали здесь лозунг: «Русский гражданский мир в Азии». Вся буферная политика, которая и привела к образованию с центром в Чите Дальневосточной Республики (ДВР), основывалась на принципе сохранения мира на Дальнем Востоке.

Совершенно особое место в общественно-политической, культурно-просветительской и творческой жизни этой окраины России занимала журналистика. Она буквально «кипела» всеми обнаружившимися здесь политическими течениями, философскими и эстетическими воззрениями.

Полно и обстоятельно об общественно-политической ситуации на Дальнем Востоке в 1920 — 1922 г. рассказал известный в те годы журналист и поэт Всеволод Никанорович Иванов (1888, г. Волковск — 1971, г. Хабаровск), принимавший активное участие в деятельности Дальневосточного комитета в Харбине. Через несколько лет он рассказал об этом в статье «Владивостокское национальное государственное образование», опубликованной в 1927 г. в газете «Наш путь», которая издавалась российскими эмигрантами в китайском городе Тяньцзин. Для многих представителей творческой интеллигенции дальневосточные региональные газеты и журналы были единственным местом, где могли увидеть свет их произведения малой и большой художественной формы. Это поистине уникальное явление в истории отечественной журналистики, когда газеты предоставляли возможность писателям обратиться к своим соотечественникам посредством не только публицистического, но и художественного слова. Выходившая во Владивостоке газета «Русский край» еженедельно выпускала литературно-художественные приложения, в которых печатались местные поэты и прозаики. Среди этих публикаций в 1921–1922 гг. часто можно было встретить сонеты Вс. Н. Иванова, в том числе и социально-политические («Углич», «Трупы», «Междоусобие», «Демократия» и др.), в которых развернуто философское исследование темы России, ее истории и культуры в социально-политическом контексте эпохи. Картины прошлого и настоящего России в сонетах поэтически воссозданы умом и сердцем не стороннего наблюдателя, а непосредственного участника государственного раскола России. В них создается обобщенный образ лирического героя, несущего в себе тревогу за судьбу России и всего мира. Выбор жанра сонета для Вс. Н. Иванова был обусловлен особым тяготением автора к подробной описательности, большим вниманием к деталям жизни и быта и, безусловно, высоким уровнем философичности его художественного мышления. Для Иванова художественная форма сонета имела принципиальное значение как выражение эстетической приверженности классике, традиции. Содержательные признаки жанра сонета проявятся позднее в его художественной прозе.

В сонетах Иванова передается драматическое мироощущение лирического героя, современника поэта, глубоко размышляющего над происходящим. Философское осмысление современной эпохи усиливается через использование исторических параллелей и созвучий, сопрягающих события истории и современности в одно целое. В сонете «Углич» поэт воссоздает страшные дни эпохи Бориса Годунова, когда был убит царский сын. Трагическая историческая коллизия способствует достижению художественной цели автора: передать глубину трагизма современности.

Многие писатели в той обстановке напряженного идейного противостояния активно занимались публицистикой и журналистской практикой. Условия тому благоприятствовали, потому что газет во Владивостоке выходило предостаточно: либеральная «Дальневосточная окраина», позже переименованная в «Голос Родины», газету «Слово» открыла группа правого направления во главе с братьями Меркуловыми, печаталась эсеровская «Эхо», бойкий сатирический листок «Блоха» издавался Андрушкевичем. За непродолжительный период жизни во Владивостоке (1920–1922) Вс. Н. Иванов в полный голос заявил о себе как профессиональный журналист, талантливый публицист, оригинальный поэт и видный общественный деятель в области журналистики и газетного дела. В дни Каппелевского переворота (26 мая 1921 г.) во Владивостоке Вс. Н. Иванов начал выпуск частной, издававшейся товариществом на паях «Вечерней газеты», совмещая должности редактора и издателя. Как редактор «Вечерней газеты» Иванов очень много писал сам. На основании проведенным нами исследований, в период с 26-го июня по 29-е сентября 1922 г. им было опубликовано в своей газете 29 статей, заметок и очерков. Их тематика достаточно обширна: здесь вопросы внутренней политики («Приамурское Временное Правительство», «Читинский официоз») и международной («Ямакава Кикуюе» — об отношениях России и Японии, «Советская дипломатия»), экономики («Живая сказка» — о голоде в России, «Собирание Руси» — о необходимости выравнивания экономического базиса страны), обострившиеся в годы Гражданской войны вопросы морали и нравственности («Потревоженные цари» — о разграбле-

нии царских могил в Петрограде, « „Наша речь“ и бандиты» — о недопустимости пропаганды преступности в средствах массовой информации). Не обходил Вс. Н. Иванов и актуальной в те годы, в период раскола нации и пересмотра традиционной системы ценностей, проблемы отношения к русской классической литературе. Его статья «Суд русской литературы» (от 12 сентября 1922 г.) — о необходимости сохранения приверженности идеалам и традициям отечественной классики. Редактируя «Вечернюю газету» и активно выступая в ней, Вс. Н. Иванов продолжал публиковаться и в других изданиях. Попыткой внести свой вклад в необходимый, по мнению журналиста, процесс гуманизации общества стала его публицистическая статья за отмену смертной казни в России «Казнь Египетская», помещенная в газете «Русский край» 17 ноября 1921 г.

Духовный мир человека никогда не уходил из поля зрения журналиста Иванова, занимая все большее место в его трудах под влиянием умонастроений писателей-современников, прежде всего представителей Серебряного века. В 1921 г., после жестокой расправы большевиков над поэтом Николаем Гумилевым, Вс. Н. Иванов выступил с гневной статьей «Расстрелян Н. Гумилев», которая была опубликована в воскресном литературно-художественном Приложении к владивостокской газете «Русский край» (№ 144). Весь материал Приложения был посвящен этой трагической утрате в истории России XX в. Эпиграф к этой статье был взят Вс. Н. Ивановым из антибольшевистской поэмы Георгия Маслова «Кольцо»: «Одно понять — права лишь сила — // Так не права в кольце стальном // Хихикающая горилла // За председательским столом». Эта статья Иванова была впервые после 1921 г. опубликована нами в научно-популярном альманахе «Белая армия. Белое дело», издающемся в Екатеринбурге (1997. № 3). Газетная статья, корреспонденция с места событий были первыми публицистическими жанрами, к которым обратился журналист Иванов. Кроме них в своей журналистской работе он в разное время обращался и к другим жанровым формам публицистики: запискам журналиста, дневниковым записям; писал речи-обращения, политические фельетоны и памфлеты. Анализ

увиденного и пережитого с годами углублялся, становился все более жестким, критическим не только в отношении к своим соотечественникам, но и прежде всего к самому себе. В 1921 г. во владивостокской газете «Русский край» был напечатан очерк Вс. Н. Иванова «Кровь царя», запечатлевший одну из темных страниц русской истории, еще «не поросшей травой забвения», о казни большевиками русского императора Николая II. Переоценки прошлого, ставшие возможными только в последнее десятилетие XX в., коснулись и этой трагической страницы русской истории. На рубеже XX–XXI вв. очерк буквально ворвался в нашу реальность как крик души, израненной созерцанием творящихся на земле несправедливостей и жестокостей. Только в конце XX в. российский читатель узнал то, о чем семь десятилетий назад тревожно размышлял Иванов: «Уже теперь, через три года после этой беспримерной жертвы царей за Россию, начинает все ярче и ярче вставать сознание — да что же мы сделали?» 1. В его авторском «мы» выражена неразрывная связь автора с судьбой России, со всем ее положительным и негативным опытом. Здесь же звучит мысль о личной ответственности за происшедшее, мысль, характеризующая Иванова как истинного гражданина и патриота своего Отечества. В этом очерке недавнее прошлое анализируется с единственной целью — извлечь на будущее урок гуманизма. «Кровь русского императора будет поворотной осью тому, о чем говорит не испорченный полунаукой русский рассудок и русская трезвая совесть, о чем говорит Волга и русские церкви — к неиссякаемой радости жизни, творчества, к той силе, о которой пророчествует Достоевский: „Народы слагаются и движутся силой повелевающей и господствующей, но происхождение которой неизвестно и необъяснимо. Это есть сила беспрестанного и непрерывного подтверждения своего бытия и отрицания смерти, — реки воды живой...“ И как эта сила, пусть так же животворна да будет кровь русского царя нашим внукам: — Ибо она на нас и на детях наших!» 2. Вс. Н. Иванов в своих статьях и очерках апеллирует к тому же, к чему в свое время обращался Достоевский, — к человеческой душе, ее духовно-нравственному богатству и красоте, человеческой совести.

В обстановке относительной свободы и политического многоголосья демократическое общество испытывало острую потребность в объективной, исчерпывающей информации. Вс. Н. Иванов, как опытный журналист, одним из первых ощутил потребность в создании единого центра информации на Дальнем Востоке. Поистине самоотверженно, с огромным энтузиазмом Иванов увлекся проблемой создания Дальневосточного информационного телеграфного агентства (ДИТА). Для принципиального решения вопроса необходима была встреча с генералом Хорватом как управляющим Китайско-восточной железной дорогой (КВЖД). Только управляющий КВЖД, как полагал Вс. Н. Иванов, мог бы профинансировать создание центра информации. Но Дмитрий Леонидович Хорват в то время уже жил в Пекине, и на поездку к нему Всеволод Никанорович рискнул просить денег у атамана Семенова, находившегося тогда в Чите. Атаман, правда, без особого энтузиазма, но выделил Иванову тысячу рублей, из которых тому удалось получить только пятьсот рублей, так как окружение атамана «своего не упустило» и обмануло газетчика. Тем не менее поездка в Пекин к генералу Хорвату состоялась и имела важные последствия, причем не только деловые, но и творческие. Генерал Хорват отказал Иванову, мотивируя свой отказ отсутствием санкции из Москвы. Суровая правда времени открылась тогда Иванову: «Старое наше государство лежало в параличе, как цикада, которую оса уколола в солнечное сплетение, а вместе с ним в параличе оказались и все мы, офицеры старой армии. <...> О, как она была беззащитна, эта старая власть, даже не помышлявшая о возможности такого афронта»³. Вопреки обстоятельствам, Иванову удалось создать ДИТА. Выживание давалось нелегко, часто приходилось обивать чужие пороги и просительным толочься в харбинских кабинетах и конторах. Иванов, как глава ДИТА, подобрал себе толкового редактора, замечательного, тогда еще молодого человека, бывшего преподавателя английского языка в Хабаровском имени графа Н. Н. Муравьева-Амурского кадетском корпусе, Льва Валентиновича Арнольдова, который стал впо-

следствии известным журналистом в Дальневосточном зарубежье. Бюллетени ДИТА доставлялись во многие страны мира через консульства, находившиеся в Китае.

В 1920 г. Вс. Н. Иванов был уже хорошо знаком читателю прессы Харбина и Владивостока. Всячески поддерживая «на плаву» существование созданного им телеграфного агентства, он активно публиковался и в газетах Харбина, которых тоже выходило большое количество: «Советская трибуна», «Русский голос», «Свет». Газету «Свет» вел ее редактор-издатель Г. Г. Сатовский-Ржевский, старый дальневосточник, хороший журналист. Одной из самых популярных на протяжении нескольких десятилетий была газета «Заря», созданная московским журналистом М. С. Лембичем и его другом, талантливым журналистом Г. Н. Шипковым. Харбинская либерально-белая газета «Рупор» (издатель Е. С. Кауфман) сразу стала конкурентом «Зари». К 1931 г. все харбинские газеты, кроме издававшейся на русском и китайском языках «Гун-Бао» («Общественная газета») и японской «Харбинское время», принадлежали М. С. Лембичу, который был признан одной из самых ярких фигур во всей дальневосточной эмиграции, поскольку был прирожденным и потомственным газетчиком.

Разносторонняя деятельность Вс. Н. Иванова на Дальнем Востоке в целом отразила стремление одаренной и образованной личности разобраться в сумятице происходящих событий, определить в своих позициях, взглядах на жизнь, определить ее истинные ценности. Вместе с тем рассмотрение ключевых моментов журналистской деятельности Вс. Н. Иванова на Дальнем Востоке в послереволюционный период обнажает главные особенности и новые тенденции в развитии русской прессы 1920-х годов и ее особую, заметно возросшую роль в социально-политической жизни Дальнего Востока России.

Примечания

¹ Иванов Вс. Н. Огни в тумане: думы о русском опыте. Харбин, 1932. С. 16.

² Там же.

³ Иванов Вс. Н. Исход: повествование о времени и о себе // Дальний Восток. 1995. № 1. С. 36.

S. I. Yakimova

Pacific National University, Khabarovsk

JOURNALISM OF THE RUSSIAN FAR EAST DURING THE CIVIL WAR

The article deals with the content-related and functional peculiarities of native journalism during the Civil War on the territory of the former Far Eastern Republic.

Keywords: journalism, the Far East, the Civil War.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Л. П. Громова

С.-Петербургский государственный университет

Блокадный дневник школьного учителя

Этот блокадный дневник оказался у меня случайно. Его передала мне старая ленинградка Стелла Васильевна Кузнецова, сохранившая после смерти своего мужа Александра Иосифовича Кузнецова четыре пожелтевшие от времени тетради, которые он получил в послевоенные годы от своего школьного учителя Ивана Ивановича Мальяревского. Боясь, что эти важные свидетельства о жизни обычного человека в блокадном Ленинграде могут затеряться, Стелла Васильевна попросила меня предать их гласности.

На научной конференции «Бытописатели блокады», которая проходила в ИРЛИ (Пушкинском Доме) РАН 10 апреля 2014 г. и была посвящена 70-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады, я рассказала об истории этого дневника и передала все четыре тетради на хранение в Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН. Они зарегистрированы в «Книге поступлений» (запись № 48 за 2014 г.) и присоединены к Разряду I, оп. 17 на имя И. И. Мальяревского.

Автор дневника — учитель географии Иван Иванович Мальяревский (1887–1951), живший в блокадном Ленинграде до эвакуации на Алтай 4 августа 1942 г. Он назвал свою летопись

«Дневник воспоминаний пережитых дней осады и блокады Ленинграда в 1941–1942 году». В одной из тетрадей была сделана приписка: «Собственно, вернее назвать не дневник, а ночник, т. к. все записи сделаны не днём, а ночью».

Почему он стал писать дневник, урывая время от сна, когда после рабочего дня нужно было беречь слабеющие силы? Этот вопрос автор задает себе и сам. Ответ на него мы находим в двух записях. «Отчего я записываю различные разговоры, которые ходят по городу? С целью их дальнейшей проверки, т. к. сведения исходят, быть может, и из верного источника, а затем искажаются <нрзб.>, как это всегда бывает» (1 марта 1942 г.). Спустя два месяца вновь возвращается к этому вопросу: «Катя (жена. — Л. Г.) бранит меня, что я веду дневник и иногда поздно вернувшись. Вместо того, чтобы лечь спать, сижу над записями. А мне всё-таки хочется подробнее записывать это историческое время. Жалею, что не начал раньше. Много упустил» (2 мая 1942 г.).

О самом авторе известно немного — скудные сведения, записанные на папке, в которой хранились тетради: Мальяревский Иван Иванович, учитель географии школы № 1, инспектор города Чистополь. Жена Шустова Екатерина Евграфовна умерла в 1959 г., на восемь лет пережив мужа.

Эти скупые биографические данные, оставленные о своём учителе хранителем дневника А. И. Кузнецовым, дополняются воспоминаниями самого автора о довоенной жизни, которые рассеяны по дневнику. Становится известно, что до войны он жил в Пушкине, любил охоту (этому посвящены многие записи и рисунки автора, встречающиеся на страницах дневника). В блокадном Ленинграде они с женой оказались после того, как немцы заняли Пушкин, и прожили в городе на Неве до 4 августа 1942 г., после чего были эвакуированы на Алтай.

Записи алтайского периода жизни в значительной части посвящены событиям вокруг Ленинграда. О них Мальяревский узнаёт по радио и из «Алтайской правды». Он пишет о боях за Ленинград, освобождении городов Ленинградской области, приводит рассказы эвакуированных, сведения о знакомых. Послед-

няя запись алтайского периода, сделанная 12 февраля 1944 г., наполнена ожиданием скорого окончания войны и возвращения домой.

«Заканчиваю эту тетрадь дневника. Перед моими глазами встаёт новое будущее нашей страны и всего человечества, которое его ждёт после этой кровопролитной и изнурительной войны. Хотелось бы верить, что война закончится осенью этого года. <...>. Надо уехать при первой возможности. Это главная цель. Трудности в пути будут большие, но надо их преодолеть. Привет Ленинграду!» Но в Ленинград, судя по всему, Иван Иванович не вернулся. Послевоенные годы они с женой прожили в городе Чистополь.

Дневник состоит из четырех тетрадей.

Тетрадь № 1 хронологически обозначена с сентября 1941 по 16 марта 1942 г. Однако регулярные записи, день за днем, ведутся начиная с 20 января 1942 г.

Тетрадь № 2 отражает блокадный период с 18 марта по 31 март 1942 г. и продолжает хронику жизни блокадного города.

Тетрадь № 3 посвящена жизни в блокадном городе с 1 июня по 4 августа 1942 г. и последующей эвакуации на Алтай (последняя запись сделана 12 февраля 1944 г.).

В тетради № 4 автор возвращается к дневниковым записям уже в 1950 г. — в конце своей жизни, когда он жил в г. Чистополь после возвращения из эвакуации с Алтая.

В тетрадь № 2 вложены два письма И. И. Мальяревского, относящиеся к блокадному периоду. Одно из них датировано 20 апреля 1942 г. и адресовано Валентине Петровне, имя которой часто встречается в дневнике. Другое — представляет собой фрагмент письма некоему Володе, о котором автор также не раз упоминает в дневнике. В этой же тетради хранится черновик рукописи рассказа под названием «Верность», написанного в алтайский период, судя по всему, для местной газеты. События первых месяцев блокады представлены в дневнике лишь на первых пяти страницах в кратком описании произошедшего. В январе 1942 г. начинаются почти ежедневные записи. Главная тема дневника — ХЛЕБ.

«16/I 42 г. Хлеба не прибавили».

«20/I 42 г. Усиленно говорят, что с 22/I прибавят хлеба. Мороз –30°».

«21/I. Хлеба еще не прибавили. Мороз такой же».

«22/I. Прибавки еще не выдали. Ждем завтра».

«24/I. Наконец прибавили хлеба. Иждив<енцы> — 250, служ<ащие> — 350, раб<очие> — 400».

«27/I. Очереди за хлебом. Хлеба не получили».

«28/I. Хлеба не получили. Огромные очереди»...

На протяжении всех дневниковых записей блокадного времени ХЛЕБ остается центральной темой. Постоянна также мысль автора о работе радио и телефона. Связь с миром, сообщения с фронта, городская информация для него жизненно необходимы, их отсутствие вызывает отчаяние.

«26/I. Телефоны еще не работают».

«30/I. Телефоны опять не работают».

«3/II. Телефоны не работают. Радио говорит очень тихо».

С хроникальной точностью И. И. Мальяревский записывает все события городской жизни (эвакуацию университета, открытие городских бань, пуск трамвая, уборку города). Слог записей, как правило, лаконичный — автор словно экономит силы и время: «Объявлена норма за январь. Хуже декабря. Масла нет. Январь прожили. Что-то будет дальше. Пухнут ноги» (31 янв. 1942).

Но часто повествования развернуты, особенно, когда автор размышляет о событиях в мире, или возвращается к воспоминаниям о довоенной жизни. Он словно укрывается в прошлом, вспоминая о довоенной охоте, о прочитанных книгах, размышляет о записках Седова, о подвиге папанинцев. И кажется, что эти отступления позволяют ему на некоторое время забыть о тяготах настоящего.

Дневник Мальяревского представляет собой будничное повседневное бытописание осажденного города, в котором с фактографической точностью фиксируются все детали жизни и смерти блокадников, их заботы, трагедии, маленькие радости, надежды, высокие и низкие проявления человеческого характера. Это повествование зрелого человека, повидавшего жизнь, которому в

начале войны было 54 года. У него наблюдательный аналитический ум, удивительная способность абстрагироваться от тягот и ужасов войны, неиссякаемая вера в завтрашний день.

Война по-разному и разными гранями запечатлена в публицистике и мемуарах людей, прошедших через ее горнило как участники и живые свидетели. Обращение к блокадным дневникам показывает, насколько ценны для нас эти летописи войны, донесшие правду об одной из самых драматичных страниц нашей истории. У каждого из переживших эти трагические дни — своя блокада, свой угол зрения на нее и переживание происходившего. Их жизнь, их самоотверженный труд в блокадном Ленинграде, их стремление сохранить человеческое достоинство в этих нечеловеческих испытаниях, их желание похоронить умерших близких по человеческим обычаям, которые так трудно было блюсти в то страшное время, — это тот урок, который нам предстоит еще осмысливать.

В письме, адресованном родственнику Володе, Мальяревский пишет: «Война принесла новые, тяжёлые испытания. <...> Зато мы сделали свидетелями и пережили интереснейшие исторические периоды, о которых в будущем будет написано очень много томов».

Дневник Ивана Ивановича Мальяревского является еще одним ценным документом, живым свидетельством правды блокадных дней, которое дополняет наши представления о поступках, мыслях, сомнениях, слабостях и силе человеческого духа людей, прошедших это испытание.

К публикации представляется лишь первая тетрадь дневника. В ней повествование о начальном периоде блокады заканчивается записью 16 марта 1942 г.

При подготовке дневника к публикации встречающиеся сокращения были раскрыты в ломаных скобках. В отдельных случаях, когда расшифровать неясные слова не удалось, даны указания на неразборчивый почерк <нрзб.>

Благодарю Наталью Алексеевну Пироговскую, соискателя кафедры истории журналистики СПбГУ, за помощь, которая была оказана мне при подготовке рукописи к изданию.

Дневник воспоминаний пережитых дней осады и блокады Ленинграда в 1941–1942 году

Тетрадь №1

(с сентября 1941 г. по 16 марта 1942 г.)

(*Публикация Л. П. Громовой*)

Случилось так, что фронт подошел к Ленинграду на пушечный выстрел, и неприятель занял все дороги, ведущие в глубину Союза, продлив фронт до самого Ладожского озера. Ленинград оказался в блокаде. Это была середина сентября, а теперь уже январь, и на дворе стоят жуткие морозы 35–40°. Нева в этом году встала на 6 дней ранее всех ранних сроков, и такие ранние морозы, без оттепелей, сулят холодную длительную зиму.

Неосторожное обращение с огнем, главным образом времянок различных фасонов и форм, вызвали большие пожары. При сильных морозах, когда тушение очень затруднено, дома горят по несколько дней и выгорают до каменных стен. Это бедствие, пожалуй, хуже бомбежки.

Окружение или блокада Л<енингра>да вызвали истощение запасов всех видов продовольствия, топлива и всего прочего.

Город попал в крайне тяжелое положение. Правда, продовольствие привозилось водным путем, но около 1/3 его топились, а поэтому для такого желудка как Ленинград, это было совершенно незначительно. В Л<енингра>де скопились беженцы из пригородных районов и армии. Поэтому был введен строгий режим потребления продовольствия. Труднее всего оказался месяц декабрь. Чтобы усилить блокаду, немцы заняли ст. Войбокало и г. Тихвин. Попадать в Л<енингра>д можно было только очень далеким окружным путем. Поэтому после взятия Тихвина и Войбокалы войсками Кр<асной> Армии открылся доступ более близкий к Л<енингра>ду, и продовольствие пошло быстрее.

Ежемесячно в середине м<еся>ца производилась перерегистрация карточек. Существовал промысел воровства продов<ольственных> карточек. Поэтому похищали сумочки, портфели в надежде найти там карточки.

За хищение продуктов, спекуляцию ими Трибунал присуждал к смер<тной> казни, и таких случаев было много. О них печатали в газетах.

Смертность сильно возросла в январе и начале февраля, когда выдачи были крайне ничтожны. Во второй половине февраля смертность уменьшилась, но все еще продолжает быть очень высокой, и теперь от заболеваний дизентерией. Воды в домах нет, воду берут часто из ям на улицах, лазая туда своими ведрами и заноса заразу. Дров у населения мало — очевидно, и пища не всегда хорошо проварена.

Электричества и трамвая нет с декабря — января м<еся>цев. Сломали заборы, мебель и все, что только можно, пущено на дрова.

Магазины начинают торговать в феврале и марте, когда стало светлей и теплей. Создались рынки-толкучки, где идет ходкая, гл<авным> обр<азом> меновая торговля. Иногда прекрасные дорогие пальто идут за 1–2 кг хлеба.

Главный продукт, что требуется — это хлеб. Деньги меньше всего играют роль. 100 гр. хлеба стоят от 40–25 руб., смотря по нормам выдачи. Выдаваемые продукты сейчас же появляются на рынке и обмениваются гл<авным> обр<азом> на хлеб. Масло, мясо, крупа, сахар, меланж. Хлеб все-таки насыщает, а следовательно в нем большая необходимость, чем другие продукты, хотя они также, если не еще больше, питательны.

16/1. Хлеба не прибавили.

20/1 42 г. Усиленно говорят, что с 22/1 прибавят хлеба. Мороз –30°. Вода замерзла и в Жакте. Вся задняя лестница нашего дома залита экскрементами. Двор тоже. Что же будет весной? Зарницы орудийных выстрелов стали далекими. Сегодня бухало два дальнбойных. Обстрел города прекратился.

21/1. Хлеба еще не прибавили. Мороз такой же. Горят дома. Потушить из-за мороза очень трудно.

На Л<енигра>дском фронте существенных перемен не произошло. Продукты наши на исходе. Что-то будет? Получить на рынке, где Катя (жена автора дневника. — Л. Г.) прикрепилась, очень трудно. Каждый день объявляют новые выдачи, но очень ничтожные порции.

Получили письмо от Вали. Она хочет приехать сюда. Это безумие.

22/1. Прибавки еще не выдали. Ждем завтра.

24/1. Наконец прибавили хлеба. Иждив<енцы> — 250, служ<ащие> — 350, раб<очие> — 400.

Я поел хлеба и почувствовал себя лучше.

25/1. Нет воды, ходили на Неву, берем из теплофикации. Радио и телефоны не работают, так как разрядились аккумуляторы. Мороз -30° и резкий ветер. Дома холодно и голодно, но заработал в столовой кашу и принес домой.

26/1. Телефоны еще работают. Мороз не ослабевает. Дома горят до каменных стен. Ужас. Пожарные бессильны. Хлебные заводы стоят. Колоссальные очереди до самой ночи, и хлеба нет.

27/1. Очереди за хлебом. Хлеба не получили. Выдают мукой, но жесткий % припека — 65%. Выдачи ничтожны: 100 гр. мяса, 50 гр. масла, 200 гр. муки. Чем питаться? Продержимся ли это время. Смертность растет.

28/1. Хлеба не получили. Огромные очереди.

29/1. Хлеб получили. Катя простояла в очереди с 6 ч. утра до 6 ч. вечера. Телефоны заработали. Очереди за хлебом огромные. Студентам каши не варили. Положение очень тяжелое. Силы мои уходят. Что-то будет? Выживем ли?

30/1. Телефоны опять не работают. Выдач продуктов нет. За хлебом очереди меньше. Мороз легче. Дела на фронте хороши. Когда-то спасение?

31/1. Мороз мягче. Телефоны работают.

Везут массу покойников. Рядом с нами лежит раздетый женский труп. Везут трупы возами. Ужас.

Матросы стреляют галок — счастливицы. Объявлена норма за январь. Хуже декабря. Масла нет. Январь прожили. Что-то будет дальше. Пухнут ноги.

У Кати пухнет лицо, а у меня ноги, но к утру опухоль спадает.

1/II. Вот и февраль. Январь прожили. Едим студень из столярного клея. Клей декстрин. К чему приведет еда этих суррогатов? Может быть, это медленное отравление всего организма.

Очереди за хлебом пропали, так как задержали выдачу карточек. У нас хлеб чудный, а на В<асильевском> О<строве>. ужасный. Катя перешла на другую работу и получила раб<очую> карточку. Мы поели хлеба, но не досыта, а как хочется поесть.

2/II. Мне сохранен рацион — думаю, выскочим. Представилась возможность работать в воинской части и получать добав<очный> тылов<ой> паек — это спасение. Если бы сухой выдали?

Встречал особенно много покойников.

Объявлена норма на январь — крохи. Видел много машин с мясом.

Принимают меры к прекращению пожаров. Погода теплее — 10–18°.

Открылись парикмахерские, телефоны работают.

3/II. Телефоны не работают. Радио говорит очень тихо. Воды нет. Пожары продолжают. Трупы возят возами. Страшно смотреть. Валиются на улицах, и всем все равно. Проходят мимо.

Погода мягче. Обстреливал неприятель Петроградскую сторону. Жутко. Иногда очень часто рвались снаряды. Дорога вдоль моря к Стрельно — б. Ижоры и Ям-Ижоры свободна.

Уходя, немцы оставили массу продуктов, главным образом, консервы мясные и сгущенное молоко датские. Рыбные норвежские. Банка по 4–5 кило. Моряки говорят, что прекрасного качества.

Сегодня удалось поесть хлеба. Вечером болит живот — распирают газы. Надо постепенно увеличивать объем пищи.

В роте тому, кто бывает, дают только суп. Вообще там кормят неважно. Чем объяснить, что обе части стоят в тылу, и в одной сытно кормят, а в другой голодно? Воровства не допускаю. Дело, видимо, в хозяйственной жилке командира. Видел <нрзб. > и его жену. Бедняга распух. Вид ужасный.

4/II 42. Хороший морозный день. Солнце, а мне навстречу вереницей везут мумии, или автомобилями. Стали действовать телефоны. Хлеб есть. Продукты выдают за январь. Везут ан<глийский> сахар.

Положение напряженное. Настроение Кати ухудшилось. Мне жаль ее до боли в сердце. С продовольствием у нас трагедия, доедаем последние крохи. Что будет дальше? Неужели февраль будет такой же голодный? Тогда мы погибли.

Есть зацепка за батальон. Если это пройдет, смогу помогать Кате. Говорят, что дорога до Б<ольших> Ижор по берегу моря уже свободна. Противник отступает и оставляет запасы оружия и продовольствия. Прекрасные мясные, рыбные и молоч<ные> консервы, которыми отъедаются моряки.

В пятом часу бронепоезд опять обстреливал центр города. Я шел в это время и укрылся в дом. В сводке дня нашего фронта нет ничего утешительного. Газеты не выходят. Радио говорит, но очень тихо.

Идет усиленно, по размерам транспорта, эвакуация.

15 февраля. Прибавлено хлеба с 11/II р<абочим> — 500, служ<ащим> — 400, ижд<ивенцам> — 300. Выдают масло, мясо, сахар, крупу, но по небольшим дозам. Говорят, идут рыбные продукты до 800 вагонов — поедим малость. Положение мало изменилось. Пожары сократились, так как морозы ослабли. Сегодня тепло. Люди ходят грязные, немые, с бледно-синими лицами. Организмы истощены до предела. Умер Анд<рей> Пав<лович> Козловский — мир праху твоему, дорогой друг. Смертность не сокращается. Устраивают стационары, чтобы поддержать наиболее истощенных. Вчера и сегодня бронепоезд опять обстреливал город. Вчера В<асильевский> О<стров> — Университет — Акад<емия> наук, а сегодня — Чайковского — Литейный мост. Это варварство. Радио сообщило об обстреле, когда он закончился. Так всегда.

Целый день идет сильная орудийная стрельба, а время от времени трещат пулеметные очереди. То ли враг хочет войти в город, то ли наши ему чешут загривок. В Неве найден вибрион. Нас ожидают кишечные заболевания. Пейте только кипяченую воду и ту хорошо кипятите. Газеты не выходят. Телефоны действуют. Бань и парикмахерских нет.

Сняли Попкова и назначили Андреева — которого?¹ Это вызвало выдачу продуктов населению в большом количестве. Улучшили порции в столовых. Меньше вырезают талонов.

Улучшился наш рацион, но раздавальщица и руковод<ство> тянут с нас, что только могут, а поэтому выходит очень голодно. На нем можно сидеть, ничего не делая и мало двигаясь.

16/II. Объявлена еще выдача крупы за I декаду 500 гр. раб<очим>, 300 служ<ащим> и 250 иждив<енцам>. Все это ничтожные подачки для истощенного, умирающего населения. Крупа частично американская -смоленская.

Пожары сократились, но улицы заливаются водой из-за лопнувших водопроводных труб.

17/II. Идут рассказы о том, что наши взяли Ушаки и Любань и двигаются в Кингисеппу, отрезая всю ленинградскую группу фашистов к морю, с тем, чтобы их там утопить. Город опять обстреливался.

17/II. Сильный обстрел города был по В<асильевскому> ост<рову>. Снаряды рвались около Ак<адемии> наук и Университета.

18/II. Сильный обстрел и всю ночь артил<лерийская> пальба, из тяжелых и дальнобойных. Выдают 500 гр. крупы.

19/II. Выдают 150 гр. сух<ого> картофеля на карточку. Все ждут опять прибавки хлеба и каких-то больших новостей по военным операциям. Университет готовится к эвакуации.

20/II. Сегодня объявили, что войска Федюнинского прорвали две линии обороны. Говорят, что Красное и Гатчина в наших руках. Идет усиленный подвоз продуктов к Л<енингра>ду. Ожидается поступление до 800 вагонов рыбопродуктов. Привезли бы трески и селедок. Как давно мы не ели рыбы. Неделю я работал авторемонтным слесарем и получал добавочный красноарм<ейский> паек. Это несколько восстановило мои силы.

Не пришлось бы менять службу. Хорошо бы сделаться грузчиком, они хорошо зарабатывают. Вопрос — хватит ли у меня сил таскать

грузы. Знакомые рабочие уверяют, что работа не очень тяжелая. Лучше бы быть авторем<онтным> слесарем — это ценная квалификация во всех случаях жизни и в деревне, и в городе. Давно не было писем от Вали и от Володи.

Интересно бы знать, что делается сейчас в Пушкине, и как моя квартира? Что сохранилось?

Много больных желудками — глав<ным> образом поносы.

Сегодня теплая туманная погода. Вчера вечером в 8 ч. была объявлена воздушная тревога, которая длилась минут 15. На нее сейчас мало обращают внимания. К ней привыкли, с ней сжились и забыли про нее. Сейчас все заняты едой, чтобы спасти свой живот. Начинают открывать окна в магазинах. Отдирают деревянные обшивки и разбирают гарь и песок, которые порядочно смерзлись.

Видел тяжелую сцену, когда женщина набросилась на девочку, вышедшую из булочной, и отнимала у нее кусочек хлеба. Девочка жалобно умоляла — «Тетенька, мой хлеб. Не бери его. Это мой хлеб». Я подошел и вырвал ребенка из лап этой ужасной женщины, черной от сажи, невытой из-за лени принести воды. Таких чумазых ходит по улицам очень много. Опустился народ. Изредка попадаются здоровые свежие женские лица, глав<ным> обр<азом> молодые — даже с намазанными губами. Многие женщины мечтают о том времени, когда они смогут опять одеть хорошее платье, сменить валенки на туфли, принять ванну. Кстати, начинают действовать бани. Мне удалось подстричь свои космы в Университетской парикмахерской. Большое удовольствие снять лишние волосы. Но когда я попаду в баню, не знаю.

Идет массовый отъезд из Ленинграда. Публика бежит. Если блокаду не снимут, то на период распутицы можно ожидать опять голодные нормы. Но этого периода мы уже не выдержим, т. к. запасы наши кончились.

Дни заметно прибавились, а горячее у нас убавилось. Стараемся раньше лечь спать.

24/II. День годовщины Кр<асной> Армии не принес особенных новостей. Правда, накануне всю ночь сильно грохотали пушки в районе Колпина и Пушкина, но чем все дело закончилось — неизвестно? Выбили ли наши немцев из этих районов или нет?

Производят выдачи еще мяса и крупы. Усиленно уезжают, но говорят, что дорога безумно тяжела. Вагоны не отапливаются. В дороге не кормят. Добывай себе пищу сам. Из Университета должны были уехать и уехали на вокзал 1.600 чел. еще 22/II, но сидят на Фин<ляндском> вокз<але>.

Слышал, что идет 700 ваг<онов> рыбы и поехало 8 чел. проталкивать эти товары в Вологду, а в очередях уже говорят, что будут выдавать клюкву и воблу. Выдают по 25 гр. какао и 150 гр. сух<их> овощей — я взял капусты и картошки. Получил мясо, и завтра у нас мясные щи.

Вечером возвращаясь, на Невском встретил воен<ного> летчика, которому нужно было подвезти вещи. Я предложил свои сани. Он наградил меня огромным ломтем на дорогу, который я тут же съел, а затем дал кусок не меньше килограмма за работу. Хлеб прекрасный. Нет, свет не без добрых людей. Пока судьба в самые тяжелые минуты приходит мне на выручку. О Боже, благодарю тебя! Хлеба осталось и на завтра утром — это уже экономия, и мы сытые ложимся спать. Ходил в 8 столовую, и там Осип Пав<лович> налил мне супу погуще, да прибавил туда гороху, да жиру полил. Я ел и наслаждался этой едой, которую в мир<ное> время не взял бы в рот. В ней мало сытости. Один объем.

На улицах ледяные горы, где берут воду. Начинают убирать дома, дворы, улицы. Иначе весной будут страшные эпидемии. Много лиц страдают поносами. Воду нужно долго кипятить. Сижую пищу — при свете мигалки. Желудок приятно отягощен пищей. Поели с Катей горохового супа с хлебом вволю. Завтра утром будет студень из ст<олярного> клея, достал уксус<ной> эссенции. Мои служебные дела очень плохи. Могу лишиться этой службы, а главное — рациона, который с переходом в 8 стол<овую> с I/III будет много лучше. Куда идти и где искать работы? Хотелось бы получить квалификацию авторемонт<ного> слесаря — такой человек всюду и везде, и всегда нужен. Уметь исправить двигатель — это очень важно всегда. Машину я еще плохо знаю — вернее, совсем не знаю, но очень хочу знать! Это даст мне всегда и всюду хлеб. В совхозах, колхозах, МТС² и т. д. такой человек нужен всегда.

Узнал, что многие из наших товарищей охотников умерли, или как теперь говорят на жаргоне — «заснулись». Это Шведе, Шестаков,

Молотов. Многие уехали и бросили квартиры с полной обстановкой, а теперь издано постановление СНКома³ о том, что эвакуированные лишаются жилой площади. Так оно и есть, их комнаты по большей части уже заняты. Меня обобрали прекрасные Загорские + Рязанские с помощью Завиденковых. Вот не ожидал никогда такой подлости от них. Поставил им ультиматум.

Проходил мимо сгоревших домов — тяжелая картина. Сегодня в 1–2 ч. дня сильный обстрел города со стороны Лигова. День значительно прибавился. Солнце теплое. Утром шел снег большими хлопьями.

Один красноармеец сказал, что боевое вооружение всегда при нем — «котелок, ложка и кружка». Так и у меня всегда при себе котелок, ложка и ножик для хлеба или мяса. Ложка алюминиевая — моя действительная кормилица. В некоторые тяжелые минуты она выручала меня — появлялась еда, и ложка тут как тут. Особенно ценный момент был с повидлой — вкусно закусил. А теперь как если вырвал и поел, то ты герой.

Так было и сегодня в 8 столовой.

26/II. Вчера по радио объявили о большом успехе на нашем фронте. В районе Старой Руссы разбита 16 герм<анская> армия, и взяты большие трофеи. Немцы отклонили предложение нашего командования о сдаче в плен, и было убитыми только 12 т<ысяч> чел. Ужасная война! Сколько жертв! Кому они нужны!

Надо полагать, что наш успех будет развиваться дальше, и это ускорит снятие блокады.

Днем и вечером он еще раз обстреливал город. Снаряды ложились на Петрогр<адской> стороне. А я в это время переходил Неву, а затем у Летн<его> сада, на трамв<айной> линии, в самом саду и на Фонтанке.

Опять выдают еще мяса, крупы, сахар и клюкву. Усиленно говорят, что будет скоро рыба. Я точно знаю, что идет 700 вагонов рыбы, и выехало 8 челов<ек> в Вологду их проталкивать сюда. Завтра будут выдавать клюкву. Так, почти каждый день, что-нибудь да получаем. Действительно, февраль много лучше января. Говорят, что смертность уменьшилась, но не думаю, чтобы очень резко, так как питание только-только начало улучшаться.

Многие уже уверенно думают, что выживем. Однако эвакуация идет полным ходом. Это и хорошо, т.к. легче вывести во внутрь народ, чем завозить сюда ему продукты. Многие думают, что как только немцы увидят, что Л<енингра>да им не взять и не разрушить, то опять начнутся бомбежки. К ним-то население уже достаточно привыкло.

Эвакуируемым в Вологде назначается двухнедельный карантин, после чего могут ехать дальше. Говорят, что и у нас с 1 марта будут какие-то карантинные меры.

Что сейчас дешево — это мебель и посуда. Уезжающие продают иногда ценные вещи прямо даром. И видишь, как везет публика вещи на саночках иногда очень ценные, а возницы не по вещам.

Февраль для моей семьи в продовольственном отношении был очень благополучен. Что-то даст нам март. А там апрель — охота. Пока прилет птиц. Разрешат ли охоту, и где достать ружье. Видел у одного прекрасную двадцатку Лебо⁴ на 8 фунтов. И ружье по заказу <нрзб.> Вот это ружье, с которым бы я никогда не расстался бы и с которым я был бы совершенно уверен на любой охоте. Какая работа <нрзб.>, но это барская затея теперь не по времени — дорого терять <нрзб.>. Засечки внутри все золоченные. Чудное ружье, и не по охотнику оно.

Был у Третьяк<ова>. Одна сестра умерла, а две другие, наверное, выживут. Сам он недалеко от Л<енингра>да и думаю, что помогает им. Предложил им работу в швейной мастерской, но они отказались. Теперь все стараются меньше двигаться.

У меня второй день понос. Остановить его еще не могу. Силы ослабли. День морозный.

27/II. Ночью город обстреливали дальнобойными, а утром сильно палили наши. Морозно. Желудок будто бы лучше. Будут разносить по квартирам таблетки от дизентерии. Выдают клюкву. Сводка опять хорошая и на нашем фронте бои за К<олпино> и П<ушкин>.

Выдавали сахар, крупу, клюкву мороженную. Кормили на рации отвратно. Встретил своего ученика с курсов Зав <нрзб.>. Вспомнили недавно умершего Ганкганверта, и многие из моих учеников убиты. Часа в 4 была тревога, но радио действует слабо, и мало кто обращал на нее внимание.

Сегодня наши сотрудники вспоминали, как жили они, работая в отд. труда Облпродсовета. Как ходили по предприятиям, и им заворачивали посыпочки на продовольственном предприятии, и как обедались они на конфетных и кондитерских фабриках. Как проходили конференции, и что только они ни ели на наши профсоюзные взносы. Особенно по кондитерской промышленности — торт «Союз» — как его ели? Приезд папанинцев⁵ в зале Филармонии и торт, приготовленный специалистами.

Прием Правительственной комиссии <нрзб.> 20 дней, и оплата в 2000 р. за работу, ящик сигов и шоколадных конфет. Хорошо, что правительство вовремя остановило эту вакханалию.

Сегодня день прошел довольно тихо — неужели немцы отступают, и действительно блокада будет снята.

Читал приказ Наркома обороны т. Сталина по поводу 24 годовщины Красной Армии. Написан довольно правдиво, но исполнится все так, как там сказано — это интересно. Сможет ли СССР в одиночестве одолеть эту фашистскую гидру? Хватит ли у нас техники. Сейчас, надо думать, немцы ведут бешеную подготовку к весенним операциям. Помогут ли нам англичане, начав активные действия на Западном фронте, и закончатся ли операции в Ливии к тому времени?⁶

Написал письмо Володе. От него давно нет писем. Все ли благополучно у них там? Как хотелось бы мне махнуть туда. Отдохнуть и поесть немного. Походили бы по гостям, кто еще остался в живых, поменял бы картофеля, овощей, молока. Коровы телились поди, а там и за лосями махнуть не грех бы. Поискать их стоянок в Чернодырове или около Коровьего вала. Много бы мяса добыть можно с одной штуки. На Орле, наверное, есть глухари. Штучки две свалить не вредно, да и выстрелы бездымным порохом из 20 калибра совсем негромкие в зимнее время. А если ветер, то в Дубне и не услышат.

Как бы достать ружье? Вот мечта. Весна подходит, можно прокормить себя и семью.

Прорубают и очищают трамвайные линии — неужели пойдут трамваи?⁷ Все это давно забыто. Скалывают лед и снег с панелей.

Много заболеваний дизентерией. У меня боли в желудке прекратились.

Мое служебное положение совершенно не ясно еще. Чистяков шляпа, как я и думал. Я, я — а на самом деле ничего! Удивительный человек! А свои дела умеет устраивать.

Давно не было писем от Вали. Что-то не случилось ли чего?

Грузчики рассказывают, что на складах продуктов очень много. Население говорит — эти запасы имеются до июня м<еся>ца — пустяки. Что-то будет в марте?

28/II 42. На март м<еся>ц моя работа определяется на Маяковской.⁸ Нужно разместить заказ на 300 т<ысяч> конвертов. Они хотят использовать на это дело мои последние силы. Но я предупредил, что меня уже высосали на пустяки, а теперь я очень тяжел на подъем, как и другие сотрудники. Иванов и Иерусалимский уже не ходят. Второй особенно плох. На рацион меня поставили. Посмотрим завтра, где лучше, где хуже.

Сегодня прекрасный, теплый день. На солнце уже началось легкое снеготаяние. На улицах очищают трамвайную линию.

Много объявлений на стенах домов о продаже и обмене вещей на деньги или продукты. Иногда встречаются прекрасные вещи. Очень дорогие, но идут очень дешево. Так дороги сейчас продукты, и их так мало.

Идут разговоры, что откроются коммерческие рестораны и магазины. В первую очередь открывается магазин полуфабрикатов, как это было одно время в помещении быв<шего> ресторана Федорова⁹ — вот была славная обжорка мирного времени.

Ресторан этот посещался и мелким чиновником, служащим, студентством. Главное — в нем была стойка, где можно было получить большие бутерброды с горячей ветчиной, бужениной, солониной, колбаской за 10–15 к., бокал бочечного, очень вкусного пива или рюмку водки с беконом. Т<аким> об<разом> быстро и хорошо закусить. Это единственный ресторан в Петербурге с такими горячими закусками. Все остальное было, как в ресторане средней руки. Свежесть продуктов — это очень важное дело.

Сегодня очень сильная артиллерийская стрельба из тяжелых орудий, но сравнительно на далеком расстоянии. Было время, когда эти орудия стояли на бегах, на 2 Л<енингра>де¹⁰ Октяб<рьского> вокзала. И когда они падали, у нас звенели стекла окон.

На пути из Университета подвез вещи военному. Он дал мне 3 папироски. Хлеба у него не было. Он также сказал мне, что отход немцев возможен только через Кингисепп. Возможно действительно части, расположенные по оккупированию Л<енингра>да, окружены, и пути отступления ему отрезаются.

1 марта. Легкий мороз. Несет тонкую поземку. Небо серое. Ночью и особенно под утро сильно была артиллерия. Днем легкая пурга.

Был у П. Ф. Он предлагает работу, но его учреждение далеко. Тихо. Стрельбы вечером не слышно, а утром обстреливал город. Снаряды ложились на Литейном, а говорят, что Детское,¹¹ Пулковое и Павловск уже очищены от неприятеля. Видимо везде.

Сегодня проходил мимо Греч<еской> церкви, у стены Урологич<еской> больницы я видел валяющийся брошенный труп молодой женщины, а на Басковом около стены казарм, на тропинке - отрезанная человеческая голова. Очевидно, тело съели. Интересно, существует ли людоедство? Рассказыв<ают> про него очень много. Сегодня видел, как милиционеры вели парня, сильно изнуренного, оборванного, а один из милиционеров нес окровавленный топор. Должно быть, разыгралась тяжелая драма.

Говорят, что встречали около кладбищ трупы, особенно женщин с отрезанными грудями и ягодицами. Родители съедали своих детей. Ну, а собак, да и тех почти всех приели, даже кровных охотничьих. Кошек уже давно нет. Нет и мышей у нас. Не видно голубей, но воробьи и вороны имеются. Галки летают. Особенно их много на Неве, где теперь свалка снега и разных нечистот. Что-то будет весной? Сейчас уже дизентерия косит народ.

Имущество, застрахованное от огня, если гибнет от бомбежки, то премия не выплачивается, если застрахованный убит бомбежкой, снарядами или умер от дистрофии, то премия также не выплачивается.

Вчера мне выплатили зарплату за II пол<олвину> декабря и обещали ликвидировать январскую и февральскую задолженность.

Отчего я записываю различные разговоры, которые ходят по городу? С целью их дальнейшей проверки, т. к. сведения исходят, быть может, и из верного источника, а затем искажаются после <нрзб.> передачами, как это всегда бывает.

Сегодня усиленно говорят о новой прибавке хлеба с 3/II по 200 гр. на каждую категорию. Едва ли??!

Рацион, на который я теперь попал — голодный. Крадут, как только могут.

Сегодня отдаем заслуженный долг студню из столярного клея, и из него же кофейное желе. Едим уже сколько времени — ничего. Одна даже поправилась, как стала есть этот студень.

П. Ф. болен. Сильно ослаб, и доктор признавал у него слабую циркуляцию крови. Советовал попить водки. Действительно, ему достали две сотки спирта, он выпил их и стал ходить. Водка заменила хлеб, мясо и масло. Я сам выпил ½ рюмки и пил, как вкуснейший ликер простую водку, слегка настоянную на апельс<иновых> корках.

Меню :

Завтрак.

Студень. Суп из греч<невой> крупы. Чай.

Обед.

Студень. Суп из раз<ных> круп. <нрзб.> кус<ка?> мяса. по мал<енькой?> капле желе с хлебом.

Ужин.

Студень. Суп. Желе с бел. хлебом (50 гр. на челов<ека>). Днем пили чай с сахаром, но увы лепешек не было. Где бы достать муки?

2/III. 7 ч. Утра. Серое, мрачное утро. Тихо, стрельбы нет. Погода мягкая, чувствуется весна. Что, если бы мы могли есть каждый день так, как ели вчера в воскресный день, или вернее ужинать, то это было бы сносно.

Никаких выдач не объявлено. Туго. Писем ни от кого нет. Днем снегопад. Вечером полная тишина — стрельбы нет. Мигалка плохо горит.

Рацион голодный. От голода разболелась голова. Едва ташу ноги.

Пожинали хорошо. Суп горохов<ый>, по маленькой котлетке. Хлеб. Чай с сахаром. Студень еще не готов.

Проходил днем мимо больницы на Маяковской — около лежат привезенные и брошенные трупы. Убирай же! Чудовищно жутко делается в такие минуты.

Похоронить в отдельной могиле стоит от 2–3 кг хлеба, 400 руб. денег и 2 пачки папирос. Это выкопать могилу. Гроб стоит 2 кг — только сделать из вашего материала.

В газетах напечатана речь Черчилля в Парламенте после падения Сингапура¹² — положение англичан очень тяжелое. Япония доминирует на Востоке и бьет и англичан, и американцев. Война может принять затяжной характер, и англичане Западного фронта не откроют. Нам будет очень тяжело. Голод неминуем по всей стране. Нужно делать запасы к будущей зиме. Она будет еще голодней. Жутко делается, если хорошенько подумаешь. Едва ли выживем.

3/III. Легкий мороз. Снегопад, но небольшой. Тихо. Стрельбы не слышно. Особенных новостей нет с фронта.

Видел особенно много привезенных трупов — это назыв<ается> смертность уменьшилась.

Продовольственных выдач нет. Говорят, что будет масло и сахар по февр<альским> карточкам. Служебные отношения мои очень натянуты, и наверное, порвутся, но треск... будет сильный. Я выведу их на чистую воду.

13 выдача не объявлена и вечером. Опять голод. Что бы это могло значить?

4/III. Морозный день с сильным северным ветром — резко режет лицо. Утром город обстреливался. Снаряды ложились на Литейном, у Марсова поля и у Адмиралтейства. Видел жуткую картину. Воронка, а рядом труп мужчины, а у панели лежит женщина с разбитым горшком и сеткой — чья-то мать шла по хозяйству, и здесь совершенно неожиданно ее застигла смерть. Невинные и ненужные никому смерти. Горит электроток — наверное, тоже попал снаряд.

Выдач опять не объявлено. В «Правде» статья улучшить работу столовых и буфетов — а там знай крадут всюю. Приходящие контролеры едят, а затем уходят. Вопрос только — как сумеют принять, а отсюда и резюме. Отношения на службе по-прежнему плохие.

Катя сильно устает. Надо искать другой работы или покидать Л<енинград>, но для этого нужно тепло. Сейчас ехать, по всем имеющимся сведениям, очень и очень трудно. Хватим в пути горя, голода и болезней. В городах квартирный вопрос, а в колхозах и совхозах — вопрос продовольствия и квартир также. По письмам уехавших — многие хотят обратно, да ау! Может быть вытерпим!

Опасна распутица, когда опять можем сесть на 250 гр. Страшно подумать. Читаю биографию Седова и его попытку достигнуть Сев<ерного> пол<юса>. Вот типичная драма на наш русский манер. Ужасно тяжело. Напоминает наше настоящее положение.

5/III. Мороз — 15° и сильный N.¹³ Ночью северное сияние — холода будут еще держаться. Тихо. Обстрела не было. Много везли мумий, и часто разбросаны по улицам. Это тяжелая картина. Выдают раб<очим> мяса — 300, сахар — 300, спичек — 2 кор., компот — 100.

Прибывают рыбные грузы — треска и мелкая рыба.

Очищают трамв<айную> линию и дворы. Ожидаем открытие бань. Есть надежда уйти на производство — опять на В<асильевский> О<стров>.

Очень голодно. Получил декстрин, и сегодня поели плотно за чаем.

Вести с фронта хорошие. Особенно на Юге. Но есть хочется. Как погасить голод? Мечтаю только о хлебе! Еще бы 600 гр., и я был бы сыт.

6/III. Мороз меньше, и ветер не такой злой. Утром обстрел города и по нашему району, но недолго.

Особенных новостей нет. Мне удалось свалить заказ на конверты, и скоро я опять буду на В <асильевском> О<строве> работать автослесарем.

Начинаем думать, что весной нужно будет покинуть Л<енигра>д и уехать в деревенскую глушь, где устроиться учителями. Меня тянет Белозерск, так как там район глухой, охотничий и в то же время рыбный, а это важное подспорье.

Был у Зверева, он тоже думает махнуть в Ладогу. Т. А. уедет весной, чтобы посадить огород, а затем он придет. Хочет достать лодку, и на ней увезти барахлишко. Думаю присоединиться к нему, и на этой лодке махнуть дальше.

Сегодня мумии все детского возраста. Эвакуируют ремесленников, их давно нужно было увезти.

В деревне, думаю, жить нам будет лучше. Приехав весной, мы обживемся к весне.

Открываются бани, но килом<етровые> очереди, в которые становятся с 5 ч. утра.

Усиленно расчищают трамвайные пути. Ждем прибавки хлеба. Сегодня случайно заработал кусок хлеба и с жадностью его съел. Как хочется хлеба!

Морозная звездная ночь! Зима в этом году на диво холодная, без оттепелей, к которым мы так привыкли, и по всем вероятностям, будет продолжительной.

Как-то я вывернусь с дровами? На керосин и электроэнергию не рассчитывай — это тебе не Лондон, и положение не то.

7/III. Утром слегка морозно, а затем выдался прекрасный солнечный день. Сильно таяло на солнце, а в тени — мороз.

Днем прилетал нем<ецкий> самолет. Зенитки открыли бешеную стрельбу, но без результатов. Вечером артиллеристская стрельба резкого характера. Обстрела города не было. Выдают раб<очим> 300 гр. крупы, служ<ащим> — 200 и т. д. Говорят, что перспективы продовольственные не особенно хороши. Прибавки хлеба едва ли можно ожидать.

Во время прилета нем<ецкого> сам<олета> воздушная тревога не объявлялась, да и публика совершенно равнодушна к обстрелу. Слишком заняты своими делами, мыслями и тревогами за будущее. Объявляли, что много топлива завезено. Расчистка трамв<айных> линий идет успешно. Неужели правда пойдут трамвай? Как мы уже отвыкли от этого способа передвижения. Вспомнить только, что было осенью ненастной. Самое худшее — это налеты. Сначала я был к ним равнодушен, но после того, как бомба разорвалась на 5 Сов<етской>, недалеко от нас, меня обуял страх. Самый настоящий животный страх. Немец был аккуратен. Он прилетал в одно и то же установленное им время и бросал бомбы. Первая бомба, около нас, упала при следующих обстоятельствах.

Мы сидели на лестнице, что как потом выяснилось самое опасное, так как лестн<ичные> пролеты легко вылетали из своих гнезд и давили всех, кто был под ними своею тяжестью.

Слышен был гул самолета и резкая стрельба зенитки. Я вышел на улицу, встал в амбразуре парадной двери.

На северной части небосклона была большая туча, и в край ее била зенитка, в небе вспыхивали огоньки. Самолет приближался и по гулу

шел прямо на наш дом. Вдруг раздался какой-то свист, шум чего-то падающего с неба. Это летела брошенная бомба. Казалось, низвергаются небеса. Затем взрыв, и всюду сыпятся стекла. В первую минуту я думал, что бомба попала в наш дом. Отбежал на другую сторону панели, чтобы посмотреть — в чем дело? Но дом стоял спокойно, а окна зияли чернотой.

Пошел посмотреть на наши окна. Одно разбито, другое цело. Уходя, я одно окно открыл, а другое — мешали цветы, но оно было приоткрыто. Этого оказалось мало. Вторые рамы целы. Так мы и прожили зиму, заделав одно окно картоном, бумагой и ковром. Хотя зима была и суровой, но особенного холода из-за разбитого окна не ощущали.

Затем мы уходили каждый вечер на Маяковского в подвал или спускались по черной лестнице в подвальную квартиру и сидели до конца тревоги. Иногда ходили в Жакт, но там было противно, так как собиралось очень много народа. И разговоры их действовали хуже всякой бомбежки. Да, тяжелые были времена. Они могут всегда повториться. Особенно пострадал город и от зажигательных бомб.

Досталось Л<енингра>ду! Последнее время много народу скосила дизентерия, а сейчас началась цинга. Все хорошо. Когда же конец войне? На Востоке между Англией и Японией она только разгорается, да и у нас к весне разовьются военные действия. Германия едва ли спит, а готовит нам новые сюрпризы. Англичане высаживали во Франции воздушн<ые> десанты, которые после окончания операций увозились военными кораблями обратно на острова. Это очень интересные и рискованные предприятия, и какую они принесли пользу? Думаю, что они были направлены на истребление подводных лодок, от которых за послед<ние> 2 м<есяца>, по словам Черчилля, Англия опять терпит большой урон.

8/III. Все ждали, что к Междун<ародному> дню раб<очих> будет прибавка хлеба, но увы ничего.

С утра небо пасмурно, легк<ий> мороз. Идут усиленные работы по расширению трамвайной линии. Стрельбы не слышно.

Мне удалось несколько улучшить свое служебное положение, устроив дело с конвертами, но оно еще не закончилось. На В<асильевском> О<строве> работа в роте сокращается, и не знаю, попаду ли опять туда. Надо искать чего-нибудь нового.

Начинаю обдумывать эвакуацию из Ленинграда, так как если вытянем сейчас, то не вытянем на будущий год, когда не будет топлива и едва ли будет хорошо с продовольствием.

Мечтаем с Катей уехать в деревню. Получить школу и устроиться в ней на зиму. Запастись с осени продуктов, главным образом овощей, грибов, ягод и т. д. Завести хотя бы козу или коровушку, что едва ли.

Вопрос — куда ехать? Начинаю розыски в этом направлении. Меня тянет в Белозерский район Вологодской области. И вот почему.

1. Озеро Белое богато рыбой. Имеются рыбные колхозы, где всегда можно найти работу и рыбу для еды.

2. Район охотничий, дичи много. Значит, будем сыты.

3. Огородный район — овощи и картофель всегда будут.

4. Хлеба, конечно, в районе мало, но об учителях всегда особая забота; надо думать и теперь будут давать.

5. Так как сейчас большая потребность во всяких видах продовольствия, то рыба нужна в большом количестве, и снабжение рыбаков поэтому всегда было лучше других категорий. Надо полагать и теперь будет также.

Надо собрать побольше сведений об этом крае. Напишу Вале в Вологду, чтобы она разузнала, где там хорошие места.

Сегодня у нас праздничный обед — щи из сушеной капусты, куда положили по одной шпротине. Это последняя коробка шпрот. На этом заканчиваются все наши запасы. На второе лапша с кровяной конской колбасой, это мой обед из столовой, но всего вместе очень мало. На третье желе из студня. На завтрак наш в столовой выдали сыр из козеина. Напоминает твердую студенистую массу — вареного сыра.

Во время обеда сильная артиллерийская стрельба и обстрел города, но мы уже к нему привыкли и продолжали обед как всегда.

Пришло распоряжение восстановить затемнение в окнах, а то многие уже перестали его применять.

Сегодня особенно усиленно проводят очистку трамвайной линии.

День выстоял очень теплый, небо серое и закат чисто весенний.

9/III 42. Ночь прошла спокойно. Пасмурный, теплый день, но не тает. Вспомнил легенду о маршале Кулике, которая была создана еще

в ноябре. Тогда говорили, что Кулик сформировал армию в Сибири и идет на выручку Л<енигра>ду. Одно время уже видели и бойцов из его армии. Все это, конечно, оказалось мифом. Немцы заняли линию Тосно-Мга-Шлиссельбург, разобрали ж. д. и наделали из шпал и рельс солидные укрепления, которые до настоящего времени наши не могут разбить.

Как и в прошлую войну, так и в эту, германская армия оказалась хорошо обученной саперному делу.

В районе Пушкина — Пулково — Лигово столько огневых точек, и так они пристреляны, что нашим и носу не высунуть.

Затем интересно, что у них почти совсем исчезла винтовка, и ее заменил короткий автомат, из которого они, не жалея, посыпают наши части, а иногда при наступлении простреливали целые леса. Отсутствие винтовок объясняет их боязнь принимать штыковой бой, так как нечем защищаться.

Саперные укрепления настолько крепки, что наши никак не могут взять Мги и прилегающих районов и освободить дорогу для ввоза продуктов питания.

Снимают песчаные — деревянные панцири с окон магазинов. Панятники закрыты панцирями. Фигуры с Аничкина моста сняты и увезены — спрятаны. Это правильно.

Днем опять была артиллерийская стрельба. Это наши долбят по немецким дотам. В сводке приводятся цифры захваченных дотов. Почти ежедневно разбиваются десятки таких укреплений, и войска продвигаются вперед, убивая порядочное количество противника от 600 до 2.800 человек. Захватываются большие трофеи. В сводке сообщают, что немцы ввели в бой войска, которые предназначались для весеннего наступления, но ввиду нашего продвижения вперед, вынуждены были не ожидать весны, а бросить войска сейчас в бой. Это показывает, что у них нет резервов. Заходил в керосиновую лавку и слышал, как две женщины толковали с продавщицей о пропаже 8 лет<ней> девочки и <нрзб.>. Кому и зачем понадобился этот ребенок? НКВД принимало участие в розысках ребенка, но найти не могли. Куда же он девался? Неужели его съели? Другую цель покражи трудно предположить.

Опять идут усиленные разговоры, что с 11/III прибавка хлеба. Но я этому мало верю. Правда, хлеба мало. Это я ощущаю и

на себе, но едва ли помогут 100 гр., которые прибавят. Приварок очень слаб. На этом можно влечить существование, но не работать, как этого от нас требуют, и вообще, как работали раньше. Народ сильно ослаб. В этом я мог убедиться и сегодня, когда мылся в бане после 3-х мес<ячного> перерыва. Страшно похудевшие тела у всех, особенно у юношей, а у пожилых, как правило, распухшие ноги или коленные суставы. Один только был в добром теле. Это очевидно какой-нибудь завмаг или завскладом, или агент по снабжению. Только эти лица и питаются сейчас хорошо. Остальное население не получает в полной мере того, что изнашивает. Еще нельзя сказать, что приостановлена смертность от истощения. Сеть открытых стационаров несколько помогает населению, но этого мало. Причем здесь опять получается странность: у лица, находящегося в стационаре, отбирают на это время карточку, а затем так ее обкарнают, что выйдя из стационара, несчастный опять голодает, и поправка идет насмарку. Так было с директором НИФИ,¹⁴ который пробыл в стационаре «Астории», где все кушанья подавались в блюдечках — можно судить об их размерах, но давали 40 гр. масла и 100 гр. сахара ежедневно. Последующая голодовка заставила его положить в стационар университета, где он несколько окреп.

Мне бы важно было устроить в стационар Катю, а затем уже воспользоваться самому, так как она хуже меня питается, а работает много и трудно.

Улетая на самолетах из Л<енингра>да, погибли певец Михай и академик Воячек¹⁵ — не выдержали сердца.

В «Астории» стационар для высшей интеллигенции — литераторы, музыканты, художники и т. д. помещались там.

При великолепной обстановке ужасный холод.

Сегодня попал в баню. Женская очередь огромна, мужская меньше, но продвигается очень слабо. В чем же дело? Оказывается, из 48 шкафчиков работает только 12, так как нет замков. Уже растащили. Сходил домой за замком, и после долгих препирательств закрыл шкафчик своим замком. Вода горячая, электричество. Вся прислуга женская. В бане довольно тепло.

Сейчас 12 ч. ночи. Звездное небо. Тепло и тихо. Фронт уснул.

10/III. Мягкая погода. Весь день снегопад разной силы. Во многих местах опять занесло расчищенные трамвайные пути. Днем был опять обстрел района — Цирк — Марсово поле — пл. Урицкого. Дела на фронте не очень важны. Враг упорен и опять потрепал войска Федюнинского. Окруженному нами Мгинскому участку были сброшены на парашютах продовольствие. Несколько парашютов отнесло в нашу сторону. Там оказались белые галеты, ветчина, ром, сигары, консервы мясные и рыбные, которыми полакомились наши части. Вообще рассказывают, что почти всегда, когда занимают нем<ецкие> окопы, то находят продовольствие и хорошего качества.

Видимо, ожидать скорого освобождения Л<енингра>да нельзя. Затем поражает та массовая поспешность, с которой военные вывозят своих жен и детей. Усиленный отъезд Госнауки также говорит за то, что горизонт не совсем чист, и не исключена возможность занятия Л<енингра>да весной немцами. Вот как складываются дела на сегодня.

Был у Ксешинского. Старик сильно ослаб и сдал. Месяц тому назад я видел его в лучшем виде. Сам он чувствует, что сможет вытянуть только весной, не ранее.

Слышал, что главная свалка покойников на ул. Марата около бань. Туда привозят и оставляют, а затем приходит машина, и все это подбирает. Много свалено трупов вместе со снегом в Неву. Они вмерзли в лед, который их уносит в Фин<ский> залив, и поплывут они к берегам Финляндии, Эстонии, Швеции и Германии, разнося с собой заразу и болезни. О, ужасы войны! Когда же им будет конец.

Прибавки хлеба не будет, так как узнал, что заводы и пекарни к этому не готовятся. Готовились к 1 марта, но затем последовала отмена. Если прибавят, то рабочим до 600 гр., а занятым в военной промышл<енности> до 800 гр., а прочему населению едва ли. Не так-то много муки. Это чувствуется и по хлебу, который стал сырым или из затхлой муки. Правда, это дело пекарей, повышающих припек, чтобы покрыть расходы на сторону.

Служебные дела мои на распутье. Есть два предложения. Не знаю, которое из них выбрать лучше. Должно быть, завтра получу еще 5 кг клея. Есть туманная надежда достать турнепса — это было бы истинное спасение от цинги и других болезней.

Подал заявление, чтобы меня положили в стационар Ленатомаша с 20/III с. г. Не знаю, что выйдет. Он рассчитан на 15 человек, и есть свободные места. За это время сильно подорвалось мое здоровье. Чувствую упадок сил, так как питание здесь ужасное.

Узнал, что от воспаления легких умерла Маруся Михалева. Это Катина ученица, которая часто к нам заходила и вдруг пропала. Мы думали, что ее убили и съели, так как она была достаточно полной. Оказывается, судьба ее сложилась иначе.

Вечер тихий, стрельбы нет. Идет снег. Что-то будет завтра? Какая выдача или ничего? Это вернее.

11/III. Морозное утро. Легкий снегопад. Снег так и хрустит под ногами. Вода разлилась по улице. Такие ледяные горки можно наблюдать на многих улицах. Особенно у «Пассажа» — разлив и огромная яма, из которой народ брал воду. Теперь это прекратили. По дворам ходят санитарные комиссии, наводящие чистоту и порядок, а жители опять нальют грязи.

Хлеба, конечно, не прибавили, и одна женщина в очереди на мой вопрос резонно ответила, и разговору не было, а прибавка бы очень нужна.

С утра тяжело смотреть на эти изнуренные лица голодных людей.

Сегодня получил предложение на новую работу и решил перейти туда — это на Выб^{оргской} стороне в плодоовощ^{ной} комбинат. Дают комнату. Есть стационар, столовая. Думаю, что там будет хорошо. Овощами мы себя там обеспечим на будущую зиму и лето. Дадут огородик. Вырастим всякие овощи.

С Ленатомашем все будет покончено. Довольно этим негодьям иметь бесплатных работников.

Вечер тихий. Легкий снегопад. Мелькают зарницы далеких выстрелов, а самих выстрелов не слышно.

Объявлена новая выдача мяса — 300, крупы — 300. Про хлеб молчок, а его так хочется. Мясо сегодня развозили по магазинам.

Опять создается легенда о новой Армии, идущей из Сибири на выручку Л^{енингра}ду.

Приехали различные делегации в Л^{енингра}д поздравлять стойкость и мужество выдержавших осаду. Одна пропаганда, а дела нет!

Снег опять засыпал трам<вайные> линии, и работа пропала даром. У нас это часто бывает. Сначала сделают, а потом подумают. А обещали, что к 15 марта пойдут трамваи.

Смертность за это время опять увеличилась — косила дизентерия. На третий день люди умирали. Надорванный организм не выдерживал. Вымидали целыми семьями, оставляя одинокими сиротами детей или одного члена семьи. Много горя, а иногда просто тупого ужаса. Кто подумает об них?

Опять читал конец Седова. Его гибель. Тяжелая, чисто русская картина судьбы человека, безвыходность и безысходность положения. Правда, при Сов<етской> вл<асти> этого не было бы — взять хотя бы дрейф папанинцев. Во что это было все обращено. Сколько шуму и крику на весь свет. Ай да мы! Какую умеем делать рекламу научно-популярному путешествию, и как мы его обставляли — ни одно правительство капит<алистических> стран не заботилось так о людях, как мы это делали. А теперь, что мы видим, где забота о людях, о рабочем человеке? Грош всему цена.

Сегодня обстрела не было.

12/III. Ясный морозный день. Совсем зима, но солнце уже теплое и ласковое.

Целый день наши самолеты патрулировали над городом.

Я с 10 ч. утра до 5 ч. вечера простоял за мясом. Кусок в 600 гр. получился хороший, и на ужин мы ели мясной суп.

Сегодня помогал носить мебель и заработал около кг муки. Катя на ужин сварила кашу, но жидковатую. Все-таки это было очень вкусно и сытно. Мой обед и ужин оставили на завтрак завтра.

Получили три письма. Открытку от Вали, письмо от Риты и Эммы. Валино письмо от V/I 1942 г., Ритино от 17/I и от Эммы.

Рита пишет цены на продукты, напр<имер>, мука 300 р. пуд, масло 150–200 за кг, мясо 20–30, свин<ина> 60–80, картоф<ель> 100 р. пуд и т. д. Если бы мы с Катей вдвоем работали, то жили бы там неплохо. Хлеба она получает 400 гр. Эмма зовет к ним с весной. Володя мобилизован, но находится в тыловых частях. Они живут не очень шикарно, но видимо сытно. Скоро пойдет всюю рыба, и они заживут еще лучше. Обязательно надо съездить к ним — это моя заветная мечта.

Сегодня на службу не ходил и завтра не буду. Как жаль, что меня стесняет Чистяков, и я не могу расправиться со всеми этими сволочами. Разоблачить эту компанию, которой давно пора сидеть на скамье подсудимых. Ночь, особенно под утро, спал плохо. Сильное моче-выделение и именно под утро. Вечером сократил колич<ество> чая. Ощущения соли во рту нет. Смертность среди населения увеличилась.

Имел возможность, стоя в очереди, наблюдать рыночные типы и цены. Самовар ник<елированный> прекрасный — 2,5 кг хлеба. Вообще, все на хлеб гл<авным> обр<азом>. Таким образом, видно, что главный недостаток для населения это в хлебе. Масло и то меняют на хлеб, сахар и т. д. Затем очень дороги папиросы и табак. Многие из-за этого бросили курить — это хорошо, а кто сумел сделать запасы папирос и табака, тот теперь с хлебом и т.д. Еще дороже табак и папиросы по ж. д. от Жихарева к Званке.

Сегодня устал и рано ложился спать — 9 ч. 30м<инут>.

13/III. Мороз -23° . Север<ный> ветер. Ясный солнечный день. Глухая артиллерийская стрельба. Ездил на Выб<оргскую> сторону на новую службу. Выбор<ская> сторона моя родина. Я родился на Александровской ул<ице>, где прожил более полужизни и опять в тех же краях. Сама Выб<оргская> стор<она> этой части — Кондратьевский просп<ект>, сильно изменилась — настроили новых заводов, домов жилых, кино, магазины и т. д.

Место на Выб<оргском> комбин<ате> мне предлагают или за-вхоза или зав. план<ово>-экон<омического> отделом. Сам комбинат — очень большое предприятие, которое должно дать много овощей Л<енигра>ду. Сейчас вопрос об огородах, в т. числе и индивидуальных, поставлен правительством очень широко и глубоко. Даже приравнен к оборонной работе. В таких отраслях приятно работать. Я думаю, что дело там развернется.

Заводы стоят. Работают отд<ельные> цеха. На зав<оде> Сталина стационар на 400 чел<овек>.

Был у Леонтия с Сашей. Он лежит больной, а она служит в пож<арной> стор<ожевой> охране и выглядит молодцом. Вспоминали минувшие дни и нашу жизнь в прошлом.

Проходя по территории комбината, видел своими глазами брошен-

ный в снег лицом труп, у которого икры и ягодицы вырублены топором — вот вам и людоедство. Рассказов про людоедство масса. Это не только на окраинах, но и в центре. На обратном пути встретил трехтонку с трупами, которых везли на кладбище в Пискаревку.

Никаких выдач не объявлено. Заводы Выб<оргской> стороны сильно пострадали от бомбежки. Были пожары.

14/III. Опять сильный мороз. Ясный солнечный день с ветром. А сегодня Евдокии Плющихи — курица водички не попьет, такой мороз. Весна будет поздняя и холодная.

Выдач не объявляли.

Надо собирать вещи в дорогу на Выб<оргскую> стор<ону>, где буду жить на казарм<енном> положении.

Итак, с утра мороз — 28 °, днем немного отдало, а к вечеру опять припустило.

Вот тебе и Авдотья Плющиха, когда курочка должна воды напиться,¹⁶ а сегодня за весь день не капнуло — значит, весна будет холодная и затяжная. Долго еще ждать тепла, нужно готовить дрова.

Сегодня за ужином сидевший со мной за столом милиционер рассказывал, что он дежурил и попал в столовую Дзержинского района — там утром дали большую тарелку каши рисовой и стакан какао, на обед был горох хороший и густой, макароны с солониной, густо политые маслом, рисовая каша с сахаром, какао. На ужин каша манная и кофе, или какао. Вот так едят наши управители, когда народ в массе голодает, когда опять увеличилась смертность! На 10 дн<ей> выдали 400 гр. крупы служ<ащим> — чем же здесь жить? Это назыв<ается> «курортно-санитарный паек»?

В стационаре, который открыли для себя в Ленатомаше — кормят хотя и вкусно, но очень мало. Только масло и сахар выручают. Опять идут разговоры, что армия Федонинского и Мерецкого рвутся к Л<енингра>ду и вот-вот войдут в него, а утром был обстрел города и где-то около нашего района. Мы с Катей сидели и чинили валенки.

Давно мы ждем прихода Крас<ной> Армии, а их все нет и нет. Все это агитация для поднятия настроения и у <нрзб.> населения. Опять усилилась эвакуация. Бежит народ из Л<енингра>да? В чем дело? Чего они так боятся? Или кого? Все это наводит на разные размышления.

15/III. **Опять мороз, но немного меньше** -22° , на солнце днем — 10° , резкий ветер N. Чудный солнечный день. На Литейном и на Невском кипит работа по очистке трам<вайной> линии и мостовых. Работает не только гражданское население, но и военные, особенно много согнали моряков. Все здоровый, хорошо упитанный народ. Работают весело и сильно. По Невскому уже прошли грузовые вагоны, но до пассажирского движения, думаю, что далеко. На площади сваливают сколотый снег и сваливают нечистоты. Запах ужасный. Увлекается и нас<еление> очисткой снега и перевозят его с места на место, часто выполняя бесполезную работу два раза.

Начались принудительные эвакуации некоторых нежелательных элементов в городе. Направление дают на Хабаровск, на сборы 2–3 дня — это жестоко. Люди должны все бросить и нищими уехать.

Объявлена выдача крупы раб<очим> — 300, служ<ащим> — 200 и т. д. Сахар — 300 только раб<очим> и т. д., а остальное население подождет. Не густо в марте!

Собираемся завтра переехать на комбинат. Укладываемся. Завтра придет лошадь. Вообще, переход на новую работу вышел совершенно неожиданно и скоропалительно. Директор торопит, так как нет людей, а дело стоит. Думаю, что на новом месте жизнь будет неплохая, и имеются виды на будущее. Можно будет пить полустровскую воду, а она железиста — это укрепит несколько организм. Затем не будет таких хождений, как это было у меня на В<асильевском> О<строве>. Расстался с «Ленатоммашем», доставив кой-кому несколько неприятных минут.

Стационар их не хвалят, так как порции очень ничтожны. Выручает масло и сахар. У нас на новой службе имеется 5 мест стационарных, и рядом в школе открывается большой стационар. Так что, если я свихнусь, то будет где восстановить силы.

За эти дни настроение мое несколько улучшилось, и виды на будущее окрепли. Катя показала мне наши запасы, их на три дня. А дальше что? Столовая?

Принимаю настойку хвои, содержащую витамин «С», говорят, цинга проходит при этом. Катя отказывается принимать это зелье, а оно вовсе непротивно.

Перечитывал охот<ничьи> рассказы Мамина-Сибиряка — прекрасно написаны,¹⁷ тогда как Фокина книжка «Охота и охотники»¹⁸ написана очень слабо. Старинные охотничьи журналы очень интересны. В одном из них описано, что под Петербургом был перепел. Года четыре тому назад одним из наших тов. охотников был убит перепел. На Неве около пристани островки. Видимо, одиночные экземпляры туда долетают.

16/III. Ночью сильный обстрел города. Мороз как и вчера. Небо пасмурное. Хлеб хороший пшеничный. Пью хвою — витамины «С». Собираем вещи и готовимся к отъезду на Выб<оргскую> стор<ону>.

Получили много писем. Февральской датой от Риты и Вали. Пишут — жизнь дорога, и трудно достать продукты. Овощи, хлеб, масло — все стоит больших денег и очередей.

На этой записи кончаю эту тетрадь и начинаю новую тетрадь.

Примечания

¹ Имеется в виду И. А. Андреевко, зав. Отделом торговли Ленгорсовета блокадного Ленинграда.

² Машинно-тракторная станция — сельскохозяйственное предприятие.

³ 16 февраля 1942 г. вышло Постановление СНК «Об освобождении жилой площади местных Советов и предприятий, занимавшейся ранее рабочими и служащими, эвакуированными на Восток». Некоторые исключения были сделаны для жителей Москвы и Ленинграда.

⁴ Имеются в виду ружья бельгийской фирмы Лебо (Lebeau-courally), которые были популярны в России с дореволюционных времен.

⁵ Речь идет о приезде знаменитых исследователей Арктики — папанинцев (И. Д. Папанина, П. П. Ширшова, Э. Т. Кренкеля, Е. Ф. Федорова) 15 марта 1938 г. в Ленинград.

⁶ Упомянуты боевые действия во время Второй мировой войны в Северной Африке (ноябрь 1941 — август 1942 г.). В начале 1942 г. итало-германские войска Роммеля начали наступление на британские войска в Ливии. Эта операция, целью которой был захват Суэцкого канала, цели не достигла.

⁷ Трамвайное движение было восстановлено 15 апреля 1942 г.

⁸ Имеется в виду ул. Маяковского.

⁹ Речь идет о ресторане В. М. Федорова, находившемся на Екатерининской улице, 8 (впоследствии присоединена к Шпалерной улице), который позиционировал себя как закусочный ресторан.

¹⁰ Ленинград-II — название станции Октябрьской железной дороги (до 1914 г. — Санкт-Петербург-II, до 1924 г. — Петроград-II). В 1926 г. объединена с Ново-Навалочной в новую станцию Ленинград-Навалочная, которая в 1960 г. объединена со станцией Ленинград-Товарный-Московский.

¹¹ Пушкин.

¹² Речь «Сингапур пал» У. Черчилль произнес 15 февраля 1942 г.

¹³ Nord — северный ветер.

¹⁴ В те годы — Научно-исследовательский институт физики при Ленинградском государственном университете. Ныне — Научно-исследовательский институт физики им. В. А. Фока СПбГУ.

¹⁵ Возможно, ошибка автора дневника. Воячек Владимир Игнатьевич (1876–1971) — академик АМН СССР (1944) — создатель отечественной школы отоларингологов.

¹⁶ Евдокия Плющиха — название дня Святой Преподобной мученицы Евдокии. Считалось, что в этот день можно определять будущее: «Если курочка на Евдокию напьется, то овечка на Егория наестся».

¹⁷ Речь идет о рассказах Д. Н. Мамина-Сибиряка «Приемыш [Из рассказов старого охотника]», «Емеля-охотник», «Зимовье», «Сороковик», «Горное гнездо», «Гроза» и др.

¹⁸ Упоминается издание: Фокин Н. Н. Охота и охотники. СПб., 1908.

Век информации

Серийное издание

ЖУРНАЛИСТИКА И ВОЙНЫ
к 100-летию Первой мировой войны
Материалы 54-й международной научной конференции
«Средства массовой информации в современном мире.
Петербургские чтения»

С.-Петербургский государственный университет, 23–25 апреля 2014 г.

Отв. редактор Л. П. Громова

Редактор И. А. Богданова
Макет и оформление обложки: П. Ч. Хан
Верстка: Е. П. Смирнова

Подписано в печать 21.04.2015. Формат 70x108/16.

Гарнитура CharterITC. Печ. л. 17,25.

Тираж 80 экз. Заказ 37.

Отдел допечатной подготовки
Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»
Санкт-Петербургского государственного университета
199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д. 26.